

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- От теории к экономической политике
- История мысли
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№1
2025

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

научный журнал

№ 1/2025

дата публикации: 20.02.2025 г.

Является сетевым СМИ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.

ISSN 2587-7666

Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов	Н.А. Макашева
О.И. Ананьин	В.С. Мартьянов
М.Р. Байсингер (США)	В.Ю. Музычук
А.Е. Варшавский	А.Н. Олейник (Канада)
М.И. Воейков <i>зам. гл. редактора</i>	Н.М. Плискевич <i>зам. гл. редактора</i>
Г.Д. Гловели	Л.И. Полищук
Р.С. Гринберг	В.М. Полтерович
В.Е. Дементьев	Т.Ф. Ремингтон (США)
А.П. Заостровцев <i>зам. гл. редактора</i>	А.Я. Рубинштейн
Л.В. Зеленоборская	М.Е. Симон
Р.И. Капелюшников	Н.Е. Тихонова
С.Г. Кирдина-Чэндлер	М.Ю. Урнов
А.М. Либман (ФРГ)	Б.А. Хейфец
В.И. Маевский	Т.В. Чубарова <i>зам. гл. редактора</i>

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@inecon.ru
© Вопросы теоретической экономики, 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

I S S U E S O F
E C O N O M I C
T H E O R Y

- **Economic Theory**
- **From Theory to Economic Policy**
- **History of thought**
- **Interdisciplinary Studies**
- **Economic History**
- **Surveys & reviews**

Nº1
2025

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 1/2025

Publication Date: 20.02.2025

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov	N.A. Makasheva
O.I. Anan'in	V.S. Martyanov
M.R. Beissinger (USA)	V.U. Muzychuk
A.E. Varshavskiy	A.N. Oleinik (Canada)
M.I. Voyerikov <i>Deputy Chief Editor</i>	N.M. Pliskevich <i>Deputy Chief Editor</i>
G.D. Gloveli	L.I. Polishchuk
R.S. Grinberg	V.M. Polterovich
V.E. Dementiev	T.F. Remington (USA)
A.P. Zaostrovtssev <i>Deputy Chief Editor</i>	A.Y. Rubinshtein
L.V. Zelenoborskaya	M.E. Simon
R.I. Kapelyushnikov	N.E. Tikhonova
S.G. Kirdina-Chandler	M.Y. Urnov
A.M. Libman (FRG)	B.A. Kheyfets
V.I. Mayevskiy	T.V. Chubarova <i>Deputy Chief Editor</i>

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@inecon.ru
© Issues of Economic Theory, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

- О.Н. Антипина, Н.А. Миклашевская, Е.А. Орлова**
Экономический смысл и прикладное значение индикаторов удовлетворённости жизнью..... 7
- Н.М. Плискевич**
Специфика российских институтов и патернализм государства
(Часть 1. Государство в узком и широком смысле)..... 23

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

- Е.В. Батурина**
Экономико-правовое пространство теневой экономики..... 37

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

- Н.В. Комаровская**
Определяя неопределённость..... 51
- Д.В. Мельник**
Маффео Панталеони: либеральный экономист и кризис либерального государства
в Италии..... 65

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ю.А. Нисневич**
Мир авторитарного правления в начале XXI века (Часть 1)..... 79
- Н.Е. Тихонова**
Жизненный успех: что он означает для россиян?..... 93
- П.А. Ефимова, З.Х. Лепшокова, А.Г. Яшина, Е.В. Попов, А.С. Титов**
Социальная активность российской молодёжи: концептуально-психологические
факторы..... 113
- В.Л. Римский**
Справедливое социальное государство как ценность и как реальность для российских
граждан (Часть 2. Принципы справедливости в социальном государстве)..... 127

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

- М.Е. Баскакова**
Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация
в российской сфере труда — 100 лет истории (Часть 3. 1992–2024 гг.)..... 147
- А.Г. Баранов, Е.П. Гармашова, Т.А. Лопатина, Д.В. Пунга**
Экономика Севастополя в 1920-е гг.: от политики «военного коммунизма» к нэпу..... 167

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- С.С. Винокуров**
Нобелевская премия по экономике 2024 г. и перспективы институциональной
экономики..... 185

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

O. Antipina, N. Miklashevskaya, E. Orlova

Economic Sense and Application Significance of Life Satisfaction Indicators 7

N. Pliskevich

The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism
(Part 1. The State in the Narrow and Broad senses) 23

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

E. Baturina

Economic and Legal Space of Shadow Economy 37

HISTORY OF THOUGHT

N. Komarovskaia

Defining Uncertainty 51

D. Melnik

Maffeo Pantaleoni: Liberal Economist and the Crisis of the Liberal State in Italy 65

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Yu. Nisnevich

The World of Authoritarian Rule at the Beginning of the XXI century (Part 1)..... 79

N. Tikhonova

Life Success: What Does It Mean for Russians? 92

P. Efimova, Z. Lepshokova, A. Iashina, E. Popov, A. Titov

The Social Activity of Russian Youth: Contextual and Psychological Factors..... 113

V. Rimskiy

A Fair Social State as a Value and as a Reality for Russian Citizens
(Part 2. Fairness Principles in a Social State)..... 127

ECONOMIC HISTORY

M. Baskakova

State Regulation of Women's Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour
Sphere – 100 Years of History (Part 3. 1992–2024)..... 147

A.G. Baranov, E.P. Garmashova, T.A. Lopatina, D.V. Punga

Sevastopol's Economy in the 1920s: from the Policy of «War Communism»
to a New Economic Policy 167

SURVEYS & REVIEWS

S. Vinokurov

Nobel Prize in Economics 2024 and Prospects for Institutional Economics..... 185

О.Н. Антипина

*д.э.н., профессор,
экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова*

Н.А. Миклашевская

*к.э.н., доцент,
экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова*

Е.А. Орлова

*научный сотрудник,
экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова*

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И ПРИКЛАДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНДИКАТОРОВ УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ЖИЗНЬЮ¹

Аннотация. Исследование посвящено обобщению опыта построения международных и национальных, в том числе российских, индикаторов удовлетворённости жизнью с целью теоретического обоснования и разработки методики построения показателя, имеющего прикладное значение для характеристики продвижения страны в направлении повышения субъективного благополучия её населения.

Фундаментальную базу для количественной оценки удовлетворённости жизнью составляет экономическая теория счастья, которая фокусируется на многостороннем анализе субъективного благополучия. Сторонники экономики счастья разделяют мнение об измеримости счастья через удовлетворённость жизнью. С помощью глобальных и национальных опросов населения об удовлетворённости жизнью, о счастье и субъективном благополучии в рамках экономики счастья оценивается влияние на когнитивную и эмоциональную стороны жизни таких факторов, как доход, инфляция, работа, баланс между трудом и досугом, образование, здоровье, возраст, семейные отношения, моральные ценности, экология и др. Раскрыт экономический смысл и прикладное значение индикаторов удовлетворённости жизнью, которые имеют специфику в зависимости от миссии, уровня охвата, способа сбора и обработки данных. Рассмотрены международные оценки удовлетворённости жизнью: Индекс счастливой планеты, Индекс процветания Легатум, Индекс лучшей жизни ОЭСР, Как жизнь? — Измерение благополучия, Всемирный доклад о счастье. Особенности национальных оценок удовлетворённости жизнью показаны на примерах Индекса валового национального счастья Бутана, Индекса благополучия Австралии, Панели показателей национального благосостояния Великобритании. Среди наиболее авторитетных российских оценок представлены индексы, рассчитываемые ВЦИОМ, Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), исследовательским холдингом РОМИР, а также рейтинги качества жизни населения в регионах страны. Разработан индекс удовлетворённости качеством жизни для России на основе комплексного подхода (учёт качественных и количественных переменных) и проведён сравнительный анализ значений уровня счастья по четырём рассмотренным в статье индексам, оценивающим счастье населения России.

Ключевые слова: *экономическая теория счастья, удовлетворённость жизнью, субъективное благополучие, счастье, индекс удовлетворённости качеством жизни.*

JEL: C13, C43, I3, I31

УДК: 316.6, 316,37, 330.161

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_7_22

¹ Статья подготовлена по результатам научного проекта из числа приоритетных направлений и тем научных исследований экономического факультета в рамках госзадания МГУ имени М.В. Ломоносова.

© О.Н. Антипина, Н.А. Миклашевская, Е.А. Орлова, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Антипина О.Н., Миклашевская Н.А., Орлова Е.А. Экономический смысл и прикладное значение индикаторов удовлетворённости жизнью // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 7–22. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_7_22.

FOR CITATION: Antipina O., Miklashevskaya N., Orlova E. Economic Sense and Application Significance of Life Satisfaction Indicators // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 7–22. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_7_22.

Введение

Научный и общественный интерес к индикаторам удовлетворённости жизнью переживает всплеск после выхода человечества из тяжёлого испытания пандемией COVID-19, заставившей обратить повышенное и всестороннее внимание на индивидуальное благополучие. Публикации рейтингов стран вызывают дискуссии, совершенствуются методики расчёта действующих индикаторов, появляются новые интегральные оценки материального, физического, эмоционального благополучия людей. Источниками данных для их построения становятся международные и национальные социологические исследования, включающие вопросы об удовлетворённости жизнью, о счастье и субъективном благополучии. Также используются показатели, характеризующие доходы, занятость, здоровье, состояние окружающей среды и другие важные сферы, от которых зависит субъективная удовлетворённость жизнью.

Наше исследование посвящено обобщению опыта построения международных и национальных, в том числе российских, индикаторов удовлетворённости жизнью с целью теоретического обоснования и разработки методики построения показателя, имеющего прикладное значение для характеристики продвижения страны в направлении повышения субъективного благополучия её населения.

Экономика счастья как основа для построения индикаторов удовлетворённости жизнью

Эмпирические исследования счастья долгое время оставались уделом психологов. Лишь с начала 1970-х гг. на репрезентативных данных, отражающих «счастье и удовлетворённость жизнью — то, что психологи называют “субъективным благополучием”» [Myers, Diener, 1996. P. 54], начали строиться исследования экономистов. Фундаментальная база для них создавалась экономической теорией счастья (экономикой счастья) [Антипина, 2012]. В её рамках допускается использование в качестве взаимозаменяемых понятий — «счастье», «удовлетворённость жизнью», «субъективное благополучие» [Frey, 2010], несмотря на то, что первое соотносится с когнитивной оценкой качества жизни, второе характеризует эмоциональное состояние, а третье может рассматриваться как суммарный результат когнитивных суждений и эмоционального опыта [Kahneman, Deaton, 2010]. Обоснованием для подобного отождествления служит вытекающая из размытости границ между когнитивной и эмоциональной сторонами жизни схожесть оценок, даже если отличаются формулировки адресованных респондентам вопросов [Oswald, 1997; Blanchflower, Oswald, 2004]. Индивиду не под силу точно различить и отдельно оценить осознаваемое им и вызывающее эмоции воздействие на его благополучие таких факторов, как доход, инфляция, работа, баланс между трудом и досугом, образование, здоровье, возраст, семейные отношения, моральные ценности, экология и т.д.

Соединение когнитивной и эмоциональной сторон в оценках субъективного благополучия проявилось, начиная с интерпретации самого первого парадоксального результата крупного исследования в области экономики счастья, предпринятого Р. Истерлином

в начале 1970-х гг.: более высокий доход связан с более высоким уровнем счастья, однако значимого роста уровня счастья при росте национального дохода не выявляется [Easterlin, 1974]. В качестве одного из объяснений «парадокса Истерлина» используется получившая бурное развитие в 1960–1970-е гг. концепция относительной депривации, которая была эмпирически подтверждена социологами, политологами и социальными психологами. Суть этой концепции в том, что «человек, находящийся в состоянии относительной депривации, не может чувствовать себя субъективно счастливым» [Коротаев, Шишкина, Балтач, 2019. С. 109]. Он попадает в такую ситуацию, когда ощущает разрыв между имеющимися у него потребностями и представлениями о возможности их удовлетворения. Следовательно, счастливыми не могут считать себя те люди, которые не имеют возможности достичь и превзойти уровень репрезентативного потребления. Таким образом, для индивидуального счастья доход референтной группы так же важен, как и собственный доход, поэтому люди тем счастливее, чем больше их доход по сравнению с доходом референтной группы, а общий рост доходов как следствие экономического роста для счастья не имеет значения.

Следующей серьёзной вехой в экономике счастья стала подборка статей в авторитетном британском академическом «Экономическом журнале» в ноябре 1997 г. В редакционной статье Х. Диксон определил миссию исследований в области экономики счастья как ренессанс кардиналистской теории полезности, отвергнутой ординалистской теорией в силу отсутствия объективной меры для субъективного понятия «полезность» и отсутствия теоретической необходимости в таковой, поскольку порядковая теория потребительского выбора сама блестяще справляется со своей задачей. Тем не менее сторонники экономики счастья разделяют мнение об измеримости счастья через удовлетворённость жизнью. При этом они предлагают осуществлять это измерение не путём размещения электродов на головах людей (хотя этим успешно занимается современная нейронаука) и не ожидая появления «Гедонометра», о котором мечтал Ф. Эджуорт (правда, не исключено, что искусственный интеллект воплотит его мечту), а предложив людям возможность самим ответить на конкретные вопросы об их текущем состоянии. Ответы на такие вопросы от большого количества людей могут быть использованы для агрегированных сопоставлений и для получения представлений о том, какие факторы заставляют людей чувствовать себя в целом счастливее [Dixon, 1997].

Против точки зрения, согласно которой кардиналистское понятие полезности следует отвергнуть, выступил также Ю.К. Эндж. Понимая наличие проблем с её измерением, он подчеркнул, что кардиналистская полезность больше соответствует здравому смыслу, чем взгляд чистого ординалиста. Не следует отвергать денежные меры изменения благосостояния (такие как маршаллианский потребительский излишек, компенсирующая и эквивалентная вариации дохода), но если наука всерьёз примет во внимание субъективный подход, тогда фокус экономики благосостояния должен перейти в сторону содействия благополучию и счастью [Ng, 1997].

Именно это направление поиска индикаторов благосостояния в 2009 г. провозгласила Комиссия по измерению эффективности экономики и социального прогресса («Комиссия Стиглица»²), на выводы которой не могла не повлиять выдвинутая её членом — Нобелевским лауреатом А. Сеном — оригинальная идея исследования справедливости с помощью «подхода, основанного на возможностях». Для А. Сена принципиален поиск ответов на три вопроса: «Может ли она [экономика] в какой-то мере учесть роль счастья, признать его важность для человеческой жизни, а потому и для правильной экономической политики? Это первый вопрос... Второй состоит в том, подходит ли концепция счастья для оценки благополучия или успешности человека? ... Третий вопрос:

² Комиссия Стиглица была создана в 2008 г по инициативе президента Французской Республики для изучения возможностей совершенствования показателей экономического развития и социального прогресса. В руководство комиссии вошли: Джозеф Стиглиц, Амартия Сен и Жан-Поль Фитусси.

как возможность связана с благополучием человека? Всегда ли увеличение возможностей приводит к росту благосостояния? И если нет, в каком смысле наличие возможности является показателем “успешности” человека?» [Сен, 2016. С. 349]. Отвечая на поставленные вопросы, Сен, во-первых, не выражает сомнений в том, что счастье чрезвычайно важно для каждого человека, однако не соглашается с тем, что всё остальное в жизни незначимо или вторично, ибо даже привыкший к депривации (нищете, несправедливости, отсутствию свободы и т.п.) человек может чувствовать себя счастливым. Во-вторых, Нобелевский лауреат подтверждает, что в эмпирическом плане «счастье можно признать важным показателем, поскольку оно связано с успехами и неудачами в нашей жизни» [Сен, 2016. С. 357], даже если не является единственной целью. В-третьих, очевидно, что возможности не всегда приводят к именно тому формату успеха, который понимается как счастье или согласуется с ним. Следовательно, сочетание материального и эмоционального в оценках благополучия выглядит перспективным подходом. Отсюда возникают интерес и стимулы к совершенствованию индикаторов удовлетворённости жизнью, наблюдаемые в XXI в.

Международные, национальные и российские оценки удовлетворённости жизнью: методика построения и экономический смысл

Поскольку на удовлетворённость жизнью влияет множество факторов, она оценивается либо с помощью интегральных показателей (индексов), либо опросным методом (чаще всего по методике «лестницы Кантрила», когда респондент оценивает свою текущую жизнь по шкале от 0 — «наихудшая возможная жизнь» до 10 — «наилучшая возможная жизнь»³ [Cantril, 1965]) с дополнительным анализом вклада ряда параметров в полученный результат.

Оба подхода наглядно прослеживаются в авторитетных международных, национальных и российских оценках удовлетворённости жизнью. В табл. 1 представлены наиболее известные международные оценки удовлетворённости жизнью в хронологическом порядке по году их создания.

Каждая методика международной оценки удовлетворённости жизнью имеет свою миссию, что объясняет существенные различия в рейтингах стран. О них можно составить представление, к примеру, на основе первой десятки по Индексу счастливой планеты, учитывающему экологическую составляющую, и по оценкам удовлетворённости жизнью во Всемирном докладе о счастье (табл. 2), не включающем в явном виде характеристики окружающей среды. В десятке лидеров по Индексу счастливой планеты пять стран представляют Центральную и Южную Америку, а по удовлетворённости жизнью во Всемирном докладе о счастье в первой десятке стабильно находится вся Скандинавия. Лишь две страны — Швеция и Дания — присутствуют в числе топ-10 стран в обоих рейтингах.

В качестве типичных примеров национальных оценок удовлетворённости жизнью можно обозначить Индекс валового национального счастья (Gross National Happiness Index) Бутана, Индекс благополучия The Australian Unity (The Australian Unity Wellbeing Index), Панель показателей национального благосостояния Великобритании (UK Measures of National Well-being Dashboard).

Особенностью «Индекса валового национального счастья» Бутана является не только его долгая история (индекс появился в начале 1970-х гг.). Этот индекс агрегирует

³ Полная формулировка вопроса: «Пожалуйста, представьте лестницу со ступеньками от 0 внизу до 10 вверх. Верхняя ступенька лестницы соответствует Вашей наилучшей возможной жизни, а нижняя — наихудшей возможной жизни. По Вашим личным ощущениям, на какой ступеньке в настоящее время Вы находитесь?».

Таблица 1
Международные оценки удовлетворённости жизнью

Год создания	Название / организация / миссия / URL
2006	Индекс счастливой планеты (Happy Planet Index, HPI)
	The New Economics Foundation (2006–2019) The Wellbeing Economy Alliance (2019–2023) The Hot or Cool Institute (с 2023 по настоящее время)
	Ответ на вопрос: «Возможно ли прожить хорошую жизнь, не нанеся вреда Земле?»
	https://happyplanetindex.org
2007	Индекс процветания Легатум (Legatum prosperity Index)
	The Legatum Institute
	Уникальное понимание того, как процветание формируется и меняется во всём мире
	https://www.prosperity.com
2011	Индекс лучшей жизни ОЭСР (OECD Better Life Index)
	ОЭСР (ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития)
	Вовлечение граждан в дебаты о благополучии обществ и предоставление им возможности стать более информированными и участвовать в процессе разработки политики, которая формирует жизнь общества
	https://www.oecdbetterlifeindex.org
2011	Как жизнь? — Измерение благополучия (How's Life? — Measuring Well-Being)
	ОЭСР (ОЭСР — Организация экономического сотрудничества и развития)
	Измерение благосостояния как ключевая национальная и международная задача
	https://www.oecd.org
2012	Всемирный доклад о счастье (World Happiness Report)
	Партнёрский проект: — Gallup — Oxford Wellbeing Research Centre — UN Sustainable Development Solutions Network — WHR's Editorial Board С 2024 г. публикуется Wellbeing Research Centre at the University of Oxford, Великобритания
	Измерять счастье и использовать это измерение для руководства политикой
	https://worldhappiness.report

Источник: составлено авторами на основе указанных в таблице официальных сайтов.

долю «счастливых людей» и долю «ещё не счастливых людей», скорректированную на средний уровень достаточности, достигнутой ими по оцениваемым 33 из 9 областей (доменов), отражая тем самым улучшения на пути к счастью всего населения. Индекс принимает значения от 0 до 1, и чем он ближе к 1, тем счастливее жители страны.

Индекс благополучия, рассчитываемый компанией Australian Unity в партнёрстве с Deakin University с 2000 г., измеряет личное благополучие и национальное благополучие с помощью специального инструмента — простого онлайн-теста, который может пройти любой желающий, ответив на вопросы по семи сферам жизни. По итогам тестирования

Таблица 2

Топ-10 стран по Индексу счастливой планеты и по оценкам удовлетворённости жизнью во Всемирном докладе о счастье

Индекс счастливой планеты		Удовлетворённость жизнью (Всемирный доклад о счастье)	
1	Вануату	1	Финляндия
2	Швеция	2	Дания
3	Сальвадор	3	Исландия
4	Коста-Рика	4	Швеция
5	Никарагуа	5	Израиль
6	Дания	6	Нидерланды
7	Испания	7	Норвегия
8	Панама	8	Люксембург
9	Франция	9	Швейцария
10	Чили	10	Австралия

Источники: Happy Planet Index. URL: https://happyplanetindex.org/hpi/?show_all=true (access date: 05.10.2024); World Happiness Report (2024) / J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs, J.-E. De Neve, L.B. Aknin, S. Wang (eds). — University of Oxford: Wellbeing Research Centre. P. 15.

индивид получит представление о том, какова оценка его личного благополучия и как она соотносится со средней оценкой для австралийцев. Если личный показатель выходит за пределы нормального диапазона значений, тестируемому будут выданы рекомендации по улучшению наиболее проблемных сфер его жизни.

С 2011 г. Офис национальной статистики Великобритании представляет Панель показателей национального благосостояния — обзор показателей благополучия на индивидуальном, общественном и национальном уровне. Обобщённая информация наглядно отражает хронологические изменения по 58 показателям благополучия (в числе которых и «счастье»), сгруппированным по 10 тематическим областям.

Россия, как и многие страны мира, накопила опыт оценивания удовлетворённости жизнью населяющих её людей. Наиболее авторитетные национальные оценки дают индексы, рассчитываемые ВЦИОМ, Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и исследовательским холдингом РОМИР. Набирают важность также рейтинги, оценивающие качество жизни в регионах России, в частности Рейтинг качества жизни населения в российских регионах (РИА Рейтинг) и Рейтинг качества жизни (АСИ) (табл. 3).

Таблица 3

Оценки удовлетворённости жизнью: российский опыт

Название / организация / источник данных / URL	Особенности методики
Индекс счастья и Социальный индекс счастья	<i>Индекс счастья</i> строится на основе вопроса: «В жизни бывает всякое — и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?». Рассчитывается как разница суммы положительных ответов («определённо да», «скорее да») и отрицательных ответов («скорее нет», «определённо нет»). Индекс измеряется в пунктах и может колебаться в диапазоне от –100 до 100. Чем выше значение индекса, тем счастливее россияне себя ощущают.

Название / организация / источник данных / URL	Особенности методики
<p>ВЦИОМ, с 1990 г.</p> <p>Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник». Данные взвешиваются по социально-демографическим параметрам</p> <p>https://wciom.ru</p>	<p><i>Социальный индекс счастья</i> показывает, преобладают ли в окружении респондентов счастливые или несчастливые люди. Индекс строится на основе вопроса: «Как вам кажется, среди ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастливых?». Ответу «Скорее, больше счастливых» присваивается коэффициент 0,9; ответу «примерно одинаково и счастливых, и несчастливых» — коэффициент 0,5; ответу «скорее, больше несчастливых» — коэффициент 0,1. Индекс измеряется в пунктах и может принимать значение от 10 до 90. Чем выше значение индекса, тем более счастливыми россияне кажутся своему окружению.</p>
<p>Индекс благополучия россиян</p> <p>Фонд «Общественное мнение» (ФОМ)</p> <p>ФОМнибус — еженедельный всероссийский поквартирный опрос</p> <p>https://fom.ru/Nastroeniya/14995</p>	<p>Методика расчёта Индекса благополучия россиян (ИБР) основана на трёх вопросах с вариантами ответов по «лестнице Кантрила»:</p> <ul style="list-style-type: none"> — Принимая во внимание все стороны вашей жизни, скажите, пожалуйста, насколько вы сейчас удовлетворены своей жизнью в целом? Посмотрите на карточку и дайте ответ по шкале, где 0 означает «совершенно не удовлетворен(-а)», а «10» — «полностью удовлетворен(-а)». — А теперь вообразите, пожалуйста, лестницу, ступеньки которой пронумерованы от 0 внизу до 10 наверху. Самая верхняя ступенька лестницы представляет наилучшую возможную для вас жизнь, а самая нижняя — наихудшую возможную для вас жизнь. На какой ступени этой лестницы вы находитесь в настоящий момент? — Оцените, пожалуйста, насколько вы сегодня счастливы? Дайте ответ по шкале от 0 до 10, где 0 означает «совсем не счастлив(-а)», а 10 — «очень счастлив(-а)». <p>Для каждого из трёх компонентов применяются весовые коэффициенты.</p>
<p>Индекс счастья</p> <p>Фонд «Общественное мнение» (ФОМ)</p> <p>ФОМнибус — опрос граждан РФ от 18 лет и старше. Интервью по месту жительства</p>	<p>Индекс счастья рассчитывается по ответам респондентов на три вопроса:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) скажите, пожалуйста, вы можете сказать о себе, что вы — счастливый человек? 2) как вам кажется, большинство окружающих вас людей счастливы или нет? 3) как вы думаете, от чего в первую очередь зависит, счастлив человек или нет: от его самоощущения или внешних обстоятельств? <p>Положительный ответ на каждый из трёх вопросов умножается на определённый коэффициент:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) «могу сказать о себе, что я счастливый человек» (V_1) — 0,35; 2) «большинство окружающих меня людей счастливы» (V_2) — 0,35; 3) «счастлив человек или нет, в первую очередь зависит от его самоощущения» (V_3) — 0,3. <p>Набранные респондентом баллы суммируются:</p> $Ind_{\text{счастья}} = 0,35 \times V_1 + 0,35 \times V_2 + 0,3 \times V_3.$ <p>Индекс счастья рассчитывается в баллах и изменяется от 0 до 100.</p>

Название / организация / источник данных / URL	Особенности методики
https://fom.ru/Nastroeniya/11037	Выделяются 4 типа респондентов: <ul style="list-style-type: none"> ▶ «счастливые», $Ind_{\text{счастья}} = 100$ баллов; ▶ «скорее счастливые, чем нет», $Ind_{\text{счастья}} = 67$ баллов; ▶ «скорее не счастливые, чем счастливые», $Ind_{\text{счастья}} = 33$ балла; ▶ «несчастливые», $Ind_{\text{счастья}} = 0$ баллов.
Индекс счастья	Индекс строится по результатам ответов на вопрос: «В целом лично вы довольны своей жизнью?». Варианты ответа: <ul style="list-style-type: none"> ▶ очень доволен; ▶ доволен; ▶ ни доволен, ни недоволен; ▶ недоволен; ▶ весьма недоволен; ▶ затрудняюсь ответить. Индекс определяется как разница между довольными, очень довольными и недовольными, очень недовольными жизнью.
Международная ассоциация независимых исследовательских агентств Gallup International и исследовательский холдинг РОМИР.	
Международное исследование Gallup International «Конец года» (End of the Year) проводится ежегодно с 1977 г.	
https://romir.ru/GIAROMIR	
Рейтинг качества жизни населения в российских регионах	Рейтинг составляется на основе комплексного учёта 67 показателей, которые объединены в 11 групп, характеризующих основные аспекты качества жизни в регионе: уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоённость территории и развитие транспортной инфраструктуры. Рейтинговый балл изменяется в диапазоне от 1 до 100.
Информационное агентство РИА Рейтинг	
Экспертные оценки (с 2020 г.)	
https://ria.ru	
Рейтинг качества жизни	Повышение уровня приверженности жителей своему региону — это конечная цель продвижения в Рейтинге качества жизни. В структуру интегрального рейтинга региона входит 141 показатель. Все показатели делятся на три направления: субъективная удовлетворённость человека, объективные факторы среды и динамика изменений этих факторов. Взвешенные оценки отражают важность этих элементов для жителей региона. Показателям первого направления присваивается вес 0,2, второго — 0,5, третьего — 0,3.
Агентство стратегических инициатив (АСИ) в рамках Национальной социальной инициативы (НСИ)	
С 2021 г. при составлении рейтинга используются статистические и опросные показатели, а также показатели, собираемые при помощи инструментов геоаналитики	
https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/	

Источник: составлено авторами на основе указанных в таблице официальных сайтов.

Прикладное значение оценок удовлетворённости жизнью

Оценки удовлетворённости жизнью позволяют получить не только общее представление о месте страны в международных рейтингах счастья, но и благодаря национальным обследованиям помогают составить углублённое мнение о причинах, с которыми люди связывают своё благополучие со знаком «плюс» и со знаком «минус».

К примеру, «Индекс благополучия россиян» Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в марте 2024 г. достиг 6,7 пункта из 10 возможных — максимального значения по сравнению с предыдущим замером в августе 2023 г. (6,6) и более ранними измерениями в 2018–2020 гг.⁴ При этом ответы респондентов на вопросы, учитываемые при построении «Индекса благополучия россиян», показывают, что самооценки счастья, удовлетворённости жизнью и положения на «лестнице Кантрила» ощутимо варьируются в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов. По всем трём вопросам наиболее высоки они у молодых респондентов до 30 лет (7,4), более обеспеченных людей, т.е. тех, кто может позволить себе автомобиль и более дорогие покупки (7,8). Наиболее низкие оценки — у людей среднего возраста (от 46 до 60 лет) и наименее обеспеченных (тех, кому не хватает денег на одежду) и людей с ещё более бедственным материальным положением (4,6)⁵.

Прямое обращение к респондентам с открытым вопросом — «Как вы понимаете выражение “благополучная жизнь”? Что оно означает лично для вас?», — который использует ФОМ для изучения субъективного благополучия, дало следующее распределение ответов: достаток, материальное благополучие, отсутствие нужды (54%), здоровье своё и близких (14%), стабильность, уверенность в завтрашнем дне (12%), мир и отсутствие войны (10%), семья, дети, внуки (10%), стабильная работа (8%), спокойствие, душевное равновесие (4%), доступное здравоохранение, образование (4%), есть подходящее жильё (4%), низкие цены, тарифы (3%), возможность отдыхать, проводить досуг (2%). По 1% опрошенных отдали свои голоса за следующие варианты ответов: самореализация; забота государства о людях, социальная защищённость; законность и справедливость; такая жизнь, как в СССР; безопасность своя и близких; свобода, независимость; отсутствие коррупции. При этом на вопрос — «Если говорить в целом, вы считаете свою жизнь благополучной или неблагополучной?» — положительно ответили 74%, отрицательно — 22 и затруднились ответить 4% россиян⁶.

Ещё в 1974 г. Р. Истерлин в своём первом исследовании субъективного благополучия жителей ряда стран мира отметил, что «чаяния относительно экономики, семьи и здоровья доминируют в субъективных оценках индивидов в различных странах, и экономические тревоги обычно упоминаются чаще других» [Easterlin, 1974. Pp. 94–96]. В этом россияне схожи с жителями других стран, для которых более высокий реальный ВВП на душу населения соотносится с более высокой самооценкой удовлетворённости жизнью (рис. 1) (диаметры кругов на диаграмме соответствуют пропорциям стран по численности населения; данные о ВВП стран 2022 г. приведены в ценах 2017 г. и откорректированы с учётом инфляции и уровней жизни между странами; данные о баллах 1–2 и 8–10 не вошли в диаграмму: нет стран, которые были бы настолько несчастны или, наоборот, счастливы).

⁴ К Международному дню счастья (20 марта). Позитивная динамика индекса субъективного благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение». 18.03.2024. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14995> (дата обращения: 19.07.2024).

⁵ Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение». 26.08.2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (дата обращения: 19.07.2024); К Международному дню счастья (20 марта). Позитивная динамика индекса субъективного благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение». 18.03.2024. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14995> (дата обращения: 19.07.2024).

⁶ Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян // Фонд «Общественное мнение». 26.08.2019. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (дата обращения: 19.07.2024).

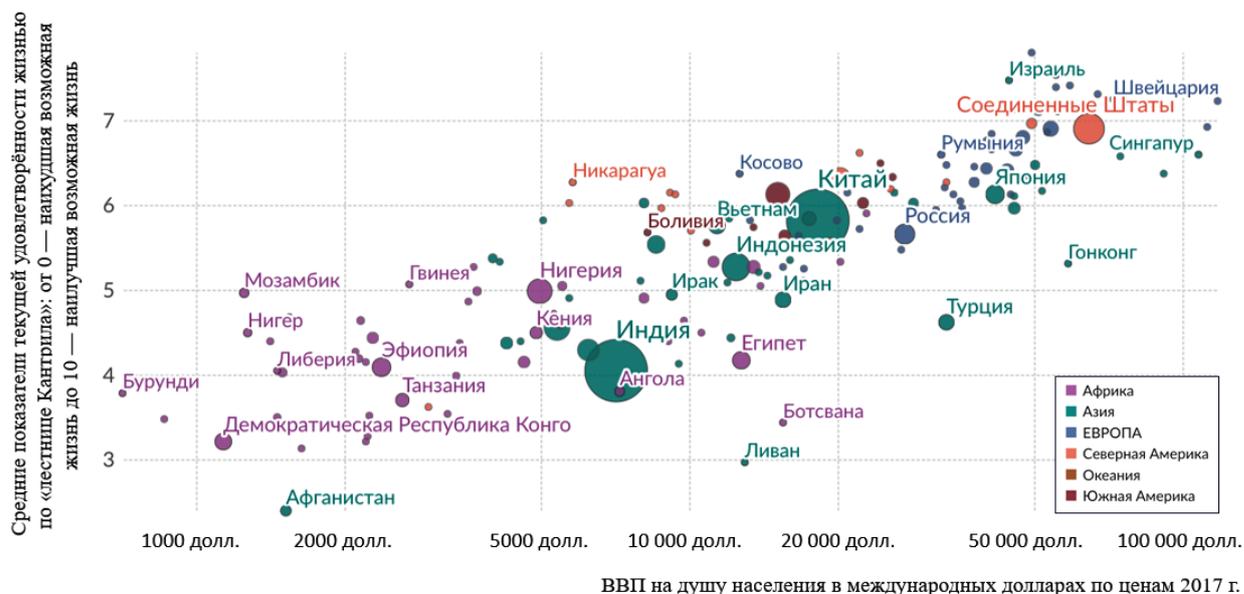

Рис. 1. Диаграмма рассеяния стран по показателям: самооценка удовлетворённости жизнью и реальный ВВП на душу населения, 2022 г.

Источник: построено авторами по Our World in Data.

URL: <https://ourworldindata.org/happiness-and-life-satisfaction> (access date: 05.10.2024).

Результаты обследований, проводимых ВЦИОМ в рамках проекта «Индекс счастья», показывают в целом аналогичный набор наиболее важных параметров, определяющих счастливых и несчастливых россиян, но с рядом отличий.

В результатах опроса ВЦИОМ очевиден приоритет для счастья семейного благополучия. Так, весной 2023 г. причины, по которым россияне ощущали себя счастливыми, были следующими (в % от числа чувствующих себя счастливыми): семья — 24, здоровье своё и близких — 21, общая удовлетворённость жизнью — 20, хорошая работа — 19, наличие детей — 16, хорошее материальное положение, достаток — 13, наличие жилищных условий и отсутствие одиночества — по 8, благополучие в личной жизни — 6. «Если счастье для россиян “личное” и нематериальное, то несчастье — социальное и финансовое. Среди тех, кто ощущает себя несчастливым, 20% указали в качестве причины неудовлетворительное положение дел в стране, а 19% — нехватку материальных средств»⁷.

Следует особо выделить набирающую актуальность задачу регулярного оценивания удовлетворённости жизнью населения как индикатора продвижения страны к повышению субъективного благополучия её населения, для которого важны не только количественные, но и качественные критерии⁸. Для решения этой задачи может быть использован предложенный нами комплексный индекс удовлетворённости качеством жизни.

Счастье как удовлетворённость качеством жизни: комплексная оценка

Разработанный нами индекс объединяет количественные показатели (полный список представлен в Приложении), сгруппированные по семи категориям благополучия (материальное благополучие, социальные связи, здоровье, образование, занятость, экология, благоприятная среда), и опросный показатель — субъективная удовлетворённость

⁷ Индекс счастья: мониторинг // ВЦИОМ. 20.03.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-schastja-monitoring> (дата обращения: 02.12.2024).

⁸ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. 07.05.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 19.07.2024).

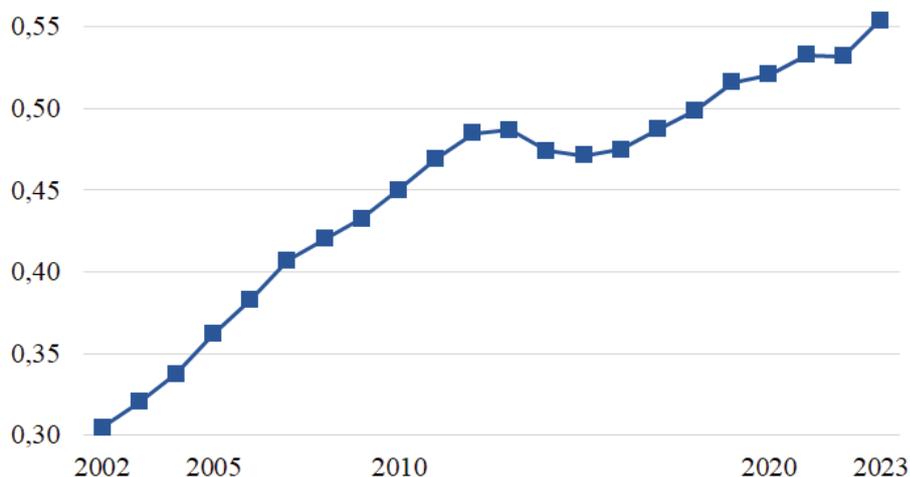

Рис. 2. Динамика индекса удовлетворённости качеством жизни в России, 2002–2023 гг.
 Источник: построено авторами.

жизнью⁹. Итоговое значение индекса — среднее геометрическое всех нормализованных (к отрезку от 0 до 1) показателей. Оно заключено в диапазоне от 0 до 1, где 1 характеризует максимальный уровень счастья населения.

Согласно оценкам нашего индекса за период с 2002 по 2023 г. (рис. 2), уровень счастья в России возрастал в 2002–2013 гг. (средние темпы прироста индекса — 4,4%) и сокращался в кризисный период 2014–2015 гг. Последующее восстановление уровня удовлетворённости качеством жизни населения в период 2016–2021 гг. связано с более скромными темпами прироста (порядка 2% в год). На фоне роста геополитической напряжённости в 2022 г. наблюдалось небольшое снижение индекса, но уже в 2023 г. уровень счастья населения России вырос и достиг наибольшего (за исследуемый промежуток времени) значения.

Нами проанализированы оценки четырёх индексов удовлетворённости жизнью для России (табл. 4). Относительно роста уровня счастья в России в 2023 г. достигнут консенсус, но динамика в другие периоды оценивается индексами по-разному. Например, ВЦИОМ зафиксировал сильное снижение индекса в 2011 г., а РОМИР — в 2013 г. Кризис 2014 г. не отразился в оценках ВЦИОМ, а в соответствии с данными РОМИР проявился в снижении удовлетворённости жизнью только в 2015 г. Оценки индекса ФОМ доступны за короткий промежуток времени и показывают рост благополучия в период 2018–2023 гг. (данные за 2021 и 2022 гг. не представлены, но на графиках на сайте ФОМ они экстраполированы равномерным ростом до значения 2023 г.), что противоречит динамике индексов ВЦИОМ и РОМИР.

Мы полагаем, что разработанный нами индекс удовлетворённости качеством жизни способен расширить представление об уровне счастья населения России: он учитывает субъективное восприятие уровня счастья самим населением, но при этом в меньшей степени подвержен влиянию эмоциональных состояний, так как опирается и на количественные показатели.

⁹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>), вопрос J65 «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей жизнью в целом в настоящее время?, 1 — полностью удовлетворены, 5 — совсем не удовлетворены».

Таблица 4

Сравнение индексов, отражающих удовлетворённость жизнью в России

Годы	Индекс удовлетворённости качеством жизни	ВЦИОМ	РОМИР	Индекс благополучия ФОМ
2008	0,420	62,0		
2009	0,433	49,5		
2010	0,450	51,5		
2011	0,469	41,5	31	
2012	0,485	59,0	32	
2013	0,487	59,0	24	
2014	0,474	61,5	59	
2015	0,471	67,0	50	
2016	0,475	67,0	51	
2017	0,487	72,0	48	
2018	0,499	72,0		5,7
2019	0,516	69,5	24	5,8
2020	0,521	66,5	19	5,9
2021	0,533	67,5	18	
2022	0,532	67,0	30	
2023	0,554	68,0		6,6

Источники: составлено авторами на основе собственных расчётов, данных ВЦИОМ (<https://wciom.ru>), РОМИР (<https://romir.ru>) и ФОМ (<https://fom.ru>).

Заключение

Подход к оценке удовлетворённости жизнью с учётом влияющих на неё объективных и субъективных факторов представляется обоснованным с точки зрения экономической теории счастья, которая фокусируется на многостороннем анализе субъективного благополучия. Наше исследование выполнено на основе обобщения опыта построения индикаторов удовлетворённости жизнью, которые имеют содержательную и количественную специфику в зависимости от миссии, охвата (международный или национальный уровень), способа сбора и обработки данных.

Разработан комплексный индекс удовлетворённости качеством жизни для России на базе качественных (опросных) и количественных показателей.

В результате проанализировано значение уровня счастья населения России за период 2002–2023 гг. с помощью разработанного комплексного индекса удовлетворённости качеством жизни, а также индексов счастья и благополучия россиян, рассчитываемых ВЦИОМ, Фондом «Общественное мнение» (ФОМ), исследовательским холдингом РОМИР.

Приложение

Индикатор	Категория	Источник данных
Среднедушевые денежные доходы населения, руб./мес., в ценах 2012 г.	Материальное благополучие	Росстат
Коэффициент Джини	Материальное благополучие	Росстат
Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума, в % от общей численности населения	Материальное благополучие	Росстат
Потребление мяса и мясопродуктов, в среднем на потребителя в год, кг	Материальное благополучие	Росстат
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года) — всего, кв. м	Материальное благополучие	Росстат
Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?»	Материальное благополучие	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов (более 48 часов в неделю; «фактическое» количество часов), %	Занятость	Росстат
Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве на 1000 работающих	Занятость	Росстат
Израсходовано средств на мероприятия по охране труда в расчёте на 1 работающего, руб., в ценах 2012 г.	Занятость	Росстат
Уровень безработицы, %	Занятость	Росстат
Вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом?»	Занятость	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены условиями Вашего труда?»	Занятость	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой Вашего труда?»	Занятость	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Вопрос: «Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?»	Занятость	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Государственные расходы на образование, в ценах 2012 г., млрд руб.	Образование	ИАС ИО
Численность обучающихся (дошкольное образование) на 1 педагогического работника	Образование	ИАС ИО
Вопрос: «Вы закончили что-нибудь, кроме школы?»	Образование	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Вопрос: «В течение последних 12 месяцев Вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?»	Образование	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Здоровье	Росстат
Заболелаемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами: взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчётном году	Здоровье	Росстат
Заболелаемость населения наркоманией: взято под диспансерное наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом в отчётном году	Здоровье	Росстат

Индикатор	Категория	Источник данных
Расходы бюджетной системы Российской Федерации на здравоохранение, млрд руб. в ценах 2012 г.	Здоровье	Росстат
Вопрос: «Были у Вас в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем?»	Здоровье	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье?»	Здоровье	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Разводы, на 1 000 человек населения	Социальные связи	Росстат, Демоскоп
Браки, на 1 000 человек населения	Социальные связи	Росстат, Демоскоп
Молодёжь, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков в возрасте 15–24 лет, в общей численности соответствующей возрастной группы, %	Социальные связи	Росстат
Охват дошкольным образованием, присмотром и уходом, %	Социальные связи	ИАС ИО
Индекс потребительских цен (ИПЦ)	Благоприятная среда	Росстат
Миграция (выбывшие в зарубежные страны), человек	Благоприятная среда	Росстат
Благоустройство жилищного фонда водопроводом, на конец года, в % от общей площади	Благоприятная среда	Росстат
Средний размер назначенных пенсий, рублей, на конец года, в ценах 2012 г. По данным Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (2014–2022 гг. — Пенсионного фонда Российской Федерации).	Благоприятная среда	Росстат
Число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения	Благоприятная среда	Росстат
Коэффициент смертности от внешних причин	Благоприятная среда	Росстат, Демоскоп
Вопрос: «Как Вы думаете, через 12 месяцев Вы и Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?»	Благоприятная среда	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Вопрос: «А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»	Благоприятная среда	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?»	Благоприятная среда	РМЭЗ НИУ ВШЭ
Выброшено загрязняющих атмосферу веществ — всего, тыс. т	Экология	Росстат
Объём сброса загрязнённых сточных вод, млрд м ³	Экология	Росстат
Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану окружающей среды по Российской Федерации, млн руб. в ценах 2012 г.	Экология	Росстат

Источники: составлено авторами по данным: РМЭЗ НИУ ВШЭ (URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>, <http://www.hse.ru/rlms>); Росстат (<https://rosstat.gov.ru>); ИАС ИО — Информационно-аналитическая система «Индикаторы образования»; Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (URL: <https://issekdash.hse.ru/viewer/public?dashboardGuid=f1b4484eecee40699e1036e6033125cb>); Демоскоп (URL: <https://www.demoscope.ru/weekly>).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Антипина О. (2012). Экономическая теория счастья как направление научных исследований [Antipina O. (2012). Economics of Happiness as an Academic Research Discipline] // *Вопросы экономики*. №2. С. 94–107. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-2-94-107.
- Коротяев А.В., Шишкина А.Р., Балтач А.А. (2019). Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа [Korotaev A.V., Shishkina A.R., Baltach A.A. (2019). Relative Deprivation as a Factor of Socio-Political Destabilization: Towards the Quantitative Analysis] // *Политические исследования*. №2. С. 107–122. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.08.
- Сен А. (2016). *Идея справедливости*. [Sen A. (2016). *The Idea of Justice*]. — М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная миссия».
- Blanchflower D.G., Oswald A.J. (2004). Well-Being over Time in Britain and the USA // *Journal of Public Economics*. Vol. 88. Pp. 1359–1386.
- Cantril H. (1965). *The Pattern of Human Concern*. — New Brunswick: Rutgers University Press.
- Dixon H.D. (1997). Editorial Note // *The Economic Journal*. Vol. 107. No. 445. Pp. 1812–1814.
- Easterlin R.A. (1974). Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // *Essays in Honor of Moses Abramovitz / P.A. David, M.W. Reder (eds.)*. — New York: Academic Press. Pp. 89–125.
- Frey B.S. (2010). *Happiness: A Revolution in Economics*. — Cambridge (Mass), London: The MIT Press.
- Kahneman D., Deaton A. (2010). High Income Improves Evaluation of Life but not Emotional Well-Being // *PNAS*. Vol. 107. No. 38. Pp. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.
- Myers D.G., Diener E. (1996). The Pursuit of Happiness // *Scientific American*. Vol. 274. No. 5. Pp. 70–72. DOI: 10.1038/scientificamerican0596-70.
- Ng Y.-K. (1997). A Case for Happiness, Cardinalism, and Interpersonal Comparability // *The Economic Journal*. Vol. 107. No. 445. Pp. 1848–1858.
- Oswald A.J. (1997). Happiness and Economic Performance // *The Economic Journal*. Vol. 107. No. 445. Pp. 1815–1831.
- World Happiness Report (2024) / J.F. Helliwell, R. Layard, J.D. Sachs, J.-E. De Neve, L.B. Aknin, S. Wang (eds.)*. — University of Oxford: Wellbeing Research Centre.

Антипина Ольга Николаевна

antipinaon@my.msu.ru

Olga Antipina

doctor habilitatus in economics, professor, professor of the faculty of economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

antipinaon@my.msu.ru

Миклашевская Нина Анатольевна

myklo@mail.ru

Nina Miklashevskaya

candidate of science in economics, associate professor of the faculty of economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

myklo@mail.ru

Орлова Елизавета Алексеевна

orlovaea1@my.msu.ru

Elizaveta Orlova

research fellow of the faculty of economics of M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow

orlovaea1@my.msu.ru

ECONOMIC SENSE AND APPLICATION SIGNIFICANCE OF LIFE SATISFACTION INDICATORS¹⁰

Abstract. This study is devoted to generalizing the experience of constructing international and national, including Russian, life satisfaction indicators with the aim of theoretical substantiation and development of a methodology for constructing an indicator that has practical significance for characterizing the country's progress in the direction of increasing the subjective well-being of its population.

The fundamental basis for quantitative assessment of life satisfaction is the economic theory of happiness, which focuses on a multifaceted analysis of subjective well-being. Supporters of the economics of happiness argue that

¹⁰ The article was prepared based on the results of a scientific project from among the priority areas and topics of scientific research of the Faculty of Economics within the framework of the state assignment of Lomonosov Moscow State University.

happiness can be measured through life satisfaction. The economics of happiness uses global and national population surveys on life satisfaction, happiness, and subjective well-being to assess the impact on the cognitive and emotional aspects of life of factors such as income, inflation, work, work-life balance, education, health, age, family relationships, moral values, environment, etc.

The economic meaning and practical significance of life satisfaction indicators have specifics depending on the mission, level of coverage, and method of data collection and processing. This article reviews international life satisfaction assessments: the Happy Planet Index, the Legatum Prosperity Index, the OECD Better Life Index, How's Life? - Measuring Well-Being, and the World Happiness Report. The specifics of national life satisfaction assessments are illustrated by examples of Bhutan's Gross National Happiness (GNH) Index, The Australian Unity Wellbeing Index, and the UK Measures of National Well-being Dashboard. The most authoritative assessments in Russia include indices calculated by the VCIOM, the Public Opinion Foundation (FOM), the ROMIR Research Holding, and quality of life ratings for the population in the country's regions.

A quality of life satisfaction index for Russia has been developed based on a comprehensive approach (taking into account qualitative and quantitative variables), and a comparative analysis of happiness levels has been conducted for the four indices reviewed in the article that assess the happiness of the Russian population.

Keywords: *economics of happiness, life satisfaction, subjective well-being, happiness, quality of life satisfaction index.*
JEL: C13, C43, I3, I31.

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

СПЕЦИФИКА РОССИЙСКИХ ИНСТИТУТОВ И ПАТЕРНАЛИЗМ ГОСУДАРСТВА

(Часть 1. Государство в узком и широком смысле)

Аннотация. Современный этап научно-технического развития делает особо значимым фактор соответствия новым задачам институциональной структуры гуманитарного сектора экономики как важнейшего в формировании человеческого капитала, отвечающего не только технологическим, но и социальным потребностям общества. Поэтому возрастает роль институтов государственного патернализма, призванных поддерживать науку, образование, культуру, искусство, здравоохранение. Эти институты как связанные с наиболее передовыми сферами жизни общества, с одной стороны, особо чувствительны ко всем вновь возникающим потребностям. Но с другой стороны, они являются составной частью общей институциональной структуры государства, отдельные элементы которой могут запаздывать в своем развитии и, соответственно, тормозить развитие институтов патерналистской поддержки гуманитарного сектора. Причём все процессы институциональных изменений в России обусловлены не только технологическим рывком последних десятилетий, который, как и в случаях предшествовавших технологических революций, приводит к нарушению техно-гуманитарного баланса развития общества, подрывающему его устойчивость. Значительное влияние на специфику институциональных изменений оказывает и продолжающийся процесс постсоциалистической трансформации, так как длительность существования в рамках системы реального социализма наложила свой отпечаток на особенности общественного развития в таких странах. К тому же сам переход к новой системе для многих граждан носил травмирующий характер. Поэтому анализу эволюции институциональной структуры государственного патернализма предшествует рассмотрение технологических и социальных проблем, вставших перед российским обществом на современном этапе. Не менее важно и определение того, как трактовать государство в современном мире — в узком смысле как систему органов государственной власти, стоящую над обществом, или в широком смысле как сложную систему органически связанных между собой компонентов — власти, экономики и гражданского общества.

Ключевые слова: институциональная система, современное государство, государственный патернализм, постсоциалистическое развитие, Деспотический Левиафан, Отсутствующий Левиафан, Обезданный Левиафан, патрональная автократия, патрональная демократия, субъект социального действия.

JEL: A12, A13, B00, B15, B52

УДК: 303.022, 303.093.3

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36

© Н.М. Плискевич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Плискевич Н.М. Специфика российских институтов и патернализм государства (Часть 1. Государство в узком и широком смысле) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 23–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36.

FOR CITATION: Pliskevich N. The Specificity of Russian Institutions and State Paternalism (Part 1. The State in the Narrow and Broad senses) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 23–36. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_23_36.

Российское общество перед лицом технологических и социальных проблем

Специфика институциональной системы в любом обществе влияет на возможности патерналистской деятельности государства. Особенно остро это проявляется тогда, когда общество оказывается в состоянии турбулентности, источники которой могут быть различны. В современных условиях можно выделить два важнейших из таких источников. Прежде всего, это вступление в новую фазу научно-технического развития, связанную с качественным изменением оказавшихся доступными человеку новых достижений науки и технологий, преобразующих как производственную сферу, так и сферу потребления. Этот этап, как, впрочем, и всякий качественный скачок в технологическом развитии, несёт с собой не только новые возможности и блага для человечества, но и новые, неведомые ранее опасности и риски. Причём риски эти связаны не только с собственно технологической сферой, но и со сферой социальной, так как новый уровень научно-технического развития требует соответствующей ему корректировки социальных отношений, необходимости выработки новых социальных регуляторов для стабилизации различных ситуаций. В концентрированном виде это требование выражено в законе техно-гуманитарного баланса, согласно которому устойчивость развития общества достигается при соответствии в нём уровня культурно-психологической регуляции состоянию имеющегося технологического потенциала [Назаретян, 2017].

Культурно-психологический потенциал общества включает в себя не только (и не столько) инструментальные знания, необходимые для работы с новыми механизмами и технологиями, но и возрастающий уровень общегуманитарной культуры. Его соответствие новым условиям требует и изменений в механизмах социальной регуляции, в том числе и институциональной структуры общества, которую необходимо корректировать в связи с требованиями произошедших технологических изменений. Если социокультурный компонент не поспевает за технологическими инновациями, то это ведёт к нарушению устойчивости общества. По сути, постоянно возникающие в современном мире очаги напряжения свидетельствуют о нарушении техно-гуманитарного баланса, о том, что пока не удаётся выработать новые механизмы социальной регуляции, способные вернуть человечество в состояние устойчивости. То есть проблему согласованности различных компонентов социального развития можно признать ключевой проблемой устойчивости общества, и её решение невозможно без корректировки патерналистской политики государства с учётом как вновь открывающихся возможностей, так и возникающих новых напряжений.

Если выведенный философами закон техно-гуманитарного баланса можно трактовать как включающий в себя и институциональный компонент социальной организации, как элемент его культуры в широком смысле слова, то учёные, специально занимающиеся исследованием институциональной среды, особо выделяют его, превращая диаду техно-гуманитарного баланса в триаду «технологии — институты — культура». При этом подчёркивается, что нарушения в согласованности этих трёх компонентов ведут не только к замедлению экономического роста, но и к деградации всей социальной системы [Балацкий, 2021]¹.

Эта проблема согласованности (равно как и техно-гуманитарного баланса) с особой остротой встаёт в обществах, совершающих переход от одного типа развития к другому.

¹ Важно, что тезис о влиянии принципа согласованности на уровень экономического развития был проверен на основе экономико-математических методов. В результате анализа экономического развития 154 стран мира в 2012–2019 гг. выяснилось, что в странах с высоким уровнем среднедушевого дохода и частично там, где он выше среднего, соблюдение указанного принципа согласованности подтверждалось. Напротив, в странах со среднедушевым доходом ниже среднего и низким фиксировалось его нарушение [Balatsky, Yurevich, 2022].

В середине XX в. её обострение наблюдалось в странах, освободившихся от колониальной зависимости (см., например: [Eisenstadt, 1973; Eisenstadt, 2003; Эйзенштадт, 2010]). На рубеже XX и XXI вв. с ней столкнулись постсоциалистические страны. И их специфические трудности, связанные со сменой социального устройства общества, наложились на глобальные проблемы качественного технологического преобразования, затронувшие всё человечество. Сам процесс перехода от административно-командной экономики и политического авторитаризма к экономике рыночной и демократической форме организации общественно-политической жизни невозможно ограничивать лишь политической декларацией. Особой проблемой становится и процесс переноса из стран, принимаемых за образцы, функционирующих в них формальных институтов без учёта того, что их современное состояние — результат длительной эволюции, которая принимающими странами не была пройдена.

Практика прошедших десятилетий показала, что путь постсоциалистической трансформации гораздо сложнее и требует длительных глубоких преобразований всей институциональной структуры общества, включая и неформальные отношения, нередко связанные не с культурными традициями, а с выработанными в социалистический период способами выживания. Не случайно в ходе многолетних исследований Р. Инглхарт и К. Вельцель отмечали особую роль в ценностном мире населения постсоциалистических стран именно ценности выживания [Инглхарт, Вельцель, 2011. С. 99]. И процесс избавления от этого наследия может растянуться не на одно десятилетие, особенно в случаях смен «векторов развития», осуществляемых с приходом к власти тех или иных «промежуточных выгодоприобретателей» [Hellman, 1998], пытающихся законсервировать процесс эволюции общественного переустройства в выгодной для них точке или даже осуществить регрессивное движение. Свою роль играет и длительность предшествующего периода развития по социалистическому пути.

Б. Мадьяр и Б. Мадлович предложили свою концептуальную схему постсоциалистических преобразований, предлагающую не линейное движение из начальной «социалистической / коммунистической» точки к достижению в качестве желаемого состояния рыночно-демократического устройства социальной и экономической жизни, а сложное нелинейное движение, предполагающее разнообразные возможности и варианты развития. Они полагают, что процессы эволюции от авторитарного к демократическому устройству в странах, переживших социалистический этап развития, существенно отличаются от процессов эволюционного развития в тех государствах, где такого этапа не было. По их мнению, причины тому — две ключевые черты жизни в условиях коммунистических диктатур: однопартийная система и государственная монополия на собственность на средства производства. Они существенно повлияли на формирование всей социальной структуры общества, а также отразились на общей культуре мышления значительной части населения этих стран. Были не только «обновлены» основные социальные структуры досоциалистического периода, не только стали восстанавливаться уже размывавшиеся старые феодальные порядки как системы связки «власть–собственность», но произошло дальнейшее слияние сфер социального действия, включившее в эту связку и общественную (communal) сферу. Такое стремление к слиянию всех сфер социального действия было характерно для всех социалистических стран, относящихся к различным типам цивилизации. В результате ««колпак» коммунизма “повернул вспять” разделение сфер социального действия в западно-христианском историческом регионе и полностью остановил этот процесс в православном регионе. В Китае и в исламском историческом регионе установление коммунистических диктатур означало, что отсутствие разделения сфер приобрело новые формы» [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т.1. С. 111–112].

Этот фактор отсутствия разделения сфер социального действия — политической, экономической и общественной — весьма важен при анализе процессов постсоциалисти-

ческой трансформации в разных странах, оценки возможностей использования при этом институтов, хорошо зарекомендовавших себя в развитых странах. Ибо такой институт, привнесённый из среды, в которой большинство акторов неформально придерживаются взглядов о необходимости разделения сфер социального действия, в среду, где для основной массы акторов органично представление о смешении или слиянии этих сфер как о норме жизни, претерпевает грубые искажения, извращающие саму суть института.

Мадьяр и Мадлович отвергли господствующую концепцию построения эволюции социального развития как движения в рамках некоего вектора, направленного от диктатуры к демократии. Согласно этой концепции, и в зависимости от того, на каком расстоянии от двух полюсов вектора находится то или иное общество, можно говорить о его гибридности с преобладанием одного или другого из двух начал. Однако такой подход не может дать объяснения массе отклонений от прямого пути, его зигзагов, откатов назад и иных, не предвиденных в начале пути вариантов движения. Не учитывает концепция гибридности и той амбивалентности и общественного, и индивидуального сознания, которая присуща постсоциалистическому обществу, но утвердилась как раз в социалистический период. Многие явления, составляющие важную часть его функционирования, причём именно как нормы жизни, трактуются там и как положительные, позволяющие более эффективно решать производственные или бытовые вопросы, и как отрицательные, нарушающие законодательство, формальные правила, способствующие росту неравенства и т.п. [*Российская коррупция...*, 2013; *Бондаренко, Гудков, Красильникова*, 2013; *Барсукова, Леденева*, 2014; *Ledeneva*, 2013]. А. Леденева, изучавшая эту сторону проблемы, в предисловии к книге Мадьяра и Мадловича особо акцентирует внимание на данном факте: «...гибридные режимы являются таковыми только с точки зрения стороннего наблюдателя, который предпочитает упаковывать ускользающую от понимания амбивалентность в обёртку гибридности... Но в представлении самих участников в этих режимах нет ничего гибридного. Есть явные и скрытые практики, сложное переплетение правил и норм, различные категории, описывающие столкновение интересов, однако единое понятие, ясно описывающее такой режим, всегда остаётся недостижимым» [*Леденева*, 2022. С. 13].

Б. Мадьяр и Б. Мадлович пытаются описать эту сложность, причём разворачивающуюся в динамике. Пути постсоциалистической эволюции разных стран они поместили в некий равнобедренный треугольник, заключающий в себе разнообразные возможности и варианты развития (рис. 1). Вершины этого треугольника символизируют три наиболее явные полюса социально-экономического состояния общества — *коммунистическую диктатуру* со слиянием политики и экономики в единую бюрократическую патрональную сеть; *патрональную автократию*, т.е. режим с преобладанием однопирамидальной патрональной сети, подавляющей плюрализм и поддерживающий неограниченную власть верховного патрона, неформальные институты здесь по сути преобладают; *либеральную демократию*, основанную на плюрализме политической власти и преобладании формальных институтов. Эти три полюса дополняются тремя промежуточными состояниями, которые в сконструированном Мадьяром и Мадловичем треугольном концептуальном пространстве посткоммунистических режимов представляются как стороны треугольника и символизируют: *консервативную автократию*, при которой патрональность охватывает политическую сферу, но не затрагивает экономическую (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и либеральной демократии); *патрональную демократию*, основанную на плюралистической конкуренции патрон-клиентских сетей со значительной ролью неформальных институтов (сторона треугольника между патрональной автократией и либеральной демократией); *диктатуру с использованием рынка* (сторона треугольника между вершинами коммунистической диктатуры и патрональной автократии) [*Мадьяр, Мадлович*, 2022. Т.2. С. 545–554].

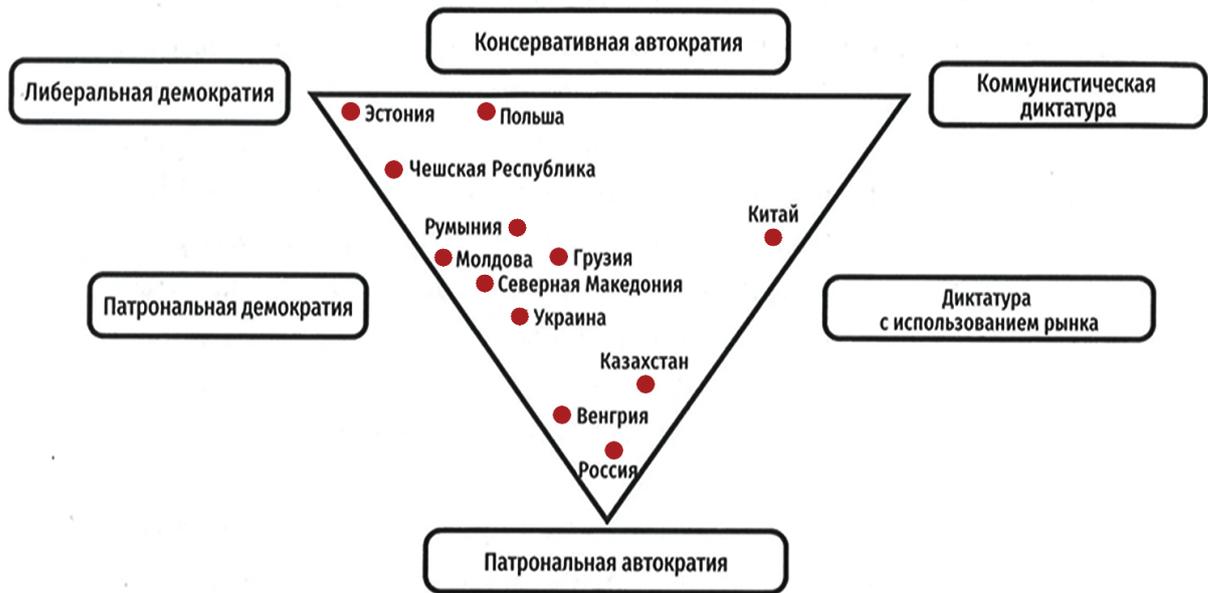

Рис. 1. Концептуальное пространство постсоциалистических режимов с 6 идеальными типами и 12 примерами расположения в нем стран (по состоянию на 2019 г.)
 Источник: Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. — М.: Новое литературное обозрение. Т. 1. С. 48.

Мадьяр и Мадлович поместили в выстроенном треугольном пространстве более десяти исследуемых ими постсоциалистических стран. Подавляющее их большинство (за исключением Китая), примыкающего к стороне треугольника, обозначенного как «диктатура с использованием рынка», концентрируется вдоль стороны, обозначенной как «патрональная демократия», в той или иной близости как к самой этой стороне, так и к ограничивающим её вершинам треугольника — «либеральной демократии» и «патрональной автократии». В пространстве треугольника венгерские учёные выделяют и сферы господства формальных институтов (область между «либеральной демократией», «консервативной автократией» и «коммунистической диктатурой»), полуформальных институтов (между центральными частями сторон «патрональной демократии» и «диктатуры с использованием рынка») и с превалированием неформальных институтов (тяготеющая к вершине треугольника «патрональной автократии») [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т. 2. С. 557].

Были также смоделированы траектории движения разных стран в обозначенном треугольнике, наблюдавшиеся в процессе трансформации, начиная с времён господства в них социалистической системы и кончая последними годами 2010-х. Будучи графически представлены в рамках концептуального треугольника, эти траектории демонстрируют, сколь труден, противоречив и отнюдь не прямолинеен был путь каждой страны на исследуемом отрезке времени. Это позволяет предположить и то, как много зигзагов, прорывов вперёд и откатов назад, помимо уже совершённых, могут ждать каждую из постсоциалистических стран на дальнейшем пути её развития [Мадьяр, Мадлович, 2022. Т.2. С. 569–643]. Обращает на себя внимание то, что все фиксируемые венгерскими исследователями зигзаги и даже «режимные петли», совершаемые той или иной страной в ходе её постсоциалистических преобразований, связаны прежде всего с событиями, затрагивающими самую суть её государственного устройства.

Нельзя забывать и то, что все эти события отражаются на судьбах людей, оказавшихся в их водовороте. И они несут не только положительные изменения, но очень часто серьёзные разочарования, потерю достойного ранее материального положения, а также социального статуса. Это обусловлено тем, что сам факт перехода на новую траекторию

развития означает нарушения в действии старой системы институтов, обеспечивавших функционирование общества, но при этом новые институты не могут возникнуть мгновенно, тем более начать исправно функционировать. Для этого требуется время. Но в такой период происходят разрывы культурного и социального воспроизводства, возникают дефициты регуляции необходимых для нормального функционирования общества отношений. Они влекут за собой «нарастающую девальвацию культивируемых ранее форм социального поведения» и даже «варваризацию» высших уровней нового общества» [Гудков, 2009. С. 10].

Такая неоднозначность, разнонаправленность и болезненность для большинства населения постсоциалистических изменений позволила П. Штомпке уже на рубеже 1990–2000-х гг. говорить о них как о травмирующих [Штомпка, 2001]. Ж.Т. Тощенко развил идеи о социальной травме, опираясь прежде всего на российский материал. В специально посвящённой этой теме монографии он отмечает, что наша страна «олицетворяет собой травмированное общество, которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки» и что «путь, по которому продвигается современная Россия, следует назвать путём, обусловленным социальной травмой в её развитии» [Тощенко, 2020. С. 11].

Идеи Ж.Т. Тощенко поддержал и Н.И. Лапин, включивший в свой анализ понятие антропосоциокультурной травмы как значительного нарушения или разрушения «сложившихся, позитивно воспринимаемых большим числом жителей страны социальных и/или культурных условий их взаимодействий или всей жизнедеятельности, которое болезненно воспринимается, снижает жизненную энергию взаимодействующих масс людей, обесценивает их идентичность, повышает неудовлетворённость жизнью в целом и готовность к протестным действиям». При этом «нарушение/разрушение может иметь разное предметное содержание, быть резким или постепенным, кратким или продолжительным» [Лапин, 2021. С. 102]. Лапин показывает, что присущие российской культуре противоположные «смыслы–векторы», сложившиеся в ходе исторического развития, привели к тому, что в стране возникла «глубоко противоречивая культура населения: **цивилизационно-собирающая** (здесь и далее выделено Н.И. Лапиным. — Н.П.), но одновременно **рутинно-симбиозная**; в итоге — *симбиозно-травмогенная*. Исторически следствиями этих противоречий стали как *антропосоциокультурные травмы–беды* русского, а затем многонационального российского народа, так и *антропосоциокультурные подьёмы его консолидации* в условиях опасности для его независимого существования. Травмогенность рутинной, собирающе-симбиозной культуры приобрела *регулярный характер*, стала способом сохранения власти-благополучия правящих элит» [Лапин, 2021. С. 112].

В этих условиях особенно важно, чтобы общество и государство в своих взаимоотношениях стремились не допускать травмогенных действий. Поэтому представляется, что, прежде чем приступить к анализу влияния специфики отечественных институтов на особенности патернализма государства, имеет смысл рассмотреть, насколько само государство, равно как и представления о нём, соответствует сложности современного этапа развития, а значит, насколько оно способно выполнять свои патерналистские функции.

Государство как современный институт

В рассуждениях о сути государства нередко упускается тот факт, что оно есть порождение общества, особая его часть, выделенная из всего многообразия присущих обществу связей, сетей, взаимодействий. Это та часть, которая наделена властными полномочиями, в том числе монополией на насилие, для наиболее эффективного выполнения функций поддержания порядка на всей территории, занимаемой данным обществом, равно как и для защиты этой территории от вмешательства посторонних сил. Однако само такое

выделение властных полномочий в совокупности с созданием необходимых для выполнения этой функции инструментов и институтов естественно привело к их обособлению, возвышению над другими инструментами и институтами, образующими общественное устройство. В сознании людей государство как бы отделилось от общества, встало над ним.

Это нашло своё воплощение в аллегорическом представлении государства Т. Гоббсом как Левиафана, которое, в свою очередь, у философов и экономистов, в том числе и либерального направления, за несколько веков вроде бы проделало значительную эволюцию. Однако А.Я. Рубинштейн отмечает, что понятийная эволюция этого термина по сути претерпела мало изменений: «От старого тезиса “чем меньше государства, тем лучше для экономики” до сравнительно новой концепции “стройного государства” сохраняется общая доминанта, в соответствии с которой государственное регулирование получило негативный оттенок интервенционизма, а само государство дорегулировалось до титула “вынужденного зла”. И между нуждой в порядке и злом от него продолжают искать своё иллюзорное счастье многие экономисты» [Рубинштейн, 2008. С. 17]. Эти поиски, как правило, ведутся между двумя позициями — большое государство, охватывающее своим регулированием значительную часть социальных процессов, или маленькое государство, которое свело свою регулируемую функцию к минимуму. Между тем, как справедливо отмечает Рубинштейн, суть проблемы взаимоотношений общества и государства лежит в другой плоскости: «Рациональным может быть поведение государства, а не его размеры... Дело не в форме и внешнем облике, а в содержании, не в количестве функций и объёме полномочий, а в направленности государственной активности и её соответствии целевым установкам общества» [Там же. С. 17–18].

С близкой точки зрения на метафору Левиафана относительно недавно взглянули такие видные экономисты-институционалисты, лауреаты Нобелевской премии по экономике 2024 г., как Д.Аджемоглу и Дж.Робинсон. В какой-то степени их книгу «Узкий коридор» [Аджемоглу, Робинсон, 2021] можно считать ответом на критику их предыдущей монографии о том, почему одни страны богаты, а другие бедны [Аджемоглу, Робинсон, 2016] со стороны исследователей ценностного мира населения различных стран, прежде всего К. Вельцеля и Р. Инглхарта [Вельцель, 2017; Инглхарт, 2018]². Если Аджемоглу и Робинсон в книге «Почему одни страны богатые, а другие бедные» декларировали, что ведущим элементом создания конструкции эффективного государства являются институты, то их оппоненты эту роль отводили культуре, и прежде всего развитию ценностного мира людей. Например, К. Вельцель прямо утверждал, что институты — результат, а не причина развития, что «ориентация на институциональные аспекты цивилизации — это, скорее, фокусировка внимания на симптомах. Такой подход отвлекает нас от ключевой темы — духа законов. Главная характеристика нового типа общества — это его дух, эмансипативный по своей сути, это идея освобождения ищущих счастья людей от догм и тирании, и фокусирования усилий правительства на благосостоянии обычных людей» [Вельцель, 2017. С. 365–366].

Разумеется, абсолютизация лишь одного из двух подходов — будь то институционалистского или ценностного — не может дать объёмной картины проблемы социально-

² Нельзя не отметить, что новая книга (2023 г.) Д. Аджемоглу, написанная в соавторстве с ещё одним нобелиатом по экономике 2024 г. С. Джонсоном, «Власть и прогресс» продолжает начатую в «Узком коридоре» линию анализа с концентрацией внимания на ценностных аспектах социально-экономического развития. В ней особо подчёркивается, что в современную эпоху цифровой революции нельзя с прежних позиций подходить к экономическим проблемам. Это пагубно скажется на «направлении развития технологий». Успешность развития, по их мнению, невозможна без «изменения нарратива и ценностей». И «обсуждение новых технологий должно сосредоточиться не на совершенстве продуктов и алгоритмов, а на вопросе, помогают они людям или вредят» [Аджемоглу, Джонсон, 2024. С. 499–500]. «Мощный новый нарратив о всеобщем благосостоянии может стать противовесом, который повлияет на приоритеты некоторых менеджеров и даже, возможно, сможет изменить парадигму, господствующую в бизнес-школах» [Там же. С. 501].

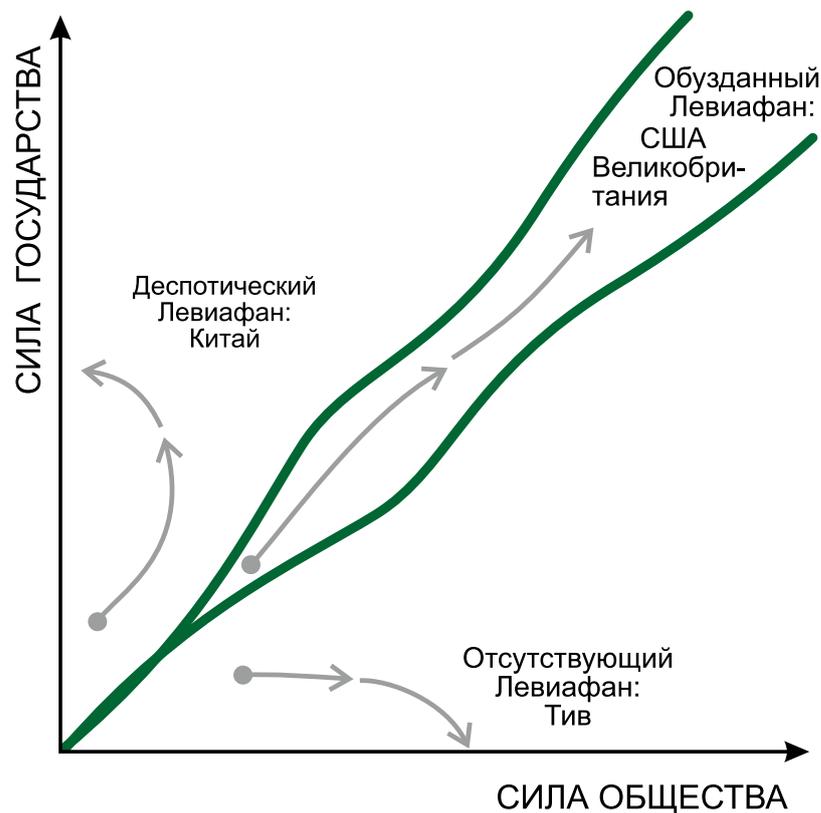

Рис. 2. Эволюция Деспотического, Обузданного и Отсутствующего Левиафанов
 Источник: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы. — М.: АСТ, 2021. С. 104.

экономического развития вообще и роли в нём государственных структур в частности³. В книге об узком коридоре Аджемоглу и Робинсон скорректировали свою позицию, показывая на многочисленных примерах значение фактора культуры в деле построения эффективного государства, а также то, как успехи в его построении не раз обрывались резким разрушением позитивных процессов⁴. По сути, внутри метафоры Левиафана Аджемоглу и Робинсон выстроили достаточно простую конструкцию, включающую объяснение процессов исторического развития самых разных стран с их резкими прорывами вперёд и откатами назад, связанными и с особенностями взаимодействия в каждом конкретном случае властных элит и широких масс. Их рассуждения подводят к мысли о важности в процессе развития фактора взаимодействия общества и власти на основе примата демократических институтов для создания государства всеобщего благосостояния.

Для этого метафора Левиафана приобрела у них несколько ипостасей. Аджемоглу и Робинсон, в частности, отмечают, что важнейший изъян в метафоре Гоббса «заключается в предположении, что у Левиафана лишь одно лицо» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 38]. Сами же Аджемоглу и Робинсон выделили нескольких Левиафанов (рис. 2): *Деспотического Левиафана* (тоталитарное или авторитарное государство), *Отсутствующего Левиафана* (слабое, рыхлое государство и сильные анархические тенденции в обществе) и *Обузданного Левиафана* (государство с системой сдержек и противовесов в отношениях властных структур и общества). Особо подчёркивается, что для Деспотического Левиафана характерно то, что он «не оставляет обществу и рядовым гражданам никаких средств, которые могли бы

³ См. об этом, в частности: [Полтерович, 2018a].

⁴ О слабых сторонах этой теории см., в частности, [Балацкий, 2023]. Они связаны, по сути, всё же с приверженностью авторов монокаузальной (институциональной) позиции. Во многом привлечение ими культурно-ценностного компонента оказывается недостаточно для перехода к многоаспектной теории социального развития, о чём пишет В.М. Полтерович [Полтерович, 2018b].

сдержать его мощь и ограничить его всевластие», он «создаёт мощное государство, но затем использует его для доминирования над обществом» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 38–39].

Обузванный же Левиафан, хотя на ранних этапах развития цивилизации и походил на Отсутствующего Левиафана с его неконтролируемым насилием, но на современном этапе он «может справедливо разрешать огромное количество конфликтов, обеспечивать исполнение сложных законов и предоставлять общественные услуги, которые нужны гражданам и которыми граждане пользуются. Этот Левиафан располагает большим и эффективным бюрократическим аппаратом... и владеет большим объёмом информации о том, что делают и к чему стремятся его граждане» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 51].

По сути, разные ипостаси Левиафана у Аджемоглу и Робинсона обусловлены приматом разных форм взаимодействия внутри общества. Деспотическому Левиафану присуща развитость вертикальных взаимодействий, прежде всего по линии «власть — общество», высокая степень концентрации государственной власти и подавление неконтролируемых инициатив, идущих «снизу». Этому противостоит развитость горизонтальных взаимодействий — сильная сторона самоорганизации общества как в экономической, рыночной, сфере, так и в других областях общественной жизни. Если властно-вертикальные связи оказываются способными подавить слабые горизонтальные взаимодействия социальных сетей, то формируется система Деспотического Левиафана. Если же, наоборот, властно-вертикальные связи по каким-то причинам ослабли, то на их место приходят процессы горизонтальной самоорганизации. В случае подавления ими вертикально организованных связей наступает та или иная степень анархии, характерная для Отсутствующего Левиафана.

Такое чрезмерное подавление идущих от властных структур вертикальных связей, чреватое анархией, крайне опасное для нормального функционирования всего общественного устройства, неприемлемо и для либерализма при всём его акцентировании внимания на свободе личности и развитии форм самоорганизации. Так, М. Фридман специально подчёркивал: «Государство, которое поддерживает законорядок, определяет права собственности, служит нам средством модификации прав собственности и других правил экономической игры, выносит третейские решения по поводу толкования этих правил, обеспечивает соблюдение контрактов, благоприятствует конкуренции, обеспечивает кредитно-денежную систему, противодействует техническим монополиям и преодолевает “внешние эффекты” (достаточно важные, по общему мнению, для того, чтобы оправдать государственное вмешательство), выступает в качестве дополнительной силы по отношению к частной благотворительности и семье в деле защиты недееспособных (будь то умалишённые или дети) — такое государство, несомненно, выполняет важные функции. Последовательный либерал не является анархистом» [Фридман, 2006. С. 59–60].

То есть и классик современного либерализма, по сути, склоняется к той форме существования общества, которая у Аджемоглу и Робинсона получила определение «Обузванный Левиафан». Он предстаёт как наиболее благоприятная для общества форма его развития и экономического роста, баланса между горизонтальными и вертикальными связями (или, по крайней мере, он стремится к установлению этого баланса). Причём подчёркивается, что успех в деле достижения такого баланса возможен лишь тогда, когда обе стороны процесса — и властно-государственные структуры, и совокупность самоорганизующихся и самоуправляемых структур, объединяющая индивидов в некое общественное целое, — достаточно сильны, чтобы не дать противоположной стороне занять монопольную позицию лидерства. Главное — чтобы принципом развития было постоянное поддержание консенсусного status quo между ними.

Достичь состояния Обузданного Левиафана, очерченного Аджемоглу и Робинсоном, нелегко. Поэтому само положение Обузданного Левиафана в нарисованном ими условном пространстве, где на оси абсцисс фиксируются показатели силы общества, а на оси орди-

нат — показатели силы государства (власти), выглядит как достаточно узкое пространство между двумя господствующими Левиафанами — Деспотическим и Отсутствующим. Сама узость этого коридора, по Аджемоглу и Робинсону, свидетельствует о необходимости приложения серьёзных усилий, чтобы при каких-либо экстраординарных ситуациях не сорваться из него в сторону либо автократии или тирании, либо анархии и безвластия. Требуется напряжение сил всех участников процесса как для того, чтобы попасть в этот коридор из первых двух позиций, так и для того, чтобы удержаться в нём, вновь оказавшись в итоге в одной из них. Акцент в анализе делается на структурных факторах развития обществ, соотношении в них активности элит и масс, хотя и отмечается, что эти факторы «не создают прочной предрасположенности к одному типу экономического, политического или социального шаблона. Они, скорее, порождают “условные эффекты”» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 370]. То есть их последствия оказываются различными в зависимости от складывающегося в разные периоды баланса сил между государством и обществом.

Сама картина постоянного движения между ситуациями разных Левиафанов свидетельствует, что в её основе лежит сложный процесс социокультурной эволюции различных сообществ, идущий на протяжении всей истории человечества и по сути устремлённый в бесконечность, так как на каждом этапе своего развития человечество сталкивается со все новыми и новыми вызовами и технологического, и природного, и социального характера⁵. В связи с этим Аджемоглу и Робинсон отмечают ещё одно упущение Гоббса, из-за которого он не смог выделить различные лики своего Левиафана: «Проблема в обществах, где Левиафан отсутствует, заключается не только в неконтролируемом насилии “всех против всех и каждого против каждого”. Столь же существенную роль играет и клетка норм⁶, задающая жёсткие границы общественных ожиданий и устанавливающая неравноправные социальные отношения, которые выливаются в иную, чем при деспотизме Левиафана, но не менее тяжёлую форму доминирования» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 47]. Возможность избежать одного и другого деспотизма критически зависит от степени развитости как государственных институтов, так и общества, его культуры: «Нам необходимо государство, которое способно обеспечивать исполнение законов, контролировать насилие, разрешать конфликты и предоставлять общественные услуги — но при этом усмирённое, находящееся под контролем уверенного в своих силах и хорошо организованного общества» [Там же. С. 47].

По сути, здесь Аджемоглу и Робинсон предлагают характеристику Обузданного Левиафана как современного демократического общества с его развитой системой сдержек и противовесов, многообразием интересов и устремлений всех участников общественной жизни, которые не подавляются, а имеют возможность (как экономическую, так и политическую) находить своё место, расширяя тем самым многообразие форм общего существования. Эту систему взаимных ограничений, само функционирование которой предполагает постоянное развитие всех участников процессов, их напряжённые усилия по поддержанию социального баланса Аджемоглу и Робинсон иллюстрируют, вводя в анализ образ Красной

⁵ В частности, у Аджемоглу и Джонсона сегодня особое беспокойство вызывают тенденции монополизации в сфере цифрового бизнеса. Здесь они видят опасность, аналогичную той, с которой столкнулся мир на рубеже XIX и XX вв. и с которой тогда удалось справиться с введением антимонопольного законодательства. И в современных условиях, по их мнению, невозможно справиться с этой угрозой и «придать технологиям новое направление, не выстроив заново противодействующие силы» [Аджемоглу, Джонсон, 2024. С. 503]. В качестве таковых они видят развитие разнообразных гражданских структур, организаций коллективного действия, а также инициативы государства в перенаправлении технологических изменений с тем, чтобы «выделить разновидности технологий, имеющие социально благоприятные последствия» [Там же. С. 522].

⁶ Под «клеткой норм» авторы понимают выработанную в обществе совокупность традиций и принципов поведения, признаваемую как массами, так и элитами и включающую для обоих социокультурный запрет на действия, грозящие разрушением общества.

королевы из «Алисы в стране чудес»⁷ как символ необходимости постоянного бега для того, чтобы хотя бы оставаться на месте. То есть концепцию Гоббса Аджемоглу и Робинсон дополняют современными представлениями о процессах социальной эволюции, которые, например, достаточно подробно представлены в теоретическом наследии Ф. фон Хайека.

Анализирующий его работы Р.И. Капелюшников выделяет, в частности, у Хайека «концепции-близнецы» — «социального порядка» и «культурной эволюции», объединённые идеей спонтанности в процессах самоорганизации и саморегулирования социальных институтов, в которых действуют принципы и индивидуального, и группового отбора наиболее приемлемых институтов, правил и норм. Причём у Хайека «переход от концепции спонтанного порядка к концепции культурной эволюции сопровождается... своего рода объяснительной инверсией: если в первой в качестве причины выступают правила индивидуального поведения, а в качестве следствия — формирующийся благодаря им социальный порядок, то во второй они меняются местами, когда конкуренция между альтернативными социальными порядками начинает определять, какие наборы правил поведения будут выживать и воспроизводиться, а какие отбраковываться и переставать существовать. В его понимании целостная социальная теория должна включать оба эти элемента и учитывать оба направления каузальности» [Капелюшников, 2023. С. 20].

Такой подход к процессу культурной эволюции — дополнительное доказательство того, что либеральная теория предлагает отнюдь не господство стихийного развития, а сложный отбор альтернативных вариантов на каждом его этапе. В результате этого отбора отбраковываются варианты, не соответствующие основному вектору развития. При этом Хайек учитывает и возможности противостоящих этому вектору сил, представленных теми, чьи интересы (реально или по их представлениям) окажутся в итоге ущемлёнными, особенно если эти силы обладают достаточной властью: «если некоторые действия станут направляться другой силой, которая стремится к иным целям и учитывает иные знания, ... баланс неизбежно будет разрушен» [Хайек, 2024. С. 69]. Такие рассогласования нередки и в ходе поступательного эволюционного развития, но особо опасны они в ситуации кардинальной смены вектора развития, примером которой может служить процесс постсоциалистической трансформации. В его ходе, как показывает практика последних десятилетий и как было отмечено выше, особую опасность представляют группы «промежуточных выгодоприобретателей», стремящихся либо законсервировать процесс в выгодной им точке, либо даже повернуть ход преобразований вспять.

Представляется важным дополнить вышеизложенное рядом идей Ф. фон Хайека, чтобы уточнить, в чём суть современного государства и что входит в понятие «государственный патернализм». Прежде всего, как только мы начинаем рассуждать о различных Левиафанах, сразу становится очевидным, что они отнюдь не сводятся к рассмотрению действий исключительно властных структур. Речь идет о многоплановом взаимодействии всего комплекса общественных механизмов, в состав которых как органическая составная часть входят и властные структуры. Но нередко как раз к данной части целостного организма сводится понятие «государство». Хайек видит причину этого в частом смешении двух функций государства: «Ожидается, что та же организация, на которую возложено поддержание в порядке действующей структуры, используемой индивидуумами для решения собственных задач, будет не только принуждать к соблюдению правил, на которых покоится порядок, но и предоставлять иные услуги, которые не может удовлетворительным образом оказывать стихийный порядок. Обычно между этими двумя функциями правительства не проводится чёткого различия, но разница между функцией принуждения... и функцией предоставления услуг, когда правительство просто управляет ресурсами, переданными ему в управление, чрезвычайно важна. Во втором случае оно представляет собой одну

⁷ В русских переводах она фигурирует как Чёрная королева.

из многих организаций и, подобно всем остальным, является частью всеохватывающего стихийного порядка, а в первом — оно обеспечивает сохранение условий, необходимых для поддержания этого всеобъемлющего порядка» [Хайек, 2024. С. 66].

Такое сужение понятия «государство», полагает Хайек, вытекает из принятого в англоязычной литературе различия между «обществом» (society) и «правительством» (government) и того, что при обсуждении многих отмеченных функций обычно используется «метафизически нагруженный термин “государство (state)”», хотя во многих случаях уместнее было бы говорить о «правительстве» [Хайек, 2024. С. 66]. Суть дела же, по Хайеку, заключается в том, что «государство есть организация, созданная живущими на одной территории людьми в целях единообразного управления. Оно является необходимым условием развития передового общества, но ни в коем случае не тождественно самому обществу... В свободном обществе государство — одна из многих организаций, необходимых лишь для того, чтобы обеспечить внешние рамки, в которых зарождается и существует стихийный порядок» [Хайек, 2024. С. 461]. Причём важно, что общество это совокупность множества разнообразных организаций, спонтанно развивающихся связей между индивидами. «Общество создаёт, государство создаётся»⁸ [Там же].

Развитием взглядов Хайека на социальный порядок как конструкцию, имеющую целью постоянное согласование действий множества участников, преследующих различные цели, можно считать и определение, предложенное Рубинштейном: «Государство представляет собой социальную целостность, созданную национальной или многонациональной общностью на определённой территории и функционирующую в форме метасистемы “политическая власть — экономика — гражданское общество”» [Рубинштейн, 2024b. С. 197]. Он трактует государство как социальную целостность, созданную национальной или многонациональной общностью на определённой территории, которая предполагает «уравновешивание» элементов указанной метасистемы. То есть данный подход предполагает расширительное толкование государства. По сути, он перекликается с концепцией разных Левиафанов, среди которых Обузванный Левиафан предстаёт как олицетворение взаимодействия власти и общества, способного в лице своих и экономических, и гражданских структур контролировать властные структуры и противодействовать их попыткам бесконтрольного доминирования.

Рубинштейн акцентирует внимание на важности развития различных форм сотрудничества (причём именно сотрудничества, а не отношений господства и подчинения) самоорганизующихся институтов с органами власти. При этом он подчёркивает, что в условиях «неразвитой демократии это сотрудничество трансформируется часто в противостояние, что, строго говоря, не соответствует природе самоорганизующихся структур и происходит зачастую не по их инициативе» [Рубинштейн, 2024b. С. 197]. (См. также: [Рубинштейн, 2024a. С. 388–389]). Представляется, именно такой подход к государству как к органическому единству трёх указанных компонентов в рамках метасистемы наиболее органичен для анализа проблем государственного патернализма. Но это тема следующей статьи.

⁸ Правда, необходимо уточнить этот тезис Хайека: такая последовательность характерна прежде всего для западных обществ. В России исторически было иначе. Э.Дюркгейм в 1902 г. констатировал, что если у западных порядков государство было скорее следствием спонтанного развития общества и исторически этот процесс развивался «снизу вверх», то в России всё происходило противоположным образом: государство организовалось до общества и государство общество организовывало (см.: [Гофман, 1991]).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Джонсон С. (2024). *Власть и прогресс: наша тысячелетняя борьба за технологии и процветание*. [Acemoglu D., Johnson S. (2024). *Power and progress: our thousand-year struggle over technology and prosperity*]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2016). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. [Acemoglu D., Robinson J. (2016). *Why Nations Fail, The origins of Power, Prosperity and Poverty*]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). *Узкий коридор: Государства, общества и судьба свободы* [Acemoglu D., Robinson J. (2021). *The narrow corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*]. — М.: АСТ.
- Балацкий Е.В. (2021). Принцип согласованности в теории социального развития [Balatskiy Ye.V. (2021). The principle of consistency in the theory of social development] // *Terra Economicus*. Т. 19. № 1. С. 36–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52.
- Балацкий Е.В. (2023). Концепция «узкого коридора»: история и современность [Balatsky, E.V. (2023). The Narrow Corridor Concept: History and Modernity] // *Мир России*. № 3. С. 180–195. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-3-180-195.
- Барсукова С., Леденева А. (2014). От глобальной коррупционной парадигмы к изучению неформальных практик: различия в подходах лидеров и аутсайдеров [Barsukova S., Ledeneva A. (2014). From the global corruption paradigm to the study of informal practices: differences in the approaches of leaders and outsiders] // *Вопросы экономики*. №2. С. 118–132.
- Бондаренко Н., Гудков Д., Красильникова М. (2013). Социальная природа коррупции [Bondarenko N., Gudkov D., Krasilnikova M. (2013). Social nature of corruption] // *Вестник общественного мнения*. № 3–4. С. 91–110.
- Вельцель К. (2017). *Рождение свободы* [Welzel C. (2017). *Freedom rising. Human Empowerment and the Quest for Emancipation*]. — М.: АО «ВЦИОМ».
- Гофман А.Б. (2008). От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX—XXI веков. [Gofman A. B. (2008). What inheritance do we not renounce? Sociocultural traditions and innovations in Russia at the turn of the XX and XXI centuries] // *Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики* / Под ред. А.Б. Гофмана. — М.: РОССПЭН. С. 9–62.
- Гудков Л.Д. (2009). Условия воспроизводства «советского человека» [Gudkov L.D. (2009). Conditions for the reproduction of the “Soviet man”] // *Вестник общественного мнения*. № 2. С. 8–37.
- Инглхарт Р. (2018). *Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир* [Inglehart R. (2018). *Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How the World Changes*]. — М.: Мысль.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). *Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития* [Inglehart R., Welzel C. (2011). *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*]. — М.: Новое издательство.
- Капелюшников Р.И. (2023). Концепция культурной эволюции Ф.А.Хайека и эволюционная психология [Kapeliushnikov R.I. (2023). The theory of cultural evolution by F.A. Hayek and evolutionary psychology]. Препринт WP3/2023/05. Серия WP3 Проблемы рынка труда.
- Ларин Н.И. (2021). *Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход* [Larin N.I. (2021). *The Complexity of the Formation of a New Russia. An Anthroposociocultural Approach*]. — М.: Весь Мир.
- Леденева А. (2022). Предисловие [Ledeneva A. (2022). Preface] // Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. В 2 т. — М.: Новое литературное обозрение. Т. 1. С. 9–18.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). *Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура*. В 2 т. [Magyar B, Madlovics (2022). *The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework*. In 2 v.]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Назаретян А.П. (2017). *Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании* [Nazaretyan A.P. (2017). *Non-linear future. Megahistory, synergetics, cultural anthropology and psychology in global forecasting*]. — М.: Аргмак — Медиа.
- Полтерович В.М. (2018a). К общей теории социально-экономического развития. Ч.1. География, институты или культура? [Polterovich V.M. (2018a). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions or culture?] // *Вопросы экономики*. № 11. С. 5–26.
- Полтерович В.М. (2018b). К общей теории социально-экономического развития. Ч.2. Эволюция механизмов координации [Polterovich V.M. (2018b). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 77–102.
- Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа (2013) / Под ред. Г.А.Сатарова [Russian corruption: level, structure, dynamics. Experience of sociological analysis (2013). Ed. by G.A.Satarov]. — М.: Фонд «Либеральная миссия»
- Рубинштейн А.Я. (2008). *Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса* [Rubinstein A.Ya. (2008). *Economics of public preferences. Structure and evolution of social interest*]. — СПб.: Алетейя.

- Рубинштейн А.Я. (2024а). *Общая теория опекаемых благ: Учебник* [Rubinstein A.Ya. (2024a). *General Theory of Patronized Goods. Textbook*]. — СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2024б). Социальная организация государства: экономическая теория и социологические измерения [Rubinstein A.Ya. (2024b). *Social organization of the state: The problem of balance*] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4. С. 196–217.
- Тощенко Ж.Т. (2020). *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)* [Toshchenko Zh. T. (2020). *Trauma society: between evolution and revolution (an experience of theoretical and empirical analysis)*]. — М.: Весь Мир.
- Фридман М. (2006). *Капитализм и свобода* [Friedman M. (2006). *Capitalism and Freedom*]. — М.: Новое издательство.
- Хайек Ф. фон (2024). *Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики* [Hayek F. von (2024). *Law, legislation and liberty. A new statement of the liberal principles of justice and political economy*]. — М., Челябинск: Социум.
- Штомпка П. (2001). Социальное изменение как травма [Sztompka P. (2001). *Social change as trauma*] // *Социологические исследования*. № 1. С. 6–16.
- Эйзенштадт Ш. (2010). Срывы модернизации [Eisenstadt S. (2010). *Modernization Failures*] // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 6. С. 42–67.
- Balatsky, E., Yurevich M. (2022). Consistency Principle: Theory and Empirical Evidence // *Foresight and STI Governance*. Vol. 16. No. 3. Pp. 35–48. DOI: 10.17323/2500-2597.2022.3.35.48. (In Russ.)
- Eisenstadt S. (1973). *Tradition, Change and Modernity*. — New York: John Wiley & Sons.
- Eisenstadt S.N. (2003). *The Civilizational Dimension in Sociological Analysis* // *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*. Vol. 1. — Brill Academic Pub. Pp. 33–56.
- Hellman J. (1998). *Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transition* // *World Politics*. Vol. 50. No 2. Pp. 203–234.
- Ledeneva A. (2013). *Can Russia Modernise? Sistema, Power? Network and Informal Governanse*. — London: Cambridge University Press.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

senior researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF RUSSIAN INSTITUTIONS AND STATE PATERNALISM (PART I. THE STATE IN THE NARROW AND BROAD SENSES)

Abstract. The current stage of scientific and technological development makes the factor of compliance with new tasks of the institutional structure of the humanitarian sector of the economy especially significant as the most important in the formation of human capital, meeting not only technological but also social needs of society. Therefore, the role of institutions of state paternalism, designed to support science, education, culture, art, and health care, is increasing. These institutions, as associated with the most advanced spheres of society, on the one hand, are especially sensitive to all newly emerging needs. But on the other hand, they are an integral part of the general institutional structure of the state, individual elements of which may lag in their development and, accordingly, slow down the development of institutions of paternalistic support of the humanitarian sector. Moreover, all processes of institutional changes in Russia are conditioned not only by the technological breakthrough of recent decades, which, as in the cases of previous technological revolutions, leads to a violation of the techno-humanitarian balance of the development of society, undermining stability. The ongoing process of post-socialist transformation also has a significant impact on the specifics of institutional changes, since the length of existence within the framework of the real socialist system has left its mark on the characteristics of social development in such countries. In addition, the transition to the new system itself was traumatic for many citizens. Therefore, the analysis of the evolution of the institutional structure of state paternalism is preceded by a consideration of the technological and social problems facing Russian society at the present stage. No less important is the definition of how to interpret the state in the modern world — in the narrow sense as a system of state authorities standing above society, or in the broad sense as a complex system of organically interconnected components — power, economy and civil society.

Keywords: *institutional system, modern state, state paternalism, post-socialist development, Despotism, Absent Leviathan, Tamed Leviathan, patronal autocracy, patronal democracy, subject of social action.*

JEL: A12, A13, B00, B15, B52.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Е.В. Батурина

*к.э.н., докторант, Московский университет МВД России
им. В.Я. Кикотя*

ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В статье представлена систематизация существующей нормативно-правовой и методической базы, уточняющей понятие «теневая экономика» с позиции международной и уголовно-правовой регламентации. Постатейно проанализированы положения Уголовного кодекса РФ и предложена параметризация теневой экономики через показатель нелегальной экономической выгоды. Целью рассмотрения теневой экономики с позиции её нормативно-правовой регламентации является дополнение накопленного научного потенциала и представление системы параметров оценки фактов проявления теневых явлений для последующего мониторинга их отдельных показателей. В итоге сформулирован следующий вывод. В международной регламентации понятия «теневая экономика» наибольшую значимость имеет деятельность, связанная с отмыванием денег, а другими словами, с преобразованием различных фактов преступной экономической, и не только, деятельности в легальную. Уголовно-правовая регламентация понятия «теневая экономика» характеризуется различными формами и видами нелегальной экономической выгоды, а также способами её извлечения при совершении противозаконных действий. Перечень видов извлекаемой нелегальной экономической выгоды определён следующим образом: 1) в отношении конфискуемой формы нелегальной экономической выгоды: в виде денежных средств, ценностей и иного имущества; в виде доходов от этого имущества; 2) в отношении неконфискуемой формы нелегальной экономической выгоды: в виде дохода, который характеризуется денежным потоком, поступающим в наличной и/или безналичной формах на незаконных основаниях; в виде эквивалентной доходу стоимости материальных ценностей. В этом контексте теневая экономика рассматривается как система управленческих и экономических отношений, возникающих в процессе формирования и трансформации теневых денежных потоков. В свою очередь, подсистема управленческих отношений включает в себя «криминальную» составляющую, согласно которой они подпадают под уголовно наказуемые преступления, за исключением сферы экономики. В этом случае параметром оценки «криминальной» составляющей теневой экономики выступает величина совокупного денежного потока, которая сформирована в результате осуществления рассматриваемых неэкономических преступлений, определённая только «кассовым методом». Подсистема экономических отношений включает в себя «фальсифицированную» составляющую, согласно которой они подпадают под уголовно наказуемые преступления в сфере экономики, независимо от величины формируемого денежного потока. В этом случае параметром оценки «фальсифицированной» составляющей теневой экономики выступает величина совокупного денежного потока, которая сформирована в результате осуществления рассматриваемых экономических преступлений, определённая как «кассовым методом», так и «методом начисления».

Ключевые слова: *теневой денежный поток, экономическая преступность, нелегальная экономическая выгода, мониторинг, экономическая безопасность.*

JEL: O17

УДК: 33.011

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_37_50

© Е.В. Батурина, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Батурина Е.В.* Экономико-правовое пространство теневой экономики // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 37–50. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_37_50.

FOR CITATION: *Baturina E.* Economic and Legal Space of Shadow Economy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 37–50. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_37_50.

Введение

Теневая экономика и экономическая преступность — неразрывно связанные друг с другом понятия, так как через показатели второго можно дать развернутую характеристику первого. Такого мнения стали придерживаться учёные, формирующие экономико-правовой подход к проблеме теневой экономики. В сравнении с другими теоретико-методологическими подходами важное значение для эволюции научной мысли здесь приобретает возможность параметризации теневых экономических явлений с целью их количественного исчисления, не ограничивающегося процентным соотношением к ВВП страны или размером совокупного материального ущерба от совершения экономических преступлений.

Целью рассмотрения теневой экономики с позиции её нормативно-правовой регламентации является дополнение накопленного научного потенциала и представление системы параметров оценки фактов проявления теневых явлений для последующего мониторинга их отдельных показателей. Проведённый анализ научной литературы и официальной статистики за последние 5 лет (2020–2024 гг.) подтверждает актуальность настоящего исследования, т.к. свидетельствует о назревшей необходимости в предложении новых категориальных критериев для характеристики теневой экономики как с целью её изначальной идентификации, так и для последующего анализа эффективности проводимой государственной политики по её нейтрализации.

Научное сообщество, специализирующееся на решении вопроса понятийно-категориального характера, продолжает рассматривать теневую экономику в трактовке «околоправовых» терминов. Систематизация их научных позиций позволила выделить три научные тенденции, раскрывающие специфику развития научной мысли сегодня:

- ▶ *дуализм* — теневая экономика рассматривается в параллельном контексте системно-институционального и экономико-правового подходов: «сферы производства, обмена и распределения теневых финансовых ресурсов анализируются через противоправные и криминальные схемы или недостатки в законодательстве» [Фалинский, 2017. С. 66];
- ▶ *дихотомия* — разветвление правового подхода на экономико-правовой и естественно-правовой: «теневая экономика представляет собой две формы — неправовую и правовую экономическую деятельность, запрещённую законодательно» [Привалов, 2023. С. 85];
- ▶ *трансверсальность* — цикл взаимодействия системного, институционального и эволюционного подходов: теневая экономика представляет собой «совокупность социально-экономических отношений и их результатов, нерегистрируемых и скрываемых от действующей в данный момент государственной системы учёта и контроля, либо представляемых в искаженном, недостоверном виде» [Головки, 2020. С. 9].

Между тем термин «теневая экономика» на законодательном уровне не определён. Причины этого лежат не только в неоднозначности самого понятия, но и в ряде факторов, которые свидетельствуют о несовершенстве как правовой, так и теоретико-методологической основы. Однако с точки зрения правоприменительной практики говорить о существовании нормативно-правовой и методической базы, регламентирующей или уточняющей само понятие «теневая экономика» всё-таки можно. Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём»¹. Легализация (отмывание)

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации: официальное издание. 2015. № 9. С. 18–22.

денежных средств или иного имущества, добытых преступным путём, признаются здесь основой теневой экономики. Основываясь на этом подходе, можно выстроить представленную в настоящей работе структуру, характеризующую систему законодательного регулирования теневой экономической деятельности в России на сегодняшний день.

Международная регламентация

В соответствии с конвенциями Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (Венская конвенция, 1988 г.)², против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция, 2000 г.)³, против коррупции (Нью-Йоркская конвенция, 2003 г.)⁴, конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Варшавская конвенция, 2005 г.)⁵ международным сообществом разработаны стандарты в области противодействия отмыванию денег Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ). Важно отметить, что с 23 февраля 2023 г. ФАТФ приняла решение о приостановке членства Российской Федерации в данной группе (членство РФ с 2003 г.)⁶.

Если говорить о терминологии, которая предлагается в Рекомендациях ФАТФ, то понятие теневой экономики в них сведено до понятия «преступная деятельность, включающая преступление или правонарушение по отмыванию денег»⁷. Также дано определение понятию «преступная собственность — это имущество по категориям:

- ▶ доходы от отмывания денег или другие выгоды, получаемые от таких поступлений;

² Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене, Австрия, 20.12.1988, подписана СССР 19.01.1989, утверждена ВС СССР 09.10.1990, вступила в силу для СССР 17.04.1991) // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №42 Ст. 842. Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. 47. — М.: Международные отношения, 1994. С. 133–157.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 генеральной ассамблеи в г. Палермо, Италия, 15.11.2000, подписана РФ 12.12.2000, ратифицирована Федеральным законом РФ от 26 апреля 2004 года № 26-ФЗ с заявлением, вступила в силу для РФ 29.04.2004). Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3882. Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33. Сайт. Законодательство России. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=203001028&collection=1&ysclid=m2x11ibiub41203941 (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке, США, 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подписана РФ 09.12.2003, ратифицирована Федеральным законом от 8.03.2006 № 40-ФЗ, вступила в силу для РФ 08.06.2006). Бюллетень международных договоров. 2006. № 10 С. 7–54. Официальный интернет-портал правовой информации. № 0001202012310148 от 31.12.2020. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=201035447&ysclid=m2wy3qnx1388302938#10 (дата обращения: 07.07.2024).

⁵ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (заключена в г. Варшаве, Польша, 16.05.2005, ратифицирована Федеральным законом от 26.07.2017 № 183-ФЗ с заявлением, вступила в силу для РФ 01.01.2018). Бюллетень международных договоров. 2017. № 10. Ст. 5. Официальный интернет-портал правовой информации. № 0001201801090012 от 09.01.2018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201801090012?ysclid=m2wysuwu2a93240715> (дата обращения: 07.07.2024).

⁶ FATF Statement on the Russian Federation. Сайт Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfgeneral/fatf-statement-russian-federation.html> (access date: 07.07.2024).

⁷ FATF (2012–2023), International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation, FATEF, Paris, France. Сайт Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). URL: www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html (access date: 07.07.2024).

- ▶ средства, используемые или предназначенные для использования при отмывании денег;
- ▶ отмытое имущество;
- ▶ имущество, которое используется, предназначено или выделено для использования в финансировании терроризма, террористических актов или террористических организаций;
- ▶ доходы от финансирования терроризма, террористических актов или террористической организации».

При этом указано, что преступное имущество, которое должно быть оценено по соответствующей стоимости, включает:

- ▶ «имущество, находящееся под эффективным контролем обвиняемого или лица, находящегося под следствием и, например, находящееся во владении или в ведении членов семьи, партнёров или юридических лиц и образований;
- ▶ имущество, которое было подарено или передано третьей стороне за сумму, значительно превышающую или ниже рыночной стоимости»⁸.

Кроме того, согласно рекомендациям ФАТФ, критерием отнесения преступления к тому, которое связано с отмыванием денег, выступает именно наличие уголовной ответственности в конкретной стране за совершение тяжких преступлений и иных правонарушений. И здесь важно понятие «отмывание денег». С этой целью Венская, Палермская, Нью-Йоркская конвенции ООН вводят понятие «доходы от преступлений», трактуя их как «любую собственность (имущество), полученную или приобретённую прямо или косвенно в результате совершения правонарушений/ преступлений». Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма вводит понятие «средства», которое означает «активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими»⁹. Согласно Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, под термином «доходы» понимается «любая экономическая выгода, полученная в результате совершения преступлений»¹⁰. При этом под «экономической выгодой» подразумевается наличие или получение любого имущества (вещественного или невещественного, движимого или недвижимого, а также юридических актов или документов, дающих право на имущество или на долю в этом имуществе). Также сделано разграничение между имуществом, формирующим экономическую выгоду, и имуществом, «использованным или предназначенным для использования, любым способом, целиком или частично, для совершения преступления» (так называемым «орудием»).

В научной литературе представлен ретроспективный анализ расширения понятия «отмывание денег» как в трудах отечественных авторов, так и зарубежных исследователей [Кучумов, Печерица, 2022]. Основываясь на их разработках, можно выделить следу-

⁸ Там же.

⁹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке, США, 09.12.1999, подписана РФ 03.04.2000, ратифицирована Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ, с заяв лением вступила в силу 27.12.2002 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 12. Ст. 1059. Бюллетень международных договоров. 2002. № 10. Ст. 1. Законодательство России. Сайт. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=ref&page=1&link_id=10&nd=201017101&collection=1&scld=m2x1xrkx71171771702 (дата обращения: 07.07.2024).

¹⁰ Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии....

ющие аспекты финансового мониторинга, которые позволяют интерпретировать данное понятие в международной регламентации в соответствии с конвенциями ООН и рекомендациями ФАТФ.

Во-первых, термин «отмывание денег» до сих пор юридически не регламентирован и имеет «трансверсальную связь с уголовным, административным, финансовым и международным публичным правом» [Schneider, 2008]. При этом научным сообществом принято считать, что впервые рассматриваемое понятие официально закреплено в 1973 г. в связи с уголовным разбирательством в США (так называемый Уотергейтский процесс в отношении фактов легализации «чёрных» денег), а изначально появилось в связи с преступной деятельностью американского мафиози Аль Капоне, который через сеть прачечных самообслуживания вводил в законный наличный оборот под видом «чистой прибыли» денежные средства от торговли контрабандным алкоголем, игорного бизнеса, рэкета и т.д. В связи с этим под «отмыванием», как правило, понимается процесс умышленного преобразования в законодательно разрешённую форму извлечённого дохода, фактическое происхождение или источник которого является незаконными. Чуть другая трактовка была предложена Комиссией по организованной преступности при президенте США в 1984 г.: «это процесс, с помощью которого скрывается незаконное происхождение денег, которые используются таким образом, что нет возможности определить незаконность их получения» [Кащеев, 2022].

Во-вторых, на международном уровне закреплён перечень предикатных преступлений, которые связаны с отмываем денег, находящихся под пристальным вниманием ООН и ФАТФ:

1) преступления, связанные с наркотиками (производство, выращивание, покупка, обмен, хранение и распространение наркотиков или психотропных веществ), согласно Венской конвенции ООН (1988 г.). При этом в состав преступления входит фальсификация (сокрытие/маскировка) незаконного происхождения источника имущества (доходов), извлечённых от оборота наркотиков;

2) преступления, совершённые организованными преступными группами (организованная преступность), и тяжкие преступления (с максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до 4-х лет), согласно Палермской конвенции ООН (2000 г.);

3) коррупционные преступления (взяточничество, хищение, незаконное присвоение, злоупотребление влиянием, незаконное обогащение и злоупотребление служебным положением государственными служащими), согласно Нью-Йоркской конвенции (2003 г.). Раскрыт симбиотический характер коррупции и отмывания денег.

Данный перечень не является закрытым. По мере изменения общественных и экономических отношений, совершенствования финансовых институтов, распространения и развития информационных технологий перечень рассматриваемых предикатных преступлений расширяется и специализируется. Но важно отметить, что в рекомендациях ФАТФ определён общий идентификационный признак преступлений, связанных с отмыванием денег — извлечение прибыли (дохода, экономической выгоды) установленным лицом или группой лиц, совершающих противоправное деяние или аффилированных с осуществлением противоправной деятельности, связанной с движением денежных средств в финансовой среде (так называемые «грязные деньги»).

В-третьих, на международном уровне определены стадии отмывания денег, характеризующие формирование денежного потока, в отношении которого рекомендовано проводить постоянный финансовый мониторинг:

1) «размещение» — ввод денежных средств, источник которых связан с описанными выше предикатными преступлениями, в законные финансовые системы, как правило, путём документально подтверждающего внесения наличных денежных средств в кассу финансового института;

2) «расслоение» — многочисленные банковские переводы между счетами аффилированных или подконтрольных лиц с целью затруднения отслеживания движения денежного потока и установления его первоисточника;

3) «интеграция» — инвестирование законного бизнеса, как правило, путём перевода в безналичной форме сумм оплаты/предоплаты от подконтрольных плательщиков, непосредственно не связанных с совершением предикатного преступления.

В-четвёртых, на международном уровне определён риск-ориентированный подход к финансовому мониторингу. Согласно Пятой (2017 г.) и Шестой (2020 г.) директивам ЕС о борьбе с отмыванием денег, финансовые учреждения должны внедрить в свою деятельность программы оперативного реагирования на потенциальные угрозы для своих финансовых систем. Для этого должны быть разработаны регламенты идентификации и проверки клиентов, методики и процедуры мониторинга транзакций и контроля подозрительных действий в отношении средств клиентов со стороны иных лиц.

В итоге напрашивается следующий вывод: *в международной регламентации понятия «теневая экономика» наибольшую значимость имеет деятельность, связанная с отмыванием денег, а другими словами, с преобразованием различных фактов преступной экономической и не только деятельности в легальную.* В России тоже избран путь пристального внимания к действиям, которые умышленно совершаются с целью вывода средств теневого сектора в легальную экономику. Но тогда обоснованно возникает вопрос: не всё ли равно, каков объём теневого бизнеса в России? Законодательная направленность обуславливает необходимость решения второго вопроса: может быть, следует оценивать масштабы именно легализованного «преступного имущества», если выразаться терминами ФАТФ?

Уголовно-правовая регламентация

Понятие «теневая экономика» в уголовном праве также строго не регламентировано и здесь в основном можно говорить об уточняющем характере действующих правовых норм, в диспозициях которых раскрыто то или иное содержание противоправных действий. Последние могут быть квалифицированы как деятельность, законодательно запрещённая и связанная с извлечением нелегальной экономической выгоды. Важно отметить, что ряд уголовных преступлений не имеют в своем составе характеристик экономической деятельности (проституция, рэкет, киллерство, наркобизнес, незаконный оборот наркотиков, коррупция и др.). Но о таких преступлениях также нельзя забывать, так как они, не нанося вред экономике страны напрямую, связаны с последующим отмыванием денежного потока, создаваемого при их совершении. В этом случае предлагается рассматривать понятие «теневая экономика», включив в него все формы противозаконной деятельности, при которой формируется денежный поток и/или нелегальная экономическая выгода, которую можно оценить в денежном эквиваленте.

Уголовный кодекс РФ¹¹ на настоящий момент включает свыше 250 статей Особенной части, перечень которых с 1996 г. по настоящее время, с одной стороны, сократился, а с другой — расширился за счёт введения новых форм противоправных действий. Интересен тот факт, что исключённые статьи касались формирования денежного потока и могли быть квалифицированы как форма теневой экономики, но с определённого момента такие деяния вышли из состава уголовно-регулируемой деятельности. Поэтому говорить об их изучении в рамках рассматриваемого правового поля не актуально.

На основании детального анализа действующего уголовного законодательства РФ выявлены следующие особенности, характеризующие две формы нелегальной экономи-

¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

ческой выгоды: *конфискуемую и неконфискуемую*, извлекаемые при совершении уголовно-наказуемых экономических преступлений.

Во-первых, законодательно закреплён закрытый перечень имущества, которое подлежит конфискации в форме принудительного безвозмездного изъятия и обращения в собственность государства на основании обвинительного приговора, согласно статье 104.1 УК РФ. Данный перечень, по сути, отождествляет теневую экономику и конфискуемую форму нелегальной экономической выгоды.

Во-вторых, определены преступления против собственности (глава 21 УК РФ), которые характеризуют неконфискуемую нелегальную экономическую выгоду при различных формах хищений. Путем сопоставления положений главы 21 УК РФ с экономическими показателями, по которым можно идентифицировать извлекаемую нелегальную экономическую выгоду, её размер отождествлён с установленным минимальным размером ущерба или его оценочной характеристикой. По результатам сопоставления выделены виды неконфискуемой формы нелегальной экономической выгоды:

1. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к величине рыночной стоимости похищенного имущества, установленной путем проведения оценочного исследования, в случаях причинения ущерба в крупном или особо крупном размере (ст. 158, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160, 161, 162, 163, 168 УК РФ).

2. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к величине субъективной рыночной стоимости похищенного имущества, установленной путём проведения оценочного исследования и скорректированной (1) с учётом имущественного положения гражданина, которому нанесён значительный ущерб (ст. 158, 159, 159.3, 159.5, 159.6, 160, 167 УК РФ) — с учётом размера его заработной платы, пенсии, наличия у потерпевшего иждивенцев, а также совокупного дохода членов его семьи, с которыми он ведёт совместное хозяйство¹²; или (2) с учётом особой исторической, научной, художественной или культурной ценности похищенного предмета (ст. 164 УК РФ).

3. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к сумме денежных средств, фактически изъятых с банковского счёта, или к величине похищенных электронных денежных средств, в том числе полученных кем-либо (переданных /выданных /перечисленных кому-либо) с целью их дальнейшего изъятия и (или) обращения на нужды лиц, не имеющих на это законного основания, установленных путём проведения исследования записей бухгалтерского характера, в том числе отражающих движение денежных средств в безналичной форме на счетах интересующего лица в кредитных организациях (банках), на его электронных кошельках (п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, п. «в» ч. 3 ст. 159.6 УК РФ).

4. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к величине похищенного дохода физического лица, установленного путём проведения исследования записей бухгалтерского учёта налогового агента, являющегося источником выплат указанного дохода, с учётом сумм удержанного и уплаченного налоговыми агентами НДФЛ (п. 5 ст. 158 УК РФ).

5. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к величине кредиторской задолженности интересующего лица в размере взятых и преднамеренно неисполненных договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, установленных путём проведения исследования записей бухгалтерского учета сторон договорных отношений, если они являются индивидуальными предпринимателями и (или) коммерческими организациями (ч. 5–7 ст. 159 УК РФ).

6. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к сумме денежных средств, фактически полученных интересующим лицом на основании заведомо ложных и (или)

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации: официальное издание. 2003. № 2. С. 3–10.

недостовверных сведений о лице-получателе или при умолчании о фактах, препятствующих получению указанных выплат на законных основаниях, установленных путём проведения исследования записей бухгалтерского характера лица-плательщика: при получении займа/кредита (ст. 159.1 УК РФ); при выплате пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат (ст. 159.2 УК РФ); при обмане относительно наступления страхового случая, а также размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу (ст. 159.5 УК РФ).

7. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к балансовой стоимости вверенного имущества, установленной путём проведения исследования записей бухгалтерского учёта собственника имущества, в случаях причинения ущерба в крупном или особо крупном размере (ст. 160 УК РФ).

8. Нелегальная экономическая выгода, приравненная к величине упущенной выгоды интересующего лица, т. е. величине неполученных им доходов, которые могли быть получены при обычных условиях гражданского оборота, если бы ничьи права не были нарушены¹³, установление которой возможно при проведении оценочного исследования при значительной доле предположений и допущений (ст. 165 УК РФ).

В-третьих, среди преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) выделены те, по которым предусмотрена конфискация имущества: ст. 171.1–171.5, 174, 174.1, 183, 184, 186, 187, 189, 191.1 УК РФ, и те, по которым конфискация не предполагается. По каждой группе таких преступлений извлекаемая нелегальная экономическая выгода обладает своей спецификой, качественно отличающей её от того, что указано выше в отношении видов не конфискуемой формы нелегальной экономической выгоды.

Разделение нелегальной экономической выгоды на «конфискуемую» и «неконфискуемую» формы связано, во-первых, с обоснованной возможностью идентифицировать объект конфискации установленного экономического субъекта как объекта его бухгалтерского учёта, придав тому соответствующий условный экономический статус. Во-вторых, это связано с реальной возможностью фактически изъять, например, наличные денежные средства или имущество, когда они установлены физически. Если же исследуемая сумма денежных средств, например, приравнена к вознаграждению при незаконной банковской деятельности, то она считается обезличенной, т.е. распределённой между заинтересованными лицами через применения теневой схемы — здесь о признании такой суммы в качестве условного объекта бухгалтерского учёта конкретного лица речь не идёт, поэтому она и не подлежит конфискации. С другой стороны, к объекту бухгалтерского учёта не может быть отнесено имущество, заведомо добытое преступным путем, так как такое имущество при его фактическом изъятии подлежит возвращению законному собственнику.

Подытоживая, нелегальная выгода непосредственно в сфере экономической деятельности включает в себя следующие виды.

1. Конфискуемая нелегальная экономическая выгода:

1.1. ... приравненная к доходу, установленному по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы, без учёта организационно-правовой формы интересующего лица и применяемого им режима налогообложения, только кассовым методом (ст. 171.2 УК РФ);

1.2. ... приравненная к покупной или продажной стоимости товаров и продукции, установленной по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы, с учётом особенностей формирования данных бухгалтерского учёта по калькуляции и определения

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации: официальное издание. 2018. № 2. С. 7–13.

фактической себестоимости производимой, приобретённой, перевозимой или реализуемой партии или единицы товаров/продукции (ст. 171.1, 171.3, 171.4 УК РФ);

1.3. ... приравненная к величине сформированной за интересующий период дебиторской задолженности интересующего лица на момент её возникновения без учёта фактов её погашения, установленной по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы (ст. 171.5 УК РФ);

1.4. ... приравненная к величине денежных средств, полученных/перечисленных с целью легализации (отмывания) денежных средств или приобретения иного имущества, установленных по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы в отношении финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, при обязательном учёте (при условии фактов доказывания) интересующих моментов формирования легализуемого денежного потока (ст. 174, 174.1 УК РФ);

1.5. ... приравненная к сумме денежных средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, установленных по результатам проведения судебной оценочной (товароведческой) или бухгалтерской экспертизы в отношении указанных активов, переданных интересующему лицу добровольно (ст. 183, 184 УК РФ).

1.6. ... приравненная к номинальной стоимости заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка РФ, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте РФ либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте, установленной по результатам проведения технико-криминалистической экспертизы денежных знаков и ценных бумаг (ст. 186 УК РФ).

1.7. ... приравненная к стоимости незаконно заготовленной древесины (лесоматериалов и древесины топливной), установленной по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы с учётом такс, утвержденных Правительством РФ¹⁴, по данным Федеральной службы государственной статистики о средних ценах производителей на отдельные виды промышленных товаров (ОКВЭД) по федеральным округам на конец отчётного периода, предшествовавшего дате совершения преступного деяния (ст. 191.1 УК РФ).

2. Неконфискуемая нелегальная экономическая выгода:

2.1. ... приравненная к полученным убыткам интересующего лица (потерпевшей стороны), установленным путём проведения финансово-аналитических исследований влияния фактов совершения/несовершения тех или иных экономических действий на его финансовое состояние или платёжеспособность на основании данных бухгалтерского учёта и отчётности, смоделированной методом корректировки/изолированного влияния при заданных условиях, т.е. если бы интересующие экономические действия не были/были совершены, в том числе при наличии признаков банкротства (ст. 183, 169, 195, 196, 197 УК РФ).

В качестве наглядного примера сложности установления факта извлечения вышеуказанной нелегальной экономической выгоды можно привести результаты финансово-аналитического исследования в отношении договоров займа, заключённых между учредителями и микрокредитной компанией при решении следующего вопроса: какое влияние оказали договоры займа: № ... от ..., заключённые между С* Л.С. и ООО Микрокредитная компания «*», на финансовое состояние ООО Микрокредитная компания «*» в 2021 и 2022 гг.?

Методика финансово-аналитического исследования: проведение финансового анализа показателей годовой бухгалтерской (финансовой) отчётности исследуемого лица:

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 28.12.2020 № 2306 «Об утверждении такс для исчисления стоимости незаконно заготовленной древесины для целей статьи 191.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Официальный интернет-портал правовой информации. № 0001202012310148 от 31.12.2020. URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#pnum=0001202012310148> (дата обращения: 07.08.2024).

ООО Микрокредитная компания «*», по состоянию на отчётную дату¹⁵ (31.12.2021 и 31.12.2022. соответственно) и за отчётный период (с 01.01.2021 по 31.12.2021 (за 2021 г.); с 01.01.2022 по 31.12.2022 (за 2022 г.), соответственно) при двух альтернативных ситуациях. С одной стороны, изучается ситуация при отражении интересующих фактов хозяйственной жизни: сделок по исследуемым договорам займа, заключённым между С* Л.С. и ООО Микрокредитная компания «*», в составе совокупных величин экономических показателей регистров бухгалтерского учёта и включении их в расчёт при определении остатков (конечного сальдо) указанных экономических показателей в составе итоговых показателей исследуемой годовой бухгалтерской (финансовой) отчётности. С другой стороны, рассматривается условно смоделированная ситуация, в которой в составе совокупных величин экономических показателей регистров бухгалтерского учёта не отражены интересующие факты хозяйственной жизни. В этом случае они исключены из расчёта при определении остатков (конечного сальдо) указанных экономических показателей (при допущении, что интересующие факты хозяйственной жизни не были осуществлены, и при прочих равных условиях хозяйствования).

По результатам финансово-аналитического исследования было установлено следующее. Сделки по исследуемым договорам займа, заключённым между С* Л.С. и ООО Микрокредитная компания «*»: № ... от ..., оказали совместное с другими фактами хозяйственной жизни разнонаправленное влияние на платёжеспособность и финансовое состояние ООО Микрокредитная компания «*» через показатели ликвидности и финансовой независимости. Определить характер изолированного влияния сделок по исследуемым договорам займа на финансовое состояние ООО Микрокредитная компания «*» в 2021 и 2022 гг. не представляется возможным. Указанные сделки являются, с одной стороны, источником формирования неденежных активов организации (что может влиять на показатели ликвидности), а с другой — характеризуются как заёмный источник финансирования деятельности организации (что может влиять на показатели финансовой независимости). В свою очередь, начисление процентов по основному долгу, в том числе их погашение (выплата/удержание в виде начисленного НДС по выплаченным процентам и пр.) за отчётный период по исследуемым договорам займа оказало значительное влияние на финансовое состояние ООО Микрокредитная компания «*» в 2021 и 2022 гг. Это сказалось на показателях рентабельности деятельности. Завышение процентных расходов по займам при допущении, что сделки по исследуемым договорам займа не были осуществлены (при прочих равных условиях), составило 67% (2021 г.) и 64% (2022 г.) от величины чистых процентных доходов организации.

Важно подчеркнуть, что денежные средства, поступившие в адрес ООО Микрокредитная компания «*» по исследуемым договорам займа, оказали положительное влияние на структуру и объём активов организации. При этом прямое положительное влияние указанные денежные средства оказывают во всех случаях, если они направлены на погашение иных обязательств компании, не связанных с выплатой процентов по исследуемым договорам займа (например, выплата заработной платы, уплата налогов и прочее), и косвенное положительное влияние, если они участвуют в формировании неденежных активов, которые, в свою очередь, связаны с получением доходов организации (например, выдача займов населению). Оценить количественно косвенное положительное влияние указанных денежных средств, изолировав их от иных источников финансирования деятельности организации, не представляется возможным. Их дальнейшее расходование осуществляется обезличено, с учётом всех денежных средств, имеющихся в момент расходования в распоряжении организации. Поэтому оценить в целом («отрицательно» или «положительно») влияние сделок по исследуемым договорам займа на финансовое состояние

¹⁵ Звёздочками здесь и далее обозначены наименования реальных ООО.

ООО Микрокредитная компания «*» не представляется возможным. В результате нельзя оценить их косвенное обезличенное положительное влияние на формирование доходов, которые получены в результате использования *всех* активов организации, а не только денежных средств, поступивших в адрес ООО Микрокредитная компания «*» по исследуемым договорам займа.

Из этого примера ясно, что для идентификации нелегальной экономической выгоды должна учитываться специфика исследуемых обстоятельств, а не только оцениваться предполагаемый размер завышения убытков/расходов, который при прочих равных условиях хозяйствования должен быть установлен изолировано от иных определяющих его, но не исследуемых факторов.

2.2. ... приравненная к доходу, установленному по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы, с учётом организационно-правовой формы интересующего лица и применяемого им режима налогообложения, кассовым методом или методом начисления (ст. 170.2, 171, 178, 180, 185, 185.1, 185.2, 185.4, 191 УК РФ):

2.2.1. ... приравненная к завышенной величине дохода, установленной по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы, с учётом организационно-правовой формы интересующего лица и применяемого им режима налогообложения, кассовым методом или методом начисления, определяемой как разница между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без учёта незаконных действий (ст. 185.5 УК РФ);

2.2.2. ... приравненная к заниженной величине убытков, установленной по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы, с учётом организационно-правовой формы интересующего лица и применяемого им режима налогообложения, кассовым методом или методом начисления, определяемой в размере убытков, которых интересующее лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком (ст. 185.6 УК РФ);

2.3. ... приравненная к доходу, установленному по результатам проведения судебной бухгалтерской экспертизы, без учёта организационно-правовой формы интересующего лица и применяемого им режима налогообложения, только кассовым методом (ст. 172 УК РФ).

В качестве наглядного примера сложности установления факта извлечения вышеуказанных видов (п. 2.2–2.3) нелегальной экономической выгоды можно привести фрагмент бухгалтерского исследования в отношении дохода субъекта малого предпринимательства, находящегося на общем режиме налогообложения, при нелегализованном размещении им твёрдых бытовых отходов IV класса опасности:

Согласно п. 12 Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» (ПБУ 9/99) исследуемое лицо как субъект малого предпринимательства имеет право признавать выручку по мере оказания услуг или по мере поступления денежных средств от покупателей при соблюдении следующих условий:

- ▶ организация имеет право на получение этой выручки, вытекающее из конкретного договора или подтверждённое иным соответствующим образом;
- ▶ сумма выручки может быть определена;
- ▶ имеется уверенность в том, что в результате конкретной операции произойдет увеличение экономических выгод организации;
- ▶ расходы, которые произведены или будут произведены в связи с этой операцией, могут быть определены¹⁶.

¹⁶ Приказ Минфина России от 06.05.1999 № 33н (рег. в МЮ РФ 31.05.1999 г. № 1791) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Доходы организации» ПБУ 9/99» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. № 26. Ст. 22. Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=4&nd=102094243&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=06.05.99+%B9+97-%D4%C7++&ysclid=m2wx98n3h1845485019 (дата обращения: 07.08.2024).

Если хотя бы одно условие не выполнено, то исследуемое лицо признаёт кредиторскую задолженность, не участвующую в формировании интересующего дохода. При этом субъект малого предпринимательства вправе признавать доход на дату оказания услуг (при применении метода начисления) или дату поступления денежных средств от покупателя (при применении «кассового метода»), что должно быть изначально закреплено в учётной политике исследуемого лица до начала исследуемого календарного года.

В связи с невозможностью представить учётную политику исследуемого лица в силу её отсутствия, доход субъекта малого предпринимательства от осуществления исследуемой деятельности определён в двух альтернативных случаях:

- в случае, если дата получения дохода отождествляется с фактом оказания услуг по размещению твёрдых бытовых отходов и приравнивается к дате оказания услуг;
- в случае, если дата получения дохода отождествляется с фактом оплаты услуг по размещению твёрдых бытовых отходов и приравнивается к дате поступления денежных средств с учётом полученных авансов и предоплаты.

При этом независимо от момента признания дохода в соответствии с п. 3 Положения по бухгалтерскому учёту «Доходы организации» (ПБУ 9/99) не признаются доходами следующие поступления от других юридических и физических лиц:

- ▶ суммы НДС и иных аналогичных обязательных платежей;
- ▶ поступления по договорам комиссии и иным аналогичным договорам в пользу иного лица;
- ▶ поступления в виде задатка/залога;
- ▶ поступления в погашение кредита/займа...

Как следует из примера, для идентификации нелегальной экономической выгоды в виде полученного дохода важно учитывать не только организационно-правовую форму исследуемого лица и применяемый им режим налогообложения, но и положения его учётной политики как стандарта, который является одним из документов, регулирующих финансово-хозяйственную деятельность в России на уровне экономического субъекта, в соответствии со ст. 21 Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте»¹⁷. Отход от правил бухгалтерского учёта может привести к необоснованному занижению или завышению размера нелегальной экономической выгоды, что, в свою очередь, может негативно сказаться на достоверности результатов проводимых исследований.

Список случаев, в которых экономическая выгода не конфискуется, но заменяется различными штрафами и санкциями, можно продолжать. Так или иначе эти ситуации регламентируются статьями УК РФ (ст. 172, 175–177, 192–194, 198–200). Перечень видов извлекаемой нелегальной экономической выгоды может быть определен следующим образом:

- 1) в отношении конфискуемой формы нелегальной экономической выгоды: в виде денежных средств, ценностей и иного имущества; в виде доходов от этого имущества;
- 2) в отношении неконфискуемой формы нелегальной экономической выгоды: в виде дохода, который характеризуется денежным потоком, поступающим в наличной и/или безналичной формах на незаконных основаниях; в виде эквивалентной доходу стоимости материальных ценностей.

Уголовно-правовая регламентация понятия «теневая экономика» характеризуется различными формами и видами нелегальной экономической выгоды, а также способами ее извлечения при совершении противозаконных действий. Разделение нелегальной эко-

¹⁷ Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 50. Ст. 7344. <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1002011050000&page=1&sort=position&limit=50&nd=11&volid=1002011050000> (дата обращения: 07.08.2024).

номической выгоды на «конфискуемую» и «неконфискуемую» формы связано, во-первых, с обоснованной возможностью идентифицировать объект конфискации установленного экономического субъекта как объект его бухгалтерского учёта, придав ему соответствующий условный экономический статус: актив/пассив, доход/расход, дебиторская/кредиторская задолженность и пр., и во-вторых, с реальной возможностью фактически изъять имущество, которое при этом не подлежит возврату законному собственнику. В этом случае важно также понимать научные принципы (например, принципы теории судебной экономической экспертизы) приравнивания нелегальной экономической выгоды к различным экономическим показателям, которые могут и должны быть установлены с максимально достоверной оценкой достаточности вещественных доказательств совершения тех или иных противоправных действий.

Выводы и предложения

В настоящее время научный поиск истинного определения понятия «теневая экономика» отходит на второй план. Сегодня нужен новый параметр оценки эффективности государственной политики по обеспечению экономической безопасности России, характеризующий теневую экономику как угрозу в совокупности с другими параметрами состояния национальной безопасности России. В этом контексте *теневая экономика может рассматриваться как система управленческих и экономических отношений, возникающих в процессе формирования и трансформации теневых денежных потоков*. Подсистема управленческих отношений включает в себя «криминальную» составляющую, согласно которой они подпадают под уголовно наказуемые преступления, вне сферы экономики. В этом случае параметром оценки «криминальной» составляющей теневой экономики выступает величина совокупного денежного потока, которая сформирована в результате осуществления рассматриваемых неэкономических преступлений, определённая только кассовым методом. Подсистема экономических отношений включает в себя «фальсифицированную» составляющую, согласно которой они подпадают под уголовно наказуемые преступления в сфере экономики, независимо от величины формируемого денежного потока. В этом случае параметром оценки фальсифицированной составляющей теневой экономики выступает величина совокупного денежного потока, которая сформирована в результате осуществления рассматриваемых экономических преступлений, определённая как кассовым методом, так и методом начисления. А в случае осуществления экономической деятельности, не включённой в состав экономических преступлений, но связанной с извлечением нелегальной экономической выгоды, такая деятельность также является фальсифицированной составляющей теневой экономики. В исключительных случаях величину денежного потока можно оценить в вероятном значении путём применения альтернативных оценочных косвенных методов наблюдения.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Головкин М.В. (2020). *Теневая экономика в системе угроз национальной экономической безопасности: факторы, эволюция, направления противодействия* [Golovko M.V. (2020). The shadow economy in the system of threats to national economic security: factors, evolution, directions of counteraction]: дис. ... д-ра экономических наук: 08.00.05. — Санкт-Петербург. 426 с.
- Кашеев Д.В. (2022). Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма, обусловленное развитием рынка криптовалют [Kashcheev D.V. (2022). Countering money laundering and terrorist financing due to the development of the cryptocurrency market] // *Вестник евразийской науки*. №1. URL: <https://esj.today/PDF/32ECVN122.pdf> (дата обращения: 07.07.2024).
- Кучумов А.В., Печерица Е.В. (2022). Понятие «отмывание» (легализация) доходов: сущностные и правовые аспекты [Kuchumov A.V., Pecheritsa E.V. (2022). The concept of «laundering» (legalization) of income: essential and legal aspects] // *Экономический вектор*. Т.30. №3. С. 115–122. DOI: 10.36807/2411-7269-2022-3-30-115-122.

- Привалов К.В. (2023). Основные подходы к трактовке содержания теневой экономики: правовой анализ [Privalov K.V. (2023). The main approaches to the interpretation of the content of the shadow economy: legal analysis] // *Закон. Право. Государство*. 2023. Т.38. №2. С. 82–86.
- Фалинский И.Ю. (2017). Организационно-экономические основы противодействия теневой экономике органами внутренних дел Российской Федерации [Falinsky I.Yu. (2017). Organizational and economic foundations of countering the shadow economy by the internal affairs bodies of the Russian Federation]: дис. ... доктора экономических наук: 08.00.05. — Санкт-Петербург.
- Schneider F. (2008). *Money laundering and financial means of organized crime: some preliminary empirical findings* // Paolo Baffi Centre Research Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/227358325_Money_laundering_and_financial_means_of_organised_crime_Some_preliminary_empirical_findings (access date: 07.07.2024).

Батурина Евгения Владимировна

ibm600x@mail.ru

Evgeniya Baturina

Cand. Sci. (Econ.), Doctoral student at the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

ibm600x@mail.ru

ECONOMIC AND LEGAL SPACE OF SHADOW ECONOMY

Abstract. The article presents a systematization of the existing regulatory and methodological framework clarifying the concept of "shadow economy" from the perspective of international and criminal law regulation. The provisions of the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed article by article and the parameterization of the shadow economy through the indicator of illegal economic benefits is proposed. The purpose of considering the shadow economy from the perspective of its regulatory and legal regulation is to supplement the accumulated scientific potential and present a system of parameters for assessing the facts of the manifestation of shadow phenomena for subsequent monitoring of their individual indicators. As a result, the following conclusion is formulated. In the international regulation of the concept of «shadow economy», the most important activity is related to money laundering, in other words, with the transformation of various facts of criminal economic and not only activities into legal ones. The criminal law regulation of the concept of «shadow economy» is characterized by various forms and types of illegal economic benefits, as well as ways to extract it when committing illegal actions. The list of types of illegal economic benefits is defined as follows: 1) in relation to the confiscated form of illegal economic benefit: in the form of cash, valuables and other property; in the form of income from this property; 2) in relation to a non-confiscated form of illegal economic benefit: in the form of income, which is characterized by a cash flow coming in cash and/or non-cash forms on illegal grounds; in the form of an income equivalent value of tangible assets. In this context, the shadow economy is considered as a system of managerial and economic relations arising in the process of formation and transformation of shadow cash flows. In turn, the subsystem of managerial relations includes a "criminal" component, according to which they fall under criminally punishable crimes, with the exception of the economic sphere. In this case, the parameter for assessing the «criminal» component of the shadow economy is the value of the total cash flow, which is formed as a result of the implementation of the considered non-economic crimes, determined only by the «cash method». The subsystem of economic relations includes a «falsified» component, according to which they fall under criminally punishable crimes in the field of economics, regardless of the amount of generated cash flow. In this case, the parameter for evaluating the «falsified» component of the shadow economy is the value of the total cash flow, which is formed as a result of the implementation of the economic crimes in question, determined by both the "cash method" and the «accrual method».

Keywords: *shadow cash flow, economic crime, illegal economic benefit, monitoring, economic security.*

JEL: O17.

ИСТОРИЯ МЫСЛИ

Н.В. Комаровская

старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

ОПРЕДЕЛЯЯ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ

Аннотация. В работе рассматривается появление и развитие концепции неопределённости в экономической мысли. Представлена общая характеристика и проведён сравнительный анализ понятия неопределённости в теориях Фрэнка Найта и Джона Мейнарда Кейнса. Несмотря на схожесть трактовки неопределённости, Найт и Кейнс приходят к различным выводам относительно роли экономической неопределённости и необходимости «борьбы» с ней. По Кейнсу, неопределённость является одной из основных причин колебаний инвестиций и, соответственно, совокупного спроса, в связи с чем Кейнс считает необходимым проведение фискальной политики для снижения уровня неопределённости. В отличие от Кейнса, Найт полагает достаточными рыночные способы преодоления неопределённости, не требующие целенаправленного воздействия государства на всю экономическую систему. Проанализирована роль неопределённости в теории экономического развития Йозефа Шумпетера. По Шумпетеру, с техническим прогрессом экономическая система будет приближаться к социалистическому планированию, что должно способствовать снижению уровня неопределённости. Рассмотрена неопределённость как основа методологии представителей неоавстрийской школы Людвиг фон Мизеса и Фридриха фон Хайека, согласно которым только свободный рынок посредством передачи информации помогает эффективно решать проблему выбора в условиях неопределённости, связанной с изменчивостью обстоятельств и предпочтений людей, а также рассеянностью знания. Выявлены причины упадка научного интереса к найтианско-кейнсианской неопределённости в мейнстриме, связанные с усилением формализации экономической теории, и настоящего роста внимания экономистов к роли неопределённости, вызванного появлением множества количественных способов измерения её уровня. Представлен обзор развития концепции неопределённости в посткейнсианстве и новой институциональной экономике.

Ключевые слова: найтианско-кейнсианская неопределённость, риск, неоавстрийская школа, рассеянное знание, посткейнсианство, эпистемологическая и онтологическая неопределённость.

JEL: B10, B20, B41

УДК: 338.27

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_51_64

© Н.В. Комаровская, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Комаровская Н.В. Определяя неопределённость // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 51–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_51_64.

FOR CITATION: Komarovskaia N. Defining Uncertainty // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 51–64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_51_64.

Неопределённость в теориях Найта и Кейнса

В современной экономической науке довольно часто используется термин «найтианско-кейнсианская неопределённость» (Knight-Keynes uncertainty) [Williams, Findlay, 1986; Gillies, 2003; Hodgson, 2011]. Он восходит к двум работам, опубликованным в 1921 г., — диссертации Ф.Х. Найта (защищённой в Чикагском университете ещё в 1916 г.) «Риск, неопределённость и прибыль» [Найт, 2003 (1921)] и философско-методологическому «Трактату о вероятности» Дж. М. Кейнса [Кейнс, 2011 (1921)].

Найт противопоставил понятие экономической неопределённости (economic uncertainty) понятию риска: если риск («объективная вероятность») — это известное

вероятностное распределение на некотором множестве событий, то неопределённость («субъективная вероятность») — это неспособность людей прогнозировать вероятность реализации тех или иных событий. «Практическое различие между категориями риска и неопределённости состоит в том, что, когда речь идёт о риске, распределение исходов в группе случаев известно либо благодаря априорным расчётам, либо из статистических данных прошлого опыта, тогда как в условиях неопределённости это не так по той общей причине, что ситуация, с которой приходится иметь дело, весьма уникальна, и нет возможности сформировать какую-либо группу случаев. Лучше всего неопределённость можно проиллюстрировать в связи с вынесением суждения или формированием мнений по поводу будущего хода событий; именно такие мнения, а отнюдь не научное знание чаще всего реально управляют нашим целенаправленным поведением» [Найт, 2003. С. 225–226].

С точки зрения Найта, неопределённость в процессе производства возникает в связи с тем, что невозможно точно определить количество и качество экономических благ, которые будут произведены в результате расходования определённого объёма ресурсов. Источником неопределённости в сфере потребления является изменчивость потребностей людей, не поддающаяся точному прогнозированию. Производителю приходится оценивать будущий спрос на свои товары и услуги и будущие результаты ведения бизнеса, направленного на удовлетворение этого спроса. Производство требует времени, и неопределённость порождает неточность обоих прогнозов: «в самой основе проблемы неопределённости лежит присущая самому экономическому процессу устремлённость в будущее» [Найт, 2003. С. 229].

Согласно Найту, именно неопределённость является источником предпринимательской прибыли, которая возникает в результате динамических изменений. Найт фокусирует своё внимание на принятии решений предпринимателями, не опирающимися, как это предполагается в неоклассических моделях, на рациональный расчёт. Хотя решения принимаются на основе знания прошлого и настоящего, они формируются не только строго на их основе, но в том числе и с использованием интуиции. Предпринимательский талант заключается в умении наиболее точно выбрать оптимальный вариант действий, что подразумевает наиболее точную оценку будущего. Эта способность обеспечивает предпринимателю более высокую прибыль и преимущественное положение по отношению к другим участникам рынка.

Кейнс, в отличие от Найта, терминологически не разделяет понятия риска и неопределённости, но также, говоря о будущем результате, противопоставляет определимое неопределимому. Согласно Кейнсу, традиционная теория вероятностей слабо применима к реальной действительности: «В лучшем случае иногда мы лишь *смутно* представляем себе, с какой степенью вероятности первоначальные посылки определяют вывод. Очевидно, что здесь вероятности могут быть неизвестны или известны с меньшей определённостью, чем это позволяет установить рассуждение. Глупость может не позволить нам дать какую-либо оценку вероятности, равным образом мы можем по той же причине оценить эту вероятность неправильно» [Кейнс, 2011. С. 410–411]. По Кейнсу, неопределимость вероятности будущих исходов превалирует над определимостью¹. По

¹ Кейнс приводит следующий пример: «Предположим, что мы на прогулке: какова вероятность того, что мы вернёмся домой живыми? Всегда ли эту вероятность можно численно измерить? Если разразится гроза, эта вероятность уменьшится; но изменилась ли она на определённую численную величину? Конечно, можно найти данные, которые позволили бы сравнить эти вероятности численно. Можно предположить, что знание статистики смертельных случаев от удара молнии делает это сравнение возможным. Но если подобная информация не является частью знания, к которому относится интересующая нас вероятность, этот факт вообще не имеет отношения к рассматриваемой вероятности и не может повлиять на её числовое значение. Более того, в некоторых случаях, когда доступны общие статистические данные, числовая вероятность, которая может быть получена на их основе, неприменима из-за наличия дополнительной информации, касающейся конкретного случая» [Кейнс, 2011. С. 407].

сути, Кейнс другими словами описывает ситуацию неопределённости по Найту, подчёркивая, что на основе эмпирических наблюдений путём индукции не всегда можно получить строгое знание. Он выделяет три вида событий: 1) те события, в отношении которых можно определить вероятность их наступления как рациональное число, принимающее значение от нуля до единицы (например, выпадение орла или решки при подбрасывании монеты); 2) события, в отношении которых накопленные знания позволяют частично их ранжировать (к примеру, в текущей экономической ситуации в течение следующих трёх месяцев следует ожидать скорее падение процентной ставки, нежели её повышение); 3) события, в отношении которых база знаний недостаточна даже для частичного ранжирования.

В своём главном труде «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) Кейнс строит свои рассуждения, основываясь на том, что экономическая ситуация подвержена постоянным изменениям, и поэтому имеющиеся базы экономических данных представляют собой ограниченную основу для прогнозирования будущих событий: «... полученные нами знания не обеспечивают достаточной основы для ожиданий, рассчитанных с математической точностью» [Кейнс, 2022а. (1936) С. 160–161]. В частности, невозможно прогнозировать величину инвестиций, зависящую от нормы процента и ожидаемой предельной эффективности капитала (оценки будущего дохода от капиталовложений). По Кейнсу, при допущении неизменности объёма денежной массы процентная ставка определяется предпочтением ликвидности, то есть склонностью людей держать деньги в наличной форме. Различные мотивы, побуждающие людей хранить наличность для будущего использования, управляются их ожиданиями или суждениями в отношении будущего. С другой стороны, ожидания в отношении будущей прибыли от капитальных благ при условии, что их стоимость задана, также зависят от суждений, имеющих элемент неопределённости. Кейнс обращает внимание на то, что люди располагают весьма слабыми познаниями о факторах, которые будут влиять на доходность инвестиций через несколько лет, и поэтому вынуждены оценивать будущий предполагаемый доход на основе крайне ненадёжных сведений. Поскольку эти два типа суждений относительно будущего, определяющие норму процента и ожидаемую предельную эффективность капитала, не имеют надёжных и определённых оснований, то есть носят крайне неопределённый характер, такой важный элемент совокупного спроса, как инвестиции, подвержен постоянным непредсказуемым колебаниям².

В статье «Общая теория занятости» [Кейнс, 2022b (1937)], вышедшей в ответ на четыре критических статьи в адрес его книги, опубликованных в «Quarterly Journal of Economics» [Leontief, 1936; Robertson, 1936; Taussig, 1936; Viner, 1936], Кейнс поясняет: «...под “неопределённым” знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределённости; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительной степени неопределённой. Даже погода является неопределённой лишь в умеренной степени. Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределёнными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 г. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем» [Кейнс, 2022b. С. 360]. Тем не менее экономические агенты вынуждены обходить этот, по выраже-

² Обратим внимание на то, что другая составляющая совокупного спроса — потребительские расходы — по Кейнсу является скорее пассивной переменной, определяемой величиной располагаемого дохода. Они определяются «социальной практикой и институтами», а также «привычным поведением индивидов». Таким образом, в теории Кейнса неопределённость будущего не оказывает столь значительного влияния на изменение объёма потребления, как на колебания инвестиций.

нию Кейнса, «неуклюжий факт». Они действуют, во-первых, не обращая внимания на возможные будущие изменения, сути которых они не знают; во-вторых, допуская, что текущие цены и структура производства основаны на правильной оценке будущих перспектив до появления чего-то нового; и, в-третьих, опираясь на суждения более информированного большинства, то есть соответствуя среднему поведению. Кейнс рассматривает общество, состоящее из копирующих друг друга индивидов, в связи с чем возникает «конвенциональное» суждение. Это суждение может быть чрезмерно оптимистичным, что в конечном итоге может привести к кризису, или пессимистичным, что вызовет длительный застой. Таким образом, чередование общественного оптимизма и пессимизма в теории Кейнса вытекает из его предпосылки о неполноте информации и неопределённости, определяющих действия экономических агентов³.

Вопрос о том, насколько ранние философские идеи Кейнса повлияли на его экономическую теорию, получил название «Das Maynard Keynes Problem»⁴. Согласно ряду исследователей, в частности И. Хишияме, «Общая теория занятости, процента и денег» основана на положениях, изложенных в «Трактате о вероятности», то есть экономическая теория Кейнса должна трактоваться исходя из его «логики неопределённости» [Hishiyama, 1969]. Именно в связи с большей неопределённостью долгосрочной перспективы Кейнс фокусирует своё внимание на решении экономических проблем в краткосрочном периоде, а макроэкономический подход Кейнса можно интерпретировать как стремление посредством использования агрегированных величин выявить более достоверные закономерности. Кейнс связал неопределённость с пессимистическими настроениями и предпочтением ликвидности, описав ситуацию, когда даже ощутимое увеличение объёма денежной массы может не оказать значимого влияния на процентную ставку, так как в связи с усилением неопределённости относительно будущего люди будут ещё больше предпочитать ликвидность, руководствуясь мотивом предосторожности. Отсюда следует вывод Кейнса о неэффективности денежно-кредитной политики. С его точки зрения, именно с помощью инструментов фискальной политики, а не монетарной, можно оказать положительное воздействие на настроения инвесторов, снизить неопределённость и в результате увеличить совокупный спрос. «Сегодня многие экономисты признают, что революция, которую совершил Кейнс в экономической теории, связана с признанием неопределённости базисной характеристикой денежной экономики» [Макашева, 2013. С. 49]⁵.

Сходства концепций неопределённости в теориях Найта и Кейнса заключаются в том, что, во-первых, оба экономиста трактуют неопределённость как невозможность точно определить возможные исходы и их вероятность. Во-вторых, и Найт, и Кейнс считают неопределённость одной из важнейших черт, присущих экономическим процессам, связывают неопределённость с неполнотой информации и отказываются от базовой предпосылки ортодоксальной неоклассической теории о её симметричном распределении. Выделяя принципиальные моменты, отличающие свою теорию от класси-

³ Идеи Кейнса получили своё развитие в концепции ограниченной рациональности Г. Саймона [Simon, 1978] и появлении кейнсианской модели человеческого поведения, учитывающей неполноту информации, ограниченность интеллектуальных способностей людей, влияние социума, ожиданий и «духа жизнерадостности» (animal spirits). Поведение экономических агентов под воздействием иррациональных мотивов рассматривается в популярной современной работе Дж. Акерлофа и Р. Шиллера «Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма» [Акерлоф, Шиллер, 2010]. См. подробнее: [Козлова, 2016; Комаровская, 2016].

⁴ С анализом «Das Maynard Keynes Problem» можно ознакомиться в работах: [Bateman, 1991; Макашева, 2011].

⁵ Показательным является большое количество выходящих в последнее время научных работ, посвящённых неопределённости в теории Кейнса, в частности: [Keynes, uncertainty..., 2002; The philosophy of Keynes'..., 2003]; а также [Carabelli, 2023; Weatherson, 2002; Carvalho, 2015; Dunn, 2004], и др.

ческой, Кейнс пишет, что классики и неоклассики, в частности Д. Рикардо, А. Маршалл, Ф. Эджуорт и А. Пигу, рассматривали экономические системы с заданным используемым количеством факторов и известными в той или иной степени обстоятельствами. В таких системах ожидания не всегда сбываются, но они заданы в определённой и поддающейся расчёту форме. Существование рисков хотя и признавалось, но не удостоивалось должного внимания в связи с возможностью точного вычисления вероятности возможных исходов, в результате чего неопределённость превращалась в равнопорядковую определённость. «Однако на самом деле мы, как правило, располагаем лишь самым туманным представлением только о наиболее прямых последствиях наших поступков» [Кейнс, 2022b. С. 359]. Основное различие подходов Найта и Кейнса состоит в том, что Найт, в отличие от Кейнса, не ставил задачу создать новую экономическую теорию, опровергающую основные неоклассические постулаты. Найт, как и последующие представители чикагской школы, был согласен с неоклассическим представлением о способности рынка эффективно распределять ресурсы и сфокусировал своё внимание на том, как участники рынка добиваются этого эффективного распределения в условиях неопределённости. С точки зрения Найта, существуют рыночные способы преодоления неопределённости, не требующие участия государства: группировка (объединение) лиц, призванных нести ответственность в случае неблагоприятных исходов (механизм страхования), их специализация (другими словами, возложение рисков на лиц, наиболее склонных их нести) с помощью института свободного предпринимательства, а также спекуляции (главным образом посредством распространения информации)⁶, «управление будущим и повышенная способность к прогнозированию»⁷, «диффузия» последствий неблагоприятных случайностей, направление экономической деятельности в такие её виды, которые сопряжены с низким уровнем неопределённости. Хотя Найт отмечает важную роль правительства в отношении сбора, обработки и распространения экономической информации с целью преодоления неопределённости, он, в отличие от Кейнса, не считал необходимым снижать её уровень с помощью проведения целенаправленной экономической политики.

Неопределённость в работах Шумпетера

Как и Найт, Й. А. Шумпетер считал ситуацию неопределённости условием получения предпринимательской прибыли. Особенность концепции Шумпетера, изложенной в его труде «Теория экономического развития» [Шумпетер, 2007a (1911)], как известно, состоит в том, что предпринимателями следует считать только тех производителей, кто осуществляет новаторскую деятельность, подразумевающую создание новых комбинаций «вещей и сил». Качества предпринимателя должны включать способность «идти вперёд в одиночку, не пугаясь связанных с этим неопределённостей и возможного сопротивления» [Шумпетер, 2007a. С. 158]. Предприниматели по сравнению с обычными производителями выполняют большую и качественно иную работу: «даже при самой тщательной

⁶ По мнению Найта, «одним из главных выигрышей, которые дают организованные спекуляции, является снабжение информацией о деловой конъюнктуре, что позволяет более осмысленно прогнозировать изменения рынка. Торгово-промышленные ассоциации или биржи и отдельные их представители занимаются этим не только ради самих себя. О признании важности такой работы для общества в целом свидетельствует тот факт, что государство ежегодно расходует огромные суммы на приобретение и распространение информации об объёмах выпуска в разных отраслях, урожаях зерновых и т.п.» [Найт, 2003. С. 249].

⁷ Как пишет Найт, между управлением будущим и повышенной способностью к прогнозированию «существует тесная связь, так как главное практическое значение знания — умение управлять, а кроме того, оба способа неразрывно связаны с общим прогрессом цивилизации, совершенствованием технологии и ростом знаний» [Найт, 2003. С. 231].

подготовке невозможно полностью учесть все прямые и обратные воздействия, которые влечёт за собой осуществление запланированных мероприятий... как во время войны полководцу приходится принимать стратегические решения, не дожидаясь, пока будет собрана вся необходимая информация, так и в экономической жизни бывает необходимо действовать, не продумав во всех деталях то, что должно произойти» [Шумпетер, 2007а. С. 154]. Шумпетер отмечает, что интуитивное принятие решений может приводить к лучшим результатам, чем точный рациональный экономический расчёт. Успех может зависеть от чутья и способности отделить значимое от незначимого на основе принципов, которые пока невозможно чётко сформулировать.

Таким образом, Шумпетер противопоставляет традиционную производственную деятельность в стационарной экономике, где отсутствует неопределённость и будущее, по сути, не отличается от настоящего, новаторской деятельности предпринимателей, успех которой зависит от правильности решений в условиях неопределённости. В отличие от Найта, Шумпетер не разделяет понятия риска и неопределённости, но говорит о том, что есть риски, которые могут быть предусмотрены заранее. Такие риски, как правило, включаются в издержки и не являются источником прибыли, в отличие от непредусмотренных рисков⁸.

В своей более поздней работе «Капитализм, социализм и демократия» [Шумпетер, 2007b] Шумпетер прогнозирует отмирание предпринимательской функции в связи с тем, что процесс внедрения инноваций становится всё более безличностным, рутинным и механизированным. Новаторство перестаёт быть уделом предпринимателей-одиночек и становится результатом коллективных действий высококвалифицированных специалистов. «Романтика прежних коммерческих авантюр отходит в прошлое, поскольку многое из того, что прежде могло дать лишь гениальное озарение, сегодня можно получить в результате строгих расчётов» [Шумпетер, 2007b. С. 513]. С точки зрения Шумпетера с техническим прогрессом экономическая система будет приближаться к социалистическому планированию. Этот переход способствует снижению уровня неопределённости, связанной прежде всего с реакцией фактических и потенциальных конкурентов компаний-производителей, а также с изменениями общей экономической ситуации. Хотя в условиях социалистической хозяйственной системы другие виды неопределённости сохранятся, указанные виды должны практически полностью утратить свою значимость.

Неопределённость как основа методологии неоавстрийской школы

Неопределённость легла в основу методологии выдающихся представителей неоавстрийской школы Л. фон Мизеса и Ф. фон Хайека. Продолжая традиции австрийской (венской) школы маржинализма, Мизес и Хайек исследуют человеческое поведение, однако, в отличие от основных представителей австрийской школы К. Менгера, Ф. фон Визера и О. фон Бём-Баверка, рассматривавших экономических агентов, обладающих достаточной информацией, чтобы принимать рациональные решения, неоавстрийцы обращают внима-

⁸ Шумпетер пишет: «Хозяйственные субъекты либо включают в свои калькуляции издержек премии за риск, либо осуществляют затраты с тем, чтобы избежать тех или иных опасностей, либо, наконец, они учтут — и уравниют — различия, существующие между отдельными отраслями производства в уровнях риска таким образом, что просто будут подальше держаться от более рискованных отраслей производства до тех пор, пока увеличившийся благодаря такому поведению доход не явится для них соответствующей компенсацией. Ни один из указанных способов избегания экономических рисков в принципе не обеспечивает получения прибыли... Иначе обстоит дело, когда риски не предусматриваются заранее или, во всяком случае, не учитываются в хозяйственном плане. Тогда они становятся источником, с одной стороны, убытков, а с другой — прибылей» [Шумпетер, 2007а. С. 82–83].

ние на то, что в процессе выбора люди действуют в условиях неопределённости и руководствуются доступным им несовершенным знанием⁹.

С точки зрения Мизеса, люди могут принимать различные решения в зависимости от времени и конкретной ситуации, поэтому любой выбор уникален. В своей работе «Человеческая деятельность: трактат по экономической теории» [Мизес, 2012 (1949)] Мизес описывает экономику как изменчивое высокодинамичное пространство, к которому не применимы статические экономические модели¹⁰. Изменения происходят в процессе непрерывной человеческой деятельности, где людям приходится действовать в условиях неопределённости будущего, поскольку существует непредсказуемость человеческого выбора. По Мизесу, «неопределённость будущего уже подразумевается самим понятием деятельности... если бы будущее было известно человеку, то он не стоял бы перед выбором и не действовал. Он реагировал бы на раздражители как автомат, помимо собственной воли» [Мизес, 2012. С. 101]. Единственное, что можно сказать относительно будущего — это попытаться определить вероятность действий человека, но такие попытки в любом случае неспособны уменьшить неопределённость социальных процессов. «Две области остаются непредсказуемыми: недостаточно изученные явления природы и акты человеческого выбора. Наше невежество в этих двух сферах заражает всё человеческое поведение неопределённостью» [Мизес, 2012. С. 101].

С точки зрения Мизеса, ценность (стоимость), которую человек присваивает экономическим благам или деньгам, порождается его личными намерениями и является результатом одномоментного выбора¹¹. В следующую минуту обстоятельства изменятся, может появиться что-то новое, и эта субъективная оценка поменяется. Таким образом, рыночные цены как денежное выражение стоимости (ценности) товаров и услуг подвержены беспрестанным изменениям в соответствии с постоянной сменой обстоятельств и человеческих предпочтений.

В связи с этим Мизес критикует социализм, так как экономический расчёт, являющийся, по его выражению, «компасом» людей в сфере производства и определяющий предпринимательское сознание, не может существовать в условиях отсутствия частной собственности. Централизованное планирование, предполагающее государственное ценообразование, приводит к тому, что цены перестают быть носителем экономической информации, и экономический расчёт становится невозможен. Установление цен единым планирующим органом обречено на неудачу, так как разум одного, даже очень умного человека слишком слаб, чтобы выявить важность одной ценности относительно множества других. Единственной экономической системой, способной реагировать на постоянное изменение обстоятельств и предпочтений людей и обеспечивать эффективное использование ограниченных ресурсов, может быть рыночный механизм, основанный на частной собственности и свободном ценообразовании.

Хайек дополнил рассуждения Мизеса концепцией рассеянного знания. Согласно Хайеку, знание не существует в окончательной и целостной форме, а представляет собой

⁹ Нужно уточнить, что представители австрийской школы не игнорировали полностью проблему неопределённости. В частности, Менгер обращал внимание на неопределённость и возможность торга в процессе ценообразования, критикуя детерминистский подход в теориях стоимости. Бём-Баверк отмечал, что предпринимателям необходимо уметь действовать в непредсказуемых ситуациях, так как в процессе экономической деятельности не всё происходит так, как было запланировано.

¹⁰ Мизес пишет: «Экономист математического направления, ослеплённый предубеждением, что экономическая наука должна строиться по образцу ньютоновской механики и быть доступной для изучения с помощью математических методов, абсолютно неверно истолковывает предмет своих исследований. Теперь он имеет дело не с человеческой деятельностью, а с бездушным механизмом, приводящимся в действие непостижимыми силами, не доступными для дальнейшего анализа» [Мизес, 2012. С. 657].

¹¹ Мизес критикует экономистов классической школы политической экономии, для которых ценность (стоимость) была чем-то объективным и подлежала измерению, и развивает субъективную теорию ценности представителей австрийской школы маржинализма.

совокупность недостаточных несовпадающих знаний отдельных людей, то есть рассеяно между разными членами общества: «знание обстоятельств, которым мы должны пользоваться, никогда не существует в концентрированной или интегрированной форме, но только в виде рассеянных частиц неполных и зачастую противоречивых знаний, которыми обладают все отдельные индивиды» [Хайек, 2000 (1948). С. 89]. Таким образом, люди вынуждены действовать, обладая лишь частичным знанием действительности, так как полный объём знания им недоступен в связи с невозможностью его получить и/или осознать. Знания и оценки, сделанные отдельными индивидами, меняются, что сопровождается изменениями социального порядка. Основной экономической проблемой общества Хайек считает проблему использования расплывчатого знания, которое никому не дано во всей его полноте.

Отметим, что на рассредоточение человеческого знания обращал внимание ещё Адам Смит в своём «Исследовании о природе и причинах богатства народов» [Смит, 2022 (1776)], который писал: «Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью» [Смит, 2022. С. 418]. Хайек следующим образом комментирует концепцию «невидимой руки» рынка Смита, согласно которой действия отдельных людей в собственных интересах в условиях конкуренции приводят к росту благосостояния общества в целом: «“Невидимую руку” (метафора Смита), возможно, правильнее было бы назвать невидимой или не поддающейся обычному восприятию структурой. Например, как работает система ценообразования при рыночном обмене: мы действуем в обстоятельствах, о которых мало знаем, и получаем непредвиденный результат. Мы занимаемся экономической деятельностью, не зная ни потребностей других людей (которые стараемся удовлетворить), ни источников того, что получаем сами. Почти всегда обслуживаем незнакомых нам людей, иногда даже не подозреваем об их существовании и, в свою очередь, пользуемся услугами других людей, о которых нам также ничего не известно. И это происходит благодаря тому, что наша деятельность встроена в широкие рамки институтов и традиций — экономических, правовых и моральных» [Хайек, 2023 (1988). С. 24–25]. Хайек представляет рынок как особого рода механизм по сбору и передаче информации, осуществляющий координацию знаний миллионов незнакомых между собой людей.

Как и Мизес, Хайек критикует централизованное планирование. В связи с тем, что каждый человек обладает знанием особых условий времени и места, он имеет преимущество перед остальными в связи с обладанием уникальной информацией. Эту информацию можно выгодно использовать только в том случае, если индивидам предоставлена свобода принятия решений. В связи с этим наиболее эффективно децентрализованное планирование множеством отдельных лиц, то есть конкурентный порядок. Иными словами, только рынок способен собирать воедино разрозненную информацию и генерировать верные решения.

Таким образом, представители неоавстрийской школы, приняв, как и Кейнс, неопределённость в качестве одной из основных предпосылок исследований, приходят к совершенно отличным от Кейнса выводам: если, согласно Кейнсу, государство должно вмешиваться в экономические процессы с целью снижения неопределённости и, соответственно, сглаживания чрезмерных колебаний совокупного спроса, то, с точки зрения Мизеса и Хайека, только свободный рынок посредством передачи информации помогает эффективно решать проблему выбора в условиях неопределённости, связанной с изменчивостью обстоятельств и предпочтений людей, а также рассеянностью знания. В этом отношении позиция австрийцев близка позиции Найта, который верил в эффективность свободного рынка и не считал необходимым проведение государством целенаправленной политики по «борьбе» с неопределённостью.

Концепция неопределённости в мейнстриме, посткейнсианстве и новой институциональной экономике

Экономический мейнстрим второй половины XX в. надолго снял с повестки дня понятие найтианско-кейнсианской неопределённости. Очевидно, этот спад интереса к возникшему в 1920–1930 гг. понятию был связан с усилением формализации экономической теории и акценте на математических моделях, которые дают возможность прогнозирования. Библиометрический анализ частоты упоминания найтианско-кейнсианской неопределённости в ведущих научных экономических журналах показывает, что процент содержащих это понятие научных статей достигал пика в размере 7% в 1940-х, затем снизился до 3–4% в 1950–1960-х, и достиг своего минимума в 2% в 1980-х гг. [Hodgson, 2011]. Для сравнения: поддающееся количественному определению понятие мультипликатора, занимающего заметное место в кейнсианских моделях, использовалось значительно шире и не испытало столь стремительного падения популярности, как неопределённость.

Последователи Кейнса встали перед выбором: либо принять построение прогнозирующих моделей, в которых роль неопределённости преуменьшается, либо ограничить использование моделирования и отказаться от формулирования прогнозных утверждений. Появление кейнсианско-неоклассического синтеза под лидерством П. Самуэльсона способствовало утверждению относительно упрощённой версии кейнсианства, которую можно было моделировать. Другой теоретик неоклассического синтеза К. Эрроу в своих рассуждениях о концепции неопределённости Найта отмечал, что без измеримых вероятностей ни одна теория не может быть сформулирована, в связи с чем откзывается от использования найтианской трактовки [Arrow, 1951]. Эрроу видит источник неопределённости в информационном неравенстве и рассматривает асимметричность информации как одну из причин провалов (фиаско) рынка [Arrow, 1962; Arrow, 1963; Arrow, 1971]. Согласно Эрроу, обезличенный механизм передачи информации посредством ценовых сигналов не предоставляет полной информации о действительности. В связи с этим формируются различные общественные институты, укрепляющие доверительные отношения между индивидами. Их экономическое значение состоит в создании гарантий поведения, без чего чрезмерная неопределённость была бы чревата серьёзными рыночными провалами.

Несмотря на падение интереса к найтианско-кейнсианской неопределённости в мейнстриме, совпавшее с обратным процессом роста математического формализма с целью составления экономических прогнозов, многие последователи Кейнса развивали его «логику неопределённости». Дж. Шэкл был первым представителем посткейнсианства¹², который сфокусировал внимание на «человеческих затруднениях», связанных с невозможностью предсказания будущего, так как экономические изменения возникают в связи с изменениями в знаниях, о которых люди не могут знать прежде, чем они появятся [Shackle, 1968; Shackle, 1972; Shackle, 1989]. В своих более ранних работах Шэкл для решения проблемы прогнозирования в условиях неопределённости предлагал теорию «функции неожиданности», представляющей собой вид «невероятностной» функции ожидаемой ценности будущих результатов, но затем отошёл от технического анализа ожиданий и стал настаивать на полном пересмотре экономической теории в связи с игнорированием мейнстримом проблемы вездесущей неопределённости.

Другие посткейнсианцы, в частности С. Вайнтрауб, Я. Крегель, П. Дэвидсон и А. Терци, также делают упор в исследованиях на роли неопределённости в экономическом развитии [Weintraub, 1961; Weintraub, 1966; Kregel, 1976; Davidson, 1991; Davidson 1996; Terzi, 2010]. По выражению Вайнтрауба, предпосылку об отсутствии неопределённости следует счи-

¹² Отметим, что посткейнсианство представляет собой очень широкое и неоднородное направление. Здесь упомянуты те представители, которые в своих исследованиях делали акцент на неопределённости.

тать «любопытным предположением, гарантирующим аналитическую глупость» (цит. по: [Vickers, 1979–1980]). Как и Найт, и Кейнс, посткейнсианцы трактуют неопределённость как невозможность предсказать будущие результаты выбора при помощи вероятностных распределений в связи с отсутствием научной основы для вычисления соответствующих вероятностей [Davidson, 1996; Terzi, 2010]. Некоторые посткейнсианцы, как, в частности, Крегель, используют предпосылку неопределённости при сохранении роли формальных моделей. Крегель отказывается от прогностических целей и повторяет утверждение Кейнса о том, что сама природа денежной экономики подразумевает невозможность знать будущее [Kregel, 1976]. Формальные модели в этом случае предназначены для отслеживания конкретных причинных взаимодействий, а не для прогнозирования. По мнению Крегеля, это тот тип моделирования, который подразумевал Кейнс в «Общей теории».

Дэвидсон противопоставляет посткейнсианский подход неоклассическому, обратив внимание на то, что экономическая среда, с точки зрения классиков и неоклассиков, является эргодической (ergodic), так как прошлое, настоящее и будущее могут быть описаны одной и той же функцией распределения вероятностей. Предположение о предопределённой (эргодической) реальности позволяет разработчику экономических моделей утверждать, что выборка из прошлых и настоящих рыночных данных является той же самой, что была бы получена в будущем. Эргодичность подразумевает, что будущие результаты — это просто статистическая тень прошлых и настоящих рыночных сигналов. Предпосылка об эргодических условиях решает для создателя модели проблему объяснения того, как и с какими издержками агенты получают и обрабатывают существующие данные в виде ценовых сигналов.

В отличие от неоклассиков, посткейнсианцы рассматривают неэргодическую (nonergodic) экономическую среду, в которой прошлое необратимо, а будущее неопределённо. Дэвидсон различает два типа реальности: неизменяемую (незыблемую) (immutable reality) и подверженную изменениям (креативную) (transmutable or creative reality). С его точки зрения, классические экономисты XIX в. описывали мир, в котором экономические агенты действуют в условиях совершенной определённости, обладая полным знанием о внешней экономической среде. Эту внешнюю среду Дэвидсон называет неизменной реальностью в том смысле, что она не была подвержена влиянию изменений, вызванных действиями человека. Путь экономики, как путь планет согласно классической механике Ньютона, определялся вечными, неизменными естественными законами, подобными законам природы. Представители мейнстрима (в частности, теоретик неоклассического синтеза Самуэльсон, а также авторы теории рациональных ожиданий Р. Лукас и Т. Сарджент) хотя и отошли от модели совершенной определённости, но принимают за универсальную истину существование предопределённой реальности, которую можно описать с помощью условных функций вероятности. Экономическая среда, описанная Кейнсом, является креативной в том смысле, что будущее подлежит постоянным изменениям в результате действий отдельных лиц, групп (например, профсоюзов или картелей) и/или правительств. Является креативной и экономическая среда, описанная Шумпетером. Дэвидсон критикует Лукаса и Сарджента за игнорирование роли шумпетерианского предпринимателя — творца технологических революций, которые приводят к изменениям, зачастую невысказанным даже для новаторов. Если будущее изменчиво и неопределённо, деньги не могут быть нейтральны. Спрос на ликвидные активы в долгосрочном периоде является разумным ответом экономических агентов, наделяющих деньги долгосрочной положительной реальной ценностью в качестве защиты от непредсказуемого будущего. С точки зрения посткейнсианцев, такие институты денежной экономики, как форвардные контракты, деньги как средство соизмерения контрактных обязательств и их выполнения, а также государство как организация, принуждающая к выполнению контрактов, не могут в полной мере устранить неопределённость, а лишь понизить её.

Д. Декеш предложил подразделять неопределённость на два вида: неясность (ambiguity) и фундаментальную неопределённость (fundamental uncertainty) [Dequech, 2000]. Эти два типа неопределённости ещё называют эпистемологической (epistemic) и онтологической (ontological) неопределённостью, соответственно [Davidson, 1996; Terzi, 2010]. Неясность (эпистемологическая неопределённость) возникает в том случае, когда информация отсутствует у лица, принимающего решение, но вообще существует, то есть могла бы быть ему известна. Другими словами, информация теоретически познаваема, но неравномерно распределена между участниками рынка. Здесь можно провести параллель с описанной выше концепцией рассеянного знания Хайека. Неясность может возникать в неизменной (незыблемой) реальности по Дэвидсону. Фундаментальная (онтологическая) неопределённость подразумевает, что часть информации вообще не существует на момент принятия решения, поскольку будущее ещё не наступило. Иначе говоря, информация, необходимая для осуществления выбора, недоступна в принципе. Этот тип неопределённости характерен для подверженной изменениям (креативной) реальности.

Таким образом, ряд экономистов, в частности Шэкл, Дэвидсон, Вайнтрауб, Терци, Крегель и другие, отталкиваются от существования фундаментальной неопределённости, в то время как неясность в терминологическом смысле Декеша является одной из основных предпосылок асимметричности информации, которую вслед за Эрроу исследовали представители нового кейнсианства Дж. Акерлоф и Дж. Стиглиц [Akerlof, 1970; Stiglitz, 2002]. Чтобы разрешить возникающую из информационной асимметрии проблему «неблагоприятного отбора» (adverse selection), государство должно предоставлять информацию как один из видов общественных благ, так как информация обладает свойством неконкурентности в потреблении: её получение одним лицом не снижает её количества для других.

Ещё одним направлением экономической мысли, в основу методологии которого легла неопределённость, стала новая институциональная экономика. В связи с неустрашимостью неопределённости новые институционалисты разграничивают возможность предсказания реального будущего и прогнозирование при помощи экономических моделей. Наибольший вклад в анализ проблем неопределённости внёс представитель новой экономической истории Д. Норт. С точки зрения Норта, неопределённость — это «фундаментальное условие, ответственное за развитие структуры социальной организации в ходе истории и в доисторические времена» [Норт, 2010 (2005). С. 28]. Он согласен с Дэвидсоном в том, что неэргодическая природа окружающего мира затрудняет ответ на многочисленные нововведения, с которыми сталкиваются люди в процессе создания всё более усложнённой взаимозависимой среды. Норт предлагает собственную классификацию типов неопределённости, выделяя следующие пять уровней: неопределённость 1-ого уровня поддаётся снижению путём увеличения количества доступной информации в рамках существующего объёма знаний; неопределённость 2-ого уровня можно снизить за счёт роста совокупного объёма знаний при неизменности существующих институтов; неопределённость 3-его уровня можно сократить только в результате институциональных изменений; неопределённость 4-ого уровня сопутствует новым ситуациям; неопределённость 5-ого уровня является основой для иррациональных убеждений. С точки зрения Норта, наиболее успешны в экономическом развитии те страны, в которых институты, создаваемые людьми с целью снижения неопределённости, лучше справляются со своей задачей, в результате чего наблюдается усиление стимулов к инновационной деятельности, снижение трансакционных издержек, рост инвестиций в человеческий капитал и увеличение выгод от совместной деятельности (см. подробнее: [Розмаинский, 2016]).

Следует отметить, что, несмотря на широко известное найтианское разграничение понятий риска и неопределённости, до сих пор многие представители мейнстрима склонны игнорировать это различие и использовать понятия риска и неопределённости в качестве синонимов в связи с тем, что последствия решений в этом случае можно описать с помо-

цью теории вероятности. Дж. Д. Хей называет отношение к изучению неопределённости профессиональными экономистами «шизофреническим», так как, с одной стороны, значительная часть экономистов использует теорию субъективной ожидаемой полезности в качестве отправного пункта исследований (то есть под неопределённостью подразумевает понятие риска по Найту); с другой стороны, другая не менее значительная часть всё более явно от неё отказывается [Хей, 2002 (1991)]. С. 304].

Тем не менее в настоящее время наблюдается всплеск научного интереса именно к найтианско-кейнсианской неопределённости. Мировой экономический кризис 2008–2010 гг. привёл к пересмотру экономической политики, усилению роли государства в экономике в целом и в регулировании финансовых рынков в частности. Популярность кейнсианских идей после десятилетий пренебрежения вновь начала расти. Несмотря на это, инструментальный мейнстрим не претерпел значительных изменений, и экономисты по-прежнему отдают предпочтение построению математических прогностических моделей. Но даже приверженцы формализации нашли путь интегрирования найтианско-кейнсианской неопределённости в строгие математические модели. Появилось множество количественных способов измерения уровня неопределённости, в частности, на основе волатильности валового внутреннего продукта и фондового рынка¹³, степени несогласованности между собой экономических прогнозов, дисперсии шоков производительности на уровне отдельных компаний, количества упоминаний неопределённости и связанных с ней понятий в новостях и в поисковых запросах в сети Интернет (см. подробнее: [Bloom, 2014]). Основной фокус внимания экономистов в настоящее время сосредоточен на передаточных механизмах, через которые неопределённость может влиять на экономическую активность и занятость. В связи с тем, что пандемия и последующие экономические и политические кризисы привели к росту уровня неопределённости во всём мире, следует ожидать дальнейшего роста исследовательского интереса к роли экономической неопределённости.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Акерлоф Дж., Шиллер Р. (2010). *Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма* [Akerlof G., Shiller R. (2010). *Animal Spirits: How human psychology drives the economy, and Why it matters for global capitalism*]. — М.: Юнайтед Пресс.
- Кейнс Дж.М. (2022a [1936]). *Общая теория занятости, процента и денег* [Keynes J.M. (2022a). *The general theory of employment, interest, and money*]. — М.: Эксмо.
- Кейнс Дж.М. (2022b [1937]). *Общая теория занятости* // *Общая теория занятости, процента и денег*. [Keynes J.M. (2022b). *The general theory of employment* // *Keynes J.M. The general theory of employment, interest, and money*]. — М.: Эксмо.
- Кейнс Дж.М. (2011 [1921]). *Трактат о вероятности (избранные главы)* // *Истоки: социокультурная среда экономической деятельности и экономического познания* / Под ред. Я.И. Кузьмина и др. [Keynes J.M. (2011). *Treatise on probability*]. — М.: ИД ВШЭ.
- Козлова М.А. (2016). Вклад Дж.М. Кейнса в анализ психологических мотивов экономического поведения [Kozlova M.A. (2016). *J.M. Keynes's contribution to the analysis of psychological motives of economic behavior*] // *Вестник МГИМО*. №3. С. 188–195.
- Комаровская Н.В. (2016). Эволюция «homo economicus» [Komarovskaya N.V. (2016). *Evolution of «homo economicus»*] // *Вестник МГИМО*. №1. С. 129–142.
- Макашева Н.А. (2011). «Das Keynes Problem»: от «Трактата о вероятности» к «Общей теории занятости, процента и денег» [Makasheva N.A. (2011). «Das Keynes Problem»: from the «Treatise on Probability» to the «General Theory of Employment, Interest, and Money»] // *Общественные науки и современность*. №6. С. 143–154.

¹³ Волатильность (англ. volatility — «изменчивость») — статистический показатель, используемый для оценки частоты и амплитуды изменений, которые экономическая переменная претерпевает в течение определённого периода времени. Чем сильнее колебания переменной, тем выше уровень волатильности. Волатильность ВВП и фондового рынка используются в качестве показателей, отражающих уровень экономической неопределённости, так как большая изменчивость временного ряда данных приводит к тому, что его сложнее прогнозировать.

- Макашева Н.А. (2013). Неопределённость, вероятность, этика: Дж. М. Кейнс, Л. Мизес, Ф. Найт [Makasheva N.A. (2013). Uncertainty, Probability, Ethics: J.M. Keynes, L. Mises, F. Knight] // *Вопросы экономики*. №10. С. 47–65.
- Мизес Л. (2012). *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории* [Mises L. (2012). Human action. A treatise on Economics] — Челябинск: Социум.
- Найт Ф.Х. (2003). *Риск, неопределённость и прибыль* [Knight F.H. (2003). Risk, uncertainty, and profit] — М.: Дело.
- Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. [North D. (2010). Understanding the process of economic change]. — М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Розмаинский И.В. (2016). Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределённости и институтах: пропущенная связь? [Rozmainsky I.V. (2016). Post-Keynesians and Douglass North on Uncertainty and Institutions: A Missing Link?] // *Журнал институциональных исследований*. Т. 8. №3. С. 35–46.
- Смит А. (2022). *Исследование о природе и причинах богатства народов* [Smith A. (2022). An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. — М.: АСТ.
- Хайек Ф.А. (2000). *Индивидуализм и экономический порядок* [Hayek F.A. (2000). Individualism and economic order]. — М.: Изобраф.
- Хайек Ф.А. (2023). *Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма* [Hayek F.A. (2023). The fatal conceit. The errors of socialism]. — М.: АСТ.
- Хей Дж.Д. (2002 [1991]). Неопределённость в экономической теории // *Панорама экономической мысли конца XX столетия*. Т.1. [Hey J.D. (2002). Uncertainty in economics. In: Companion to contemporary economic thought D. Greenaway, M. Bleaney and I. Stewart (Eds.) / Под ред. Д. Гринэуэя, М. Блини, И. Стюарта. — СПб.: Экономическая школа.
- Шумпетер Й.А. (2007а). Теория экономического развития [Schumpeter J.A. (2007a). Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung] // Шумпетер Й.А. *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. — М.: Эксмо.
- Шумпетер Й.А. (2007б). Капитализм, социализм и демократия // Шумпетер Й.А. *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия* [Schumpeter J.A. (2007b). Capitalism, socialism and democracy]. — М.: Эксмо.
- Akerlof G. (1970). The market for 'lemons': quality uncertainty and the market mechanism. *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 84. Issue 3. Pp. 488–500.
- Arrow K. (1951). Alternative approaches to the theory of choice in risk-taking situations // *Econometrica*. Vol. 19. No. 4. Pp. 404–437.
- Arrow K. (1962). Economic welfare and the allocation of resources for invention // *The rate and direction of inventive activity: economic and social factors*. — New Jersey: Princeton University Press. Pp. 609–626.
- Arrow K. (1963). Uncertainty and the welfare economics of medical care // *American Economic Review*. Vol. 53. No. 5. Pp. 941–971.
- Arrow K. (1971). *Essays in the theory of risk-bearing*. — Amsterdam: North-Holland Pub. Co.
- Bateman B.W. (1991). Das Maynard Keynes Problem // *Cambridge Journal of Economics*. No. 15. Pp. 101–111.
- Bloom N. (2014). Fluctuations in uncertainty // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 28. No. 2. Pp. 153–176.
- Carabelli A. (2023). On Keynes's probability and uncertainty // *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 46. No. 3. Pp. 465–492.
- Carvalho F.J.C. (2015). Keynes on expectations, uncertainty and defensive behavior // *Brazilian Keynesian Review*. No. 1. Pp. 44–54.
- Davidson P. (1991). Is probability theory relevant for uncertainty? A Post Keynesian perspective // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 5. No. 1. Pp. 129–143.
- Davidson P. (1996). Reality and economic theory // *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 18. No. 4. Pp. 479–508.
- Dequech D. (2000). Fundamental uncertainty and ambiguity // *Eastern Economic Journal*. Vol. 26. No. 1. Pp. 41–60.
- Dunn S.P. (2004). Keynes, uncertainty and the competitive process. // *A Research Annual (Research in the History of Economic Thought and Methodology)*. / Ed. by W.J. Samuels Vol. 22. Part 1. — Leeds: Emerald Group Publishing Limited. Pp. 65–92.
- Gillies D. (2003). Probability and uncertainty in Keynes's *The General Theory* // *The philosophy of Keynes's economics. Probability, uncertainty and convention*. / J. Runde, S. Mizuhara (eds.). — UK: Routledge, Taylor & Francis Group. Pp. 111–129.
- Hishiyama I. (1969). The logic of uncertainty according to J. M. Keynes // *Kyoto University Economic Review (Kyoto University)*. Vol. 39. No. 1. Pp. 22–44.
- Hodgson G.M. (2011). The eclipse of the uncertainty concept in mainstream economics // *Journal of Economic Issues*. Vol. 45. No. 1. Pp. 159–176.
- Keynes, *uncertainty and the global economy* (2002) / S.C. Dow, J. Hillard (eds). — Cheltenham, UK & Northampton, MA, USA: Edward Elgar.
- Kregel J.A. (1976). Economic methodology in the face of uncertainty: the modelling methods of Keynes and the Post-Keynesians // *Economic Journal*. Vol. 86. No. 2. Pp. 209–25.
- Leontief W.W. (1936). The fundamental assumption of Mr. Keynes' monetary theory of unemployment // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51. No. 1. Pp. 192–197.

- Robertson D.H. (1936). Some notes on Mr. Keynes' general theory of employment // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51. No. 1. Pp. 168–191.
- Shackle G. (1968). *Expectations, investment and income*. — Oxford: Oxford University Press.
- Shackle G. (1972). *Epistemics and economics: a critique of economic doctrines*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Shackle G. (1989). What did the general theory do? // *New directions in post-Keynesian economics* / J. Pheby (ed.). — Cheltenham and Camberley: Edward Elgar Publishing.
- Simon H. (1978). Rationality as process and product of thought // *American Economic Review*. Vol. 68. No. 2. Pp. 1–16.
- Stiglitz J. (2002). Information and the change in the paradigm in economics // *American Economic Review*. Vol. 92. No. 3. Pp. 460–501.
- Taussig F.W. (1936). Employment and the national dividend // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51. No. 1. Pp. 198–203.
- Terzi A. (2010). Keynes's uncertainty is not about white or black swans // *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 32. No. 4. Pp. 559–565.
- The philosophy of Keynes' economics: probability, uncertainty and convention* (2003). J. Runde, S. Mizuhara (eds). — UK: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Vickers D. (1979–1980). Uncertainty, choice, and the marginal efficiencies // *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 2. No. 2. Pp. 240–254.
- Viner J. (1936). Mr. Keynes on the causes of unemployment // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 51. No. 1. Pp. 147–167.
- Weatherson B. (2002). Keynes, uncertainty and interest rates // *Cambridge Journal of Economics*. No. 26(1). Pp. 47–62.
- Weintraub S. (1961). *Classical Keynesianism, monetary theory and the price level*. — Philadelphia: Chilton.
- Weintraub S. (1966). *A Keynesian theory of employment growth and income distribution*. — Philadelphia: Clifton.
- Williams E. E., Findlay M. C. (1986). Risk and the role of failed expectations in an uncertain world // *Journal of Post Keynesian Economics*. Vol. 9. No. 1. Pp. 32–47.

Комаровская Наталья Владимировна

n.komarovskaya@inno.mgimo.ru

Natalya Komarovskaia

Senior Lecturer of Department of Economic Theory of Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow)

n.komarovskaya@inno.mgimo.ru

DEFINING UNCERTAINTY

Abstract. The paper examines the emergence and development of the concept of uncertainty in economic thought. A comparative analysis of the concept of uncertainty in the theories of Frank Knight and John Maynard Keynes is carried out. Despite the similarity of the interpretation of uncertainty, Knight and Keynes come to different conclusions regarding the role of economic uncertainty and the need to “fight” it. According to Keynes, uncertainty is one of the main reasons for fluctuations in investment and, accordingly, aggregate demand. Keynes considers it necessary to conduct fiscal policy to reduce the level of uncertainty. Unlike Keynes, Knight believes that market methods of overcoming uncertainty are sufficient and targeted government influence on the entire economic system is not required. The role of uncertainty in Joseph Schumpeter's theory of economic development is analyzed. According to Schumpeter, with technical progress the economic system will move closer to socialist planning, which should help reduce the level of uncertainty. Uncertainty is considered as the basis of the methodology of representatives of the neo-Austrian school Ludwig von Mises and Friedrich von Hayek, according to whom only a free market, through the transfer of information, helps to effectively solve the problem of choice in conditions of uncertainty associated with the variability of circumstances and people's preferences, as well as the dispersion of knowledge. The reasons for the decline of scientific interest in Knightian and Keynesian uncertainty in the mainstream, associated with the strengthening of formalization of economic theory, and the current growth of economists' attention to the role of uncertainty, caused by the emergence of many quantitative methods for measuring its level, are identified. An overview of the development of the concept of uncertainty in post-Keynesianism and new institutional economics is presented.

Keywords: *Knight-Keynes uncertainty, risk, neo-Austrian school, dispersed knowledge, post-Keynesian economics, epistemological and ontological uncertainty.*

JEL: B10, B20, B41.

Д.В. Мельник

к.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

МАФФЕО ПАНТАЛЕОНИ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИСТ И КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИТАЛИИ

Аннотация. В статье рассматривается интеллектуальная и политическая биография одного из наиболее значимых (и наименее известных за пределами Италии) представителей итальянского маржинализма Маффео Панталеони (1857–1924). Выдающийся экономист и непримиримый защитник экономического либерализма, на рубеже XIX–XX вв. он вступил в бескомпромиссную борьбу против тенденции к росту государственного вмешательства в экономику и формированию базы государства благосостояния. Источник этой тенденции виделся ему в союзе между экономическими интересами отдельных групп массового электората и политическими интересами парламентских партий. Попытка нахождения противодействующей этой тенденции силы в условиях кризиса политической системы Италии после Первой мировой войны привела Панталеони в лагерь сторонников Бенито Муссолини. Для понимания эволюции подхода Панталеони в статье раскрывается интеллектуальный контекст формирования его идей, связанный с особенностями развития Италии после объединения страны. Сам Панталеони и его сторонники обозначаются в статье как «чистые» либералы. Их подход сформировался как продолжение борьбы, которую развернули сторонники экономического либерализма во главе с Франческо Феррарой против своих соотечественников «германистов» — экономистов, подход которых был схож с подходом Немецкой исторической школы. Особый накал эта борьба приобрела в 1870-е гг. А с 1890-х гг. борьба за идеалы экономического либерализма разгорелась с новой силой — силами экономистов поколения Панталеони. Основная угроза виделась ими уже не во враждебных идеях, а в искажениях экономической политики, вызванных деятельностью либеральных реформистов — политиков, считавших необходимым отход от идеала невмешательства в пользу активных действий правительства с целью ускорения экономического развития и сглаживания социальных противоречий. Стратегия либерального реформизма, в том числе и в результате непримиримой критики «чистых» либералов, оказалась прочно связана с именем итальянского политика Джованни Джолитти. В борьбе 1890-х гг. существенный урон был нанесён обеим сторонам, но с начала 1900-х гг. и вплоть до Первой мировой войны в политике Италии продолжалась эпоха Джолитти. Устойчивый характер тех искажений, который сначала объяснялся «чистыми» либералами преимущественно субъективными факторами — личностью самого Джолитти и политиков его круга, — привёл Панталеони к отходу от занятий чистой экономической теорией и переносу внимания на особенности политических процессов в условиях становления массового общества. Это привело к резкому неприятию политических движений, ориентирующихся на массы, прежде всего социалистического, а также и к пессимистической оценке результатов работы механизма представительной демократии.

Ключевые слова: история экономической мысли Италии, экономический либерализм, маржинализм, Маффео Панталеони.

JEL: B13, B31, H11, N43, N44

УДК: 330.83

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_65_78

© Д.В. Мельник, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельник Д.В. Маффео Панталеони: либеральный экономист и кризис либерального государства в Италии // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 65–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_65_78.

FOR CITATION: Melnik D. Maffeo Pantaleoni: Liberal Economist and the Crisis of the Liberal State in Italy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 65–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_65_78.

Введение

Либеральная экономическая наука и — шире — либеральная элита занимали весьма значимое место в жизни Италии после объединения страны. А на рубеже XIX–XX вв., в условиях массовизации политики, окончательно сформировалась отдельная школа либеральных экономистов: «чистые» либералы. Она опиралась на идеи экономического либерализма середины XIX в. и на анализ механизма общественного выбора в процессе принятия бюджетных решений, который проводился её представителями в русле маржинализма с 1880-х гг. К их числу относились Маффео Панталеони, Антонио Де Вити Де Марко, Уго Маццола. В 1890-е гг. к ним присоединились представители более молодого поколения, в частности Луиджи Эйнаути и Атилио Кабиати. Активно сотрудничал с представителями школы Вильфредо Парето. Всех их объединяло неприятие той трансформации политической системы, которую они рассматривали как всё усиливающееся отклонение от задачи максимизации общественного благосостояния, как подчинение государственного механизма интересам узких групп влияния и отдельных политических группировок. Стремление противодействовать этому и защищать классические принципы экономического либерализма выводило деятельность «чистых» либералов за сутово академические рамки — в область публицистики и политики.

Панталеони был ярчайшим представителем своего поколения либеральных экономистов. В его жизни и идеях, которые рассматриваются в данной статье, отчётливо отразились как трансформация либерального государства в Италии, так и его кризис, завершившийся крахом сложившейся с 1870-х гг. политической модели и установлением фашистской диктатуры. Панталеони являлся не только наблюдателем и критиком, но и как представитель итальянской элиты активным участником этих процессов.

Панталеони: путь либерала

Маффео Панталеони (1857–1924) унаследовал либеральные убеждения от отца — врача (одного из пионеров эндоскопической хирургии) и политического деятеля Диомеде Панталеони [Piccioni, 2014]. Политическую карьеру отец начал, побывав депутатом ещё в Папском государстве в 1848 г., в краткий период открытости либеральным идеям молодого папы Пия IX. Но позиция умеренного либерала быстро привела его в революционный год к опасному отстранению как от всё более дрейфующего в сторону реакции папского престола, так и от всё более радикализирующегося «общественного мнения». В дальнейшем он становился и депутатом уже Итальянского королевства, и его сенатором. Но в политической карьере отца чётко проявились те проблемы, с которыми столкнутся либералы поколения сына: наличие разветвлённой и опирающейся на респектабельную идеологию сети влияния в элитах (в верхах) при отсутствии влиятельной политической силы, воплощающей эту идеологию в пространстве электоральной демократии (в низах).

Панталеони-отец считался экспертом по «римскому вопросу», изобретателем формулы его решения: «свободная церковь в свободной стране»¹. Она предполагала добровольный отказ папства от государственного суверенитета в обмен на... свободу. Взлёты его влияния были связаны не с пребыванием в парламенте, а с периодами, когда продвижение этой формулы представлялось целесообразным светским властям. Панталеони стал дове-

¹ Панталеони-сын в разгар Первой мировой войны, критикуя мирные предложения папы Бенедикта XV, отметил их как «кавурианский принцип» политического решения вопроса отношений государства и церкви, позволивший предотвратить перерастание антиклерикализма в борьбу против религии [Pantaleoni, 1918e. Pp. 18–19].

ренным лицом Кавура, который незадолго до своей смерти направлял его эмиссаром в Рим и в Париж, ко двору Наполеона III. При папском дворе эффективное обоснование планируемого отъёма власти и собственности, очевидно, оценили — и предпочли отгородиться от сил прогресса гарнизоном французских солдат. В следующий раз власти Италии отправят Панталеони в Париж уже после падения империи, к новому правительству, важную роль в котором играл его старый знакомый Адольф Тьер. Задача здесь была, возможно, менее либеральной, но более реалистичной — заручиться невмешательством Франции в военный путь решения «римского вопроса». Французам, впрочем, в 1870 г. было и так явно не до того.

Основными пациентами Панталеони как доктора были иностранцы — сначала в Риме, затем в Ницце. Вероятно, именно так он познакомился с будущей женой, благородной британкой, с которой сочетался браком в Италии². Родившийся год спустя близ Рима первенец, Маффео, ребёнком обучался во Франции и в Германии, закончил Римский университет. Там участие в защите его дипломной работы принял молодой профессор Антонио Саландра — в будущем политический деятель, сторонник вступления Италии в Первую мировую войну, который сменил в 1914 г. на посту премьера Джованни Джолитти, противника этого вступления³. По воспоминаниям Эдвина Селигмена, впервые познакомившегося с Панталеони в Риме в начале 1880-х гг., его мать каждую неделю проводила «вероятно самый влиятельный салон в Риме», где можно было встретить «всех знаменитостей, итальянских и иностранных, находившихся на тот момент в городе, а Маффео, с умелой помощью кого-то из членов семьи, всегда был там в центре блестящей беседы» [Seligman, 1930. Pp. 344–345].

Происхождение открыло для Панталеони дверь в мир британской и, шире, англоязычной экономической науки. Он явно воспринимался там своим — публиковался в престижных изданиях, переводился, поддерживал контакты с коллегами⁴. В середине 1890-х гг. он даже получил приглашение в недавно открытый Чикагский университет, которым, однако, не воспользовался. Будучи гражданином мира по происхождению и воспитанию, Панталеони оставался прежде всего итальянцем. Но знание английского оказалось важным для начала его карьеры экономиста — в конце 1870-х, в университете, вместе со своим товарищем Антонио Де Вити Де Марко, Панталеони познакомился с совсем недавно вышедшей книгой Уильяма Стенли Джевонса, которая оказала на них большое влияние [De Viti De Marco, 1925. P. 168]. Полученное же в детстве знание немецкого сделало его проводником идей австрийской школы маржинализма в Италии.

Эти влияния в полной мере проявились уже в ранних работах Панталеони. Его единственный систематический трактат — учебник «Чистая экономическая теория» — был опубликован на итальянском языке в 1889 г. Его первая часть, «Теория полезности», посвящена обоснованию универсальности гедонистического принципа максимизации удовольствия и минимизации жертв [Pantaleoni, 1898]. Эта универсальность позволяет Панталеони объяснить не только человеческие выборы и действия, но и вытекающие из них общественные процессы. Так, «промышленный прогресс, т.е. проявление гедонистической максимы, состоит в изменении пропорции между затратами и вознаграждениями, уменьшая первые и увеличивая вторые» [Там же. P. 185]. Этот учебник стал манифестом маржинализма в Италии, упрочил международную известность автора и оставил Панталеони в истории

² A genealogical survey of the peerage of Britain as well as the royal families of Europe. Person Page — 24845. URL: <https://www.thepeerage.com/p24845.htm#i248448> (access date: 14.09.2024).

³ Для Панталеони Саландра в этот период выступал образцом управления военного времени, в частности жёсткого подавления профсоюзов, социалистов и иных противников войны, на фоне которого его преемники выглядели крайне невыигрышно [Pantaleoni, 1918a. Pp. 45–46].

⁴ О неслучайном характере английского издания учебника Панталеони 1889 г. говорит благодарность переводчика Альфреду Маршаллу за предоставленный им доступ «к некоторым его неопубликованным рукописям, на которые делаются ссылки в тексте» [Pantaleoni, 1898. P. V].

экономической науки как итальянского маршаллианца — следует подчеркнуть, впрочем, что Панталеони издал свой труд на год раньше выхода «Принципов экономической науки» Маршалла и следовал своему собственному, оригинальному методу в анализе рыночного равновесия [Ронкалья, 2018. С. 435–436]. Впоследствии, однако, не порывая с маржинализмом в теории и либерализмом в идеологии, Панталеони трансформировал свой подход, отказываясь, однако, переиздавать учебник 1889 г. Эта трансформация была связана с его стремлением к реалистичности экономической теории. Однако — и в этом проявлялось сходство с подходом австрийской школы — его следование методологическому индивидуализму не позволяло и уйти в мир чистой абстракции: «Панталеони исходил из приоритета теории ценности перед теорией равновесия, отвергал экономическую механику, равно как и теорию равновесия Парето» [Dallera, 2013. P. 54].

Тем не менее именно британский маржинализм утилитаристского толка как нельзя более удачно совмещался с другим мощным интеллектуальным влиянием на Панталеони-экономиста — учением о государственных финансах Франческо Феррары. Это было не известное в отечественной традиции тяжеловесное, статистически фундированное государствоведение немецкого образца, а практическое приложение утилитаризма, где бюджетные решения рассматривались исходя из принципа гедонизма, максимизации полезности. Собственно, усилия Феррары как теоретика и публициста в немалой степени были направлены против влияния в Италии камералистской традиции — против «экономического германизма» [Dallera, 2013. P. 49]. В теоретическом плане Феррара обосновывал то, что «коллективные действия проистекают из индивидуальных выборов. Он исходил из производительности общественного сектора и критиковал приписываемую Рикардо и Сью теорию непроизводительности общественных услуг. У него государство является производителем, а налог выступает платой за получение приносящих полезность услуг и сводится к простому обмену полезностями в процессе воспроизводства, где сопоставляются получаемая полезность и потери, необходимые для получения блага» [Op. cit.].

Одну из своих ранних работ по финансам Панталеони начинает с описания теории предельной полезности в изложении Джевонса и Вальраса, отдавая предпочтения первому за «большую ясность» изложения [Pantaleoni, 1883. P. 4]. Но также он считает возможным совместить эту теорию с математическим анализом вероятности и ожиданий в трудах Даниила Бернулли и Пьера-Симона Лапласа, отмечая, что «теория финальной степени полезности ... есть не что иное, как математическая доктрина в приданном ей экономической наукой обличье» [Op. cit. P. 6]. Панталеони считает возможным применить вытекающую из этой теории логику индивидуального выбора к процессу бюджетных решений, неоднократно подчёркивая, что в нём «необходима балансировка лишений, вызванных общей величиной изъятий, с конечными степенями полезности от различных статей расходов» [Op. cit. P. 26]. Признавая теоретическую сложность формулирования такого процесса выбора, он, тем не менее, исходит из того, что он реализуется на практике. Панталеони основывается на том, что эта задача вполне посильна для того «среднего уровня разумности», который формируется в парламентах [Op. cit. Pp. 13–14], а, кроме того, данная задача в общих чертах уже решается перед передачей бюджета в парламент на уровне министра финансов и доступного ему административного аппарата [Op. cit. Pp. 25–28].

В целом в своих ранних работах в области государственных финансов Панталеони рассматривает государство (избранное правительство) в качестве субъекта общественных решений (*decisore pubblico*), агрегирующего общественную полезность, считывающего и учитывающего предпочтения индивидов. Результирующие бюджетные решения выступают, таким образом, механизмом, который уравнивает предельные выигрыши бенефициаров бюджетных трат с предельными тяготами обложения. Такое государство вполне соответствовало определению Панталеони: «чистые науки в общем есть изучение *возможного*, т.е. возможных форм, возможных движений, возможных изменений» (цит. по.:

[*Del Buttero, De Stefani, 1935*]). Одной из этих возможностей являлось и благожелательное правительство, не ставящее перед собой иных целей, кроме максимизации общего благосостояния. Однако в последующем он отходит от этой предпосылки.

Одним из важнейших факторов этой интеллектуальной эволюции стало, как представляется, активное включение Панталеони в мир итальянской политики. В 1890 г. Панталеони вместе с Де Вити Де Марко и Уго Маццолой выкупили три четверти доли владения в издававшемся с 1875 г., но затем прекратившем выходить «Журнале экономистов» (*Il Giornale degli Economisti*). Инициатором перезапуска издания был владелец оставшейся четверти, который изначально предполагал его превращение в авторитетную трибуну экономистов всех направлений. Это отражало, подчеркнём, не просто общие благие пожелания, но попытку решить вполне конкретную задачу: ликвидировать раскол среди итальянских экономистов, который наметился примерно с 1860-х гг. и отражал различия в подходах, весьма схожие с теми, которые проявятся в немецкоязычной науке в известном «споре о методах».

Однако имеющиеся методологические различия были многократно обострены в середине 1870-х гг. после создания двух противоборствующих ассоциаций экономистов и полемики о принципах политики в области налогообложения, регулирования внешней торговли, развития промышленности, эмиграции. Именно Феррара стал обозначать своих противников как единую «ломбардо-венецианскую школу». И именно он своей борьбой с ними закрепил идеи популяризаторов экономического либерализма середины XIX в. в качестве основы для решения всех тех вопросов экономической и социальной политики, которые возникли в последней трети столетия: прежде всего разделённости Юга и Севера и общей отсталости в экономическом развитии.

История перезапуска «Журнала экономистов» показала, что битва продолжалась и в 1890-е гг., не оставляя место перемириям. Три товарища-либерала быстро оттеснили от ведения редакционной политики четвёртого совладельца. Журнал стал оплотом распространения маржинализма в теории и продолжал дело Феррары в идеологии⁵. Активное участие в его издании принимал Парето, друг и корреспондент Панталеони. Но редакционная политика также и вывела журнал с чисто академической орбиты — он превратился в боевой листок итальянского либерализма, нещадно (в частности, в статьях самого Панталеони) бичующего пороки политической системы и антилиберальные меры правительств и конкретных их представителей. Журнал приобрёл не свойственную научным

⁵ Впрочем, предполагаемую при перезапуске «Журнала» нишу быстро заняло другое издание, «*La Riforma Sociale*». Его возглавил Франческо Саверио Нитти (1868–1953) — специалист в области финансов и публицист, либерал, который, однако, был открыт социальному реформизму и активному участию государства в индустриализации в духе идей Немецкой исторической школы. Нитти при этом отвергал как этический подход Немецкой школы, так дедуктивизм построений маржиналистов [*Нитти, 1904*]. Призывая не преувеличивать возможности государства, Нитти обращал внимание на то, что «индивидуализм, как единственный и господствующий принцип экономического строя, больше недопустим» [Там же. С. 24]. Данный учебник Нитти станет самым крупным его произведением как экономиста. Изданный в Италии в 1903 г., он очень быстро был переведён на ряд языков, русское издание вышло с предисловием А.И. Чупрова. Однако именно в это время Нитти переходит от академической работы к политической деятельности, постепенно передавая руководство журналом в руки яркого представителя «чистых» либералов Эйнауди. В 1900-е гг. Нитти стал видным критиком Джолитти и, в полном соответствии с «трансформизмом» итальянской политики, министром в одном из его правительств. А в 1919–1920 гг. уже и сам Нитти будет возглавлять правительство. Несмотря на различия в подходах, Нитти высоко оценивал уже самую раннюю работу Эйнауди, вышедшую в «Журнале экономистов», и хорошо знал его самого. В 1919 г., в премьерство Нитти и по представлению правительства, Эйнауди получит назначение в сенат Итальянского королевства. Став одной из ранних мишеней фашистов, Нитти покинет Италию в 1924 г. и вернётся на авансцену итальянской политики лишь после двух десятилетий эмиграции, едва не возглавив правительство вновь (одним из влиятельных голосов против стал голос одного из его ближайших предшественников в премьерском кресле Витторио Эммануэле Орландо). В 1948 г., в президентство Эйнауди, Нитти станет сенатором Итальянской республики. На этом посту он и закончит свою долгую жизнь, успев возглавить незадолго до смерти государственную комиссию по похоронам Орландо.

изданиям популярность, что, впрочем, стало отталкивать от него собственно учёных. Лишь на рубеже 1900-х гг., после смерти Маццолы и отхода сначала Панталеони, а затем и Де Вити Де Марко от непосредственного руководства редакцией, издание стало возвращаться в академическое русло, продолжая следовать при этом маргиналистской теории и либеральной идеологии⁶.

Публицистика стоила Панталеони поста директора Коммерческой школы в Бари. Но она же, вкупе с накопленным интеллектуальным влиянием, открывала ему двери в мир бизнеса, финансов и политики. В 1892 г. он передал оказавшиеся в его руках материалы незавершённого ранее парламентского расследования одному из депутатов парламента, что запустило банковский скандал (подогреваемый в том числе и на страницах «Журнала»). Скандал привёл к падению первого кабинета Джолитти. Сторонники Джолитти не забыли этого. Спустя 10 лет сам Панталеони, к тому времени депутат парламента и профессор самой престижной экономической кафедры Италии в Римском университете, окажется в центре широко освещавшегося враждебной прессой банковского скандала. Панталеони смог доказать свою юридическую невиновность, но скандал подорвал его финансовое положение и, главное, душевное здоровье жены. В 1904 г. он уходит в отставку с поста депутата. На это, вероятно, повлиял не только скандал, но и полное разочарование в парламентской политике: Панталеони избирался на волне своей популярности оппозиционера, пользуясь широкой политической поддержкой, в частности и со стороны радикалов и социалистов. Но в парламенте он проявлял негибкое следование либеральным принципам середины XIX в. и быстро оказался в изоляции (в отличие от сочетавшего приверженность либерализму с большей политической гибкостью Де Вити Де Марко, который избрался в парламента ненамного позже Панталеони, но задержался в его стенах дольше).

Неудивительно поэтому, что в своем анализе финансов Панталеони в 1900-е гг. отошёл от первоначального образа государства: «оно стало представляться уже не благожелательной властью, выполняющей исключительно функцию интерпретации индивидуальных предпочтений, а властвующим классом, не соответствующим тому мандату представительства, которым наделяют его граждане. Этот класс, скрывая свою склонность к паразитированию и даже прямо к хищничеству с помощью искажающих техник коммуникации, направляет часть общественных доходов либо для сохранения собственной власти, либо для перемещения ресурсов в пользу лоббистов и клиентов. В результате во всех этих случаях налог не мог более рассматриваться по аналогии с ценами, формирующимися на рынке, — он превращался в изъятие без соответствующего возмещения» [Bini, 2012]. При этом речь шла о том, что данные искажения являются результатом действия «плохих» институтов. За манипулирующим «техниками коммуникации» «властвующим классом» явственно проступали демократически избираемые представители парламентских партий со сменяемыми лидерами типа Джолитти. За политически мотивированным перераспределением ресурсов — давление народных масс. Именно в связи с распространением социального законодательства (прочно связанным с именем Джолитти) Панталеони отмечал в 1902 г., что в современной ему Италии «привилегированные классы военных, крупных земельных собственников, крупных промышленников» дополнялись или вытеснялись «аристократией новых клиентов», а политические решения начинали определяться консенсусом «отдельных категорий бюрократии и тех рабочих, которые организованы лучше

⁶ Именно на страницах «Журнала» были опубликованы ставшие позднее всемирно известными работы Э. Бароне [Barone, 1908a; Barone, 1908b] и Е. Слуцкого [Slutsky, 1915]. В XX в., несмотря на перипетии политической истории Италии, журнал сумеет сохранить приверженность либерализму. Так, в 1985–1995 гг. его главным редактором был экономист Марио Монти — впоследствии видный сторонник евроинтеграции, комиссар Еврокомиссии; в 2011 г., после вынужденной отставки последнего правительства Берлускони, он станет внепартийным («технократическим») премьер-министром и будет проводить политику резкого сокращения бюджетных расходов, «оздоровления» финансов (в частности, за счёт системы пенсионного обеспечения) и либерализации рынка труда.

других» (цит. по: [Bini, 2012]). Этот тренд явно следовал из демократического процесса. Впрочем, ещё в своих ранних работах он отмечал фундаментальную проблему расширения народного представительства, связанную с тем, что высшие классы вынуждены обихаживать низшие для получения их голосов. Это вынуждает их даже «говорить языком низших классов, а не собственным, равно как и спускаться на несколько ступеней вниз в своём интеллектуальном и моральном уровне» [Pantaleoni, 1883. P. 14 n. 1].

Базовые постулаты экономического либерализма оставались для Панталеони неизменными. Рыночный механизм позволял максимизировать полезность от доступных экономических благ. Капитализм как социально-экономический строй обеспечивал «наименее несовершенную институциональную систему для направления экономического процесса к целям развития и благосостояния» [Bini, 2012]. Таким образом, вполне сложившийся в XIX в. строй гарантировал неуклонное движение к лучшему в этом наименее худшем из миров. Либералы поколения Панталеони-сына, следуя либералам поколения Панталеони-отца, вплоть до конца столетия полагали, что на пути к прогрессу оставались лишь препятствия вроде анклавов папства, отсталости пока незатронутых экономической динамикой регионов и социальных групп, коррумпированности политиков. Но смена веков оказалась и переломом эпох. Значительные группы имеющих избирательное право граждан (а не только политиков!) отказывались от идеалов гражданственности (какими их видели рафинированные либералы) и действовали не в целях свободы, а в соответствии с собственными интересами, выразившимися в ожидаемом росте доходов; идеях о снижении неравенства и более широком доступе к общественным благам; стремлении к территориальным расширениям своей страны за счёт соседей и колоний.

Это подталкивало Панталеони к размышлениям, в которых констатация систематических нарушений работы рыночного механизма в результате государственного вмешательства сочеталась с суждениями историко-философского характера. Приближаясь к концу своей жизни, он констатировал, что «русская революция и Парижская мирная конференция ввергли мировой экономический порядок в русло, благоприятное социалистам: замена режима национальных и интернациональных экономических цен режимом цен политических, подорвав экономические основы цивилизации XIX столетия, перевела стрелки часов социального прогресса обратно ко времени средневековья» [Bianco, 2014].

Здесь следует заметить, что понятие политической цены использовалось Панталеони в работах по финансам ещё довоенного периода для оценки воздействия налогов на ценообразование. По итогам войны он пришёл к выводу, что в «огромной части экономического мира политические цены заменили цены экономические» [Pantaleoni, 1919a. P. 62]. Бенефициары идентифицировались им совершенно чётко: социалисты всех мастей.

В 1890-е гг. Панталеони, как и другие либералы его круга, считал сотрудничество с социалистами возможным и желательным. В процессе запуска банковского скандала, стоившего Джолитти его первого премьерства, он оповестил о намерении обнародовать полученные им сведения не только близких ему либеральных экономистов, включая Парето (который первоначально пытался отговорить Панталеони от этого шага), но и видного итальянского марксиста Антонио Лабриолу (который горячо поддержал его намерение и сообщил о нём Фридриху Энгельсу) [Канделоро, 1975. С. 480]. А поскольку никто из группы «чистых» либералов не являлся тогда членом парламента, одним из проводников расследования в его стенах стал депутат-социалист Наполеоне Колайани. Но в новом веке Панталеони стал воспринимать социалистов всё более негативно, дойдя до обвинений в национальном предательстве в годы Первой мировой войны (что совершенно не исключало для него, как и для других итальянских либералов, возможности тёплых личных отношений с отдельными носителями левых взглядов в культурной и интеллектуальной элите).

Что же касается характера указанных им шоков, то уже саму идею Парижской конференции он оценивал весьма негативно, констатируя, что она «несёт не мир, а новые

войны» [Pantaleoni, 1919a. P. 64]. Такой вывод был связан с тем, что Панталеони неуклонно следовал политической традиции, подразумевающей анализ международных отношений с точки зрения баланса сил. Исходя из этой традиции, он видел за вильсоновским морализаторством контуры новой британо-американской мировой гегемонии, которая, по его оценке, возможно, будет «менее мучительной, или же более выгодной», чем любая иная, но в отсутствие трений между двумя ведущими англосаксонскими державами будет именно гегемонией: «военной, морской, финансовой и даже культурной» [Pantaleoni, 1919b. P. 174]. И именно исходя из этой традиции русская революция, которая означала для него полный и бесповоротный крах России, приобретала такое значение. Он сравнивал её эффект с падением Персидской империи под ударами Александра Македонского. Падение Российской империи создавало, с его точки зрения, огромный вакуум, заполнение которого будет сопровождаться борьбой и конфликтами глобального масштаба. Этот вакуум простирался вплоть до Азии: «Сибирь досталась русским случайно» [Pantaleoni, 1918b. P. 207]. Панталеони исходил из того, что огромные ресурсы при незначительности русского населения превратят её в арену «гигантской конкуренции между японцами, американцами, англичанами — и, возможно, немцами» [Op. cit. P. 208]. Предвидел он рост влияния Британии на Ближнем Востоке, в частности в Персии, при соответствующем росте конкуренции и конфликтов с другими державами. В Европе он предсказывал усиление Германии, которая практически неизбежно захватит часть бывших территорий России [Op. cit. P. 209].

В условиях ожидаемой глобальной турбулентности единственное, что могла сделать Италия, это продолжать борьбу «за выход к нашим естественным границам» [Op. cit. P. 210]. Вместе с тем, Панталеони занимали не только геополитические рассуждения.

Либерализм элиты и мифы масс

Парето в своей социологической теории выделял значение коллективных предрасудков — мифов, которые, отражая в той или иной мере интересы отдельных социальных групп, определяли устремления и движения масс, помимо экономических интересов индивидов. Панталеони вполне разделял эту концепцию и применял её к обстановке в Италии. Он весьма пессимистично оценивал способность буржуазии к мифотворчеству, способному увлечь за собой массы⁷ — и эта идея отражала не только умозрительные рассуждения, но и провал попыток «чистых» либералов увлечь за своими политическими целями радикалов и социалистов в 1890-е гг. В конечном итоге «единственным мифом, способным поддержать восходящую к ценностям эпохи Возрождения консервативную и либеральную реакцию, ему стал представляться миф национализма, поглощённый затем мифом фашизма» [Bianco, 2014].

Однако публицистика Панталеони последних лет его жизни даёт основания предположить, что к «мифу фашизма» он пришёл не только как к средству. В его оценках неприятие социализма во всех его проявлениях всё теснее переплеталось с «национальным вопросом». В свою очередь, его национализм был неразрывно связан с характерным для «чистых» либералов элитизмом.

По аналогии с утилитаристским подходом к агрегированию общественной полезности на базе индивидуальных оценок Панталеони ставил вопрос о возможности сопоставления различных народов и отвергал возможность чисто арифметического их сопоставле-

⁷ Примерно четыре десятилетия спустя схожую идею выразит в своей ставшей бестселлером работе Йозеф Шумпетер [Шумпетер, 1995], который, как известно, весьма хорошо знал итальянскую литературу. В какой степени она могла быть результатом итальянского следа в его анализе, а в какой отражала общее «видение» разочаровавшихся в потенциале буржуазной цивилизации либералов периода смены эпох — вопрос отдельного исследования.

ния. Две схожие по численности и структуре «народные массы» для него «имеют различную политическую ценность, исходя из морального и культурного характера масс, а также исходя из пропорций управляющих классов в каждой из них...» [Pantaleoni, 1918b. P. 193]. Поэтому он считал возможным дополнять геополитические рассуждения межнациональными сравнениями с использованием различных коэффициентов, отражающих разность «весов» каждого народа. Он воздерживался от попыток численного установления таковых, а качественные оценки народов могли меняться от статьи к статье, отражая, очевидно, различия в его эмоциональном состоянии. Тем не менее определённая «система весов» у него явно была.

В центре внимания Панталеони, естественно, находились итальянцы. Отмечая, что элита Италии сопоставима по своему уровню с элитами других цивилизованных стран, он указывал на огромный разрыв, даже «пропасть», отделяющую её от народных масс [Pantaleoni, 1918c. P. XI]. Принадлежность к цивилизованному миру означала в этом случае не только включение элиты в единое культурное пространство, но обладание национальной элитой собственным рычагом воздействия как на правительство, так и на массы — «общественным мнением». Своей культурой обладали и массы — и Панталеони явно не был в этом отношении поклонником народных танцев. В его рассуждениях о культуре масс экономический и географический детерминизм переходил в детерминизм культурный. Неблагоприятные «условия жизни» могли приводить к установлению такого «ментального и эмоционального состояния, которое необходимо прежде разрушить, поскольку оно является препятствием для всякого прогресса» [Pantaleoni, 1918b. P. 198].

И в этом отношении на самой низкой ступени среди всех больших европейских народов стояла для него Россия: её «народ неграмотен, более некультурен и примитивен по сравнению с итальянским и испанским» [Op. cit.]. С другой стороны, «в России пропорция элиты по отношению к массе гораздо меньше, чем у нас» [Op. cit. P. 199]. Такая арифметика делала, с его точки зрения, невозможным культурное строительство силами элиты, которая могла в этой ситуации выступать проводником прогресса лишь опосредованно, опираясь на деспотическое государство. Понятно, что с крахом государственности неизбежно распадалось и общество. Либерал Панталеони, разумеется, не мог быть реакционером, уравнивающим с хаосом всякую революцию. Тезис «это другое» в его исполнении выглядел так: «Отсутствие общественного мнения в России есть то, что более всего другого отличает русскую революцию от французской» [Op. cit. Pp. 199–200].

Очевидно, что в рассуждениях Панталеони о России не было ничего оригинального. Под многими из них вполне могли подписаться и те представители прогрессивной интеллигенции в самой России, которые привычно обличали в борьбе с самодержавием равным образом и «власть тьмы», и «тьму власти» — да фактически и почерпнуты они были, судя по ссылкам, в основном из доступной ему переводной литературы русскоязычных авторов. Панталеони, будучи одновременно отстранённым и пристрастным наблюдателем, заимствовал «западнический» тезис о европейскости русской культуры. Но если в оригинале он призван был обозначить причастность к цивилизованной семье народов, то у Панталеони этот же тезис стал обозначать чуждость культуры элиты культуре народности. Он отрицал как оригинальность «высокой» русской культуры (литературы и музыки), так и «русскость» её творцов, методично перечисляя их национальные корни — от Пушкина до Леонида Андреева и Бальмонта [Op. cit. Pp. 196–197]. В любом случае, эту культуру он выводил за скобки, считая нерелевантной для народности. Она же с распадом государственности виделась ему так: «Не существует русского народа, существует 50 или 60 русских народов. Не существует русского общественного мнения, существуют миллионы и миллионы людей — не просто неграмотных, но связанных между собой разнообразнейшими видами примитивных связей, примитивных языков, примитивных религий, примитивных политических организаций, обладающих примитивными разумом и чувствами» [Pantaleoni, 1919a. P. 177].

Нетрудно представить, почему быстрое восстановление государственности с консолидаций Советской власти приводило его в исступление. «Большевики — орда кочевников... Они — хищные волки, которые должны быть побеждены оружием под страхом быть разорванными ими на куски в противном случае» [Pantaleoni, 1922. Pp. VI–VII]. Именно характер народности сказался в установлении власти Советов, которые не могли бы укорениться ни в США, ни в Британии: «Джон Буль не имеет мозга итальянцев или французов, ни говоря уже о мозге славян; он обладает мозгом римлян, но тех римлян, которые жили до Р.Х.» [Pantaleoni, 1919c. P. 197]. И в этом проявлялся для него ещё один характерный, и высший, признак цивилизованности — способность к имперскому строительству как к способу расширить пространство цивилизации. Успехи в имитации такого строительства по образу римлян и британцев он готов был признать даже за немцами. Но, очевидно, не за «кочевниками».

При всех страхах Панталеони перед появлением очередных «варваров», не они сами по себе виделись ему основной опасностью. Спасение от них могло быть найдено в военно-политической области путём союза цивилизованных народов. Его конфигурации для него были подвижны, меняясь под воздействием внешних обстоятельств и собственных оценок. Лишь Италия и её интересы всегда находилась в фокусе. Например, в 1919 г. подобный союз рисовался ему так: «Перед лицом германской опасности, варварской анархии русских и югославов, а также американского империализма насущнейшие жизненные интересы требуют ... поддержания союза между англичанами, французами и итальянцами» [Pantaleoni, 1919a. P. 187].

Страшнейшая опасность виделась ему в возможности проникновения в национальный организм тех сил, которые ослабляют и разрушают его изподволя, изнутри. Воздействию этих сил в 1917 г. он приписывал и катастрофическое поражение Италии в битве при Капоретто, и русскую революцию. Состав этих сил у него мог различаться, вбирая различные социальные, политические, национальные компоненты. Но ключевым было то, что они являлись силами интернациональными и потому антинациональными. И наиболее общим их обозначением стал социализм.

Социализм, проникнув в Россию из Германии, подорвал в конечном итоге её слабый государственный аппарат и обрушил фронт. Но ровно тот же социализм, только в другом — не «русско-немецком», а «итало-немецком» — обличии он усматривал и в своей стране, предвидя возможность аналогичного подрыва государственности и наступления анархии [Pantaleoni, 1918d]. Социализм стал куполом, под которым у Панталеони непротиворечиво помещались все чуждые и враждебные итальянской нации силы: от Коммунистического интернационала до мировой финансовой плутократии. А к агентам, вольным или невольным пособникам этих сил на внутренней арене в разное время относились им все, кто оказывались противниками его либеральной политико-экономической программы: от социалистов и джолиттианцев до клерикалов и масонов. В конечном итоге он нашёл лишь одну национальную силу, способную побороть все эти влияния: «Не случись выступления фашизма, Италия пережила бы катастрофу не только экономическую, не только политическую — она столкнулась бы с разрушением собственной цивилизации сродни тому, которое произошло в России и Венгрии» [Pantaleoni, 1922. P. VII].

Некролог Сраффы весьма сухо упоминает о том непосредственном опыте Панталеони, который воплотился в это убеждение, указывая сначала на занятие им поста министра финансов при Габриэле Д'Аннунцио во Фиуме, а затем перечисляя посты, которые он занимал, «став сторонником фашистского правительства» [Sraffa, 1924. Pp. 649–650]. Жизнеописание в издании национальной итальянской энциклопедии фашистского периода предсказуемо более колоритно: «придя к фашизму, он остался верным его последователем» [Del Buttero, De Stefani, 1935]. Наконец, современный итальянский историк экономической мысли, повторяя высокую оценку Панталеони-экономиста, считает нужным оставить

хотя бы условный шанс для размежевания с фашизмом Панталеони-политику: «Министр финансов при аванюре Д'Аннунцио во Фиуме, он принял фашизм, и в 1923 г. был назначен в сенат. Его смерть в следующем году затрудняет для нас определение его реакции на политическое убийство Маттеотти, ведущего антифашистского члена парламента — убийство, за которое Муссолини несёт полную моральную ответственность» [Ронкалья, 2018. С. 435].

Историческим фоном для политической исканий Панталеони стала Первая мировая война и её последствия. В 1915 г. Италия переметнулась от Тройственного союза к Антанте, вступив в войну против Австро-Венгрии в обмен на обещания по присоединению считавшихся исконно итальянскими территорий. «Чистые» либералы приветствовали этот шаг с разной степенью восторженности. Однако итоги войны принесли разочарование. Старшие партнёры по Антанте примкнули к США и проигнорировали ряд итальянских притязаний в ходе Парижской конференции. В свою очередь, в борьбу за земли распавшейся Австро-Венгрии подключилось Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (будущая Югославия). Арбитром по особо острому территориальному спору вокруг одного из важнейших портов на Адриатике Фиуме (ныне хорватская Риека) и прилегающей территории вызвался быть сам Вудро Вильсон. Устав от бесконечных препирательств в ходе Парижской конференции, он пошёл на необычный демарш и обратился напрямую к итальянскому народу через прессу. Суть обращения состояла в том, что ради мира, свободы и демократии итальянцам следует отказаться от притязаний на Фиуме [Statement..., 1919]. Орландо, тогдашний премьер, в ответ покинул конференцию, неся за собой в Рим шлейф «украденной победы». Италия клокотала от негодования, а в охваченный беспорядками Фиуме пришлось вводить ограниченный контингент войск Антанты. В этой ситуации в борьбу за честь и будущее включился футуризм. Собрав свою, как сказали бы сейчас, ЧВК и не встречая особого сопротивления, в сентябре 1919 г. в Фиуме вошёл поэт Д'Аннунцио. Операция была с восторгом встречена местным итальянским населением и значительной частью населения в самой Италии. Но она поставила власти страны (правительство на тот момент возглавлял уже Нитти) в патовое положение. Изначальной целью Д'Аннунцио было присоединение Фиуме к Италии. Правительство не могло ни отвергнуть этот дар без риска резкого падения поддержки внутри страны, ни принять его без риска фронтальной конфронтации как с Югославией, так и со старшими партнёрами по Антанте. Итальянскому генералу Пьетро Бадольо (который, став к тому времени уже маршалом, перехватит в 1943 г. пост премьера у смещённого Муссолини) было поручено организовать блокаду Фиуме (легко преодолеваемую, впрочем, со стороны Италии), а правительство Нитти оказалось в ситуации «ни мира, ни войны», пытаясь всё более безуспешно лавировать между союзниками и общественным мнением в самой Италии. В итоге, уже летом 1920 г. к власти вновь вернётся старый знакомый Панталеони Джолитти.

Д'Аннунцио, осознавая невозможность присоединения территории к Италии, спустя год после захвата провозгласил Фиуме регентством с собой во главе и принялся творить новую Италию вне Италии. Провозглашённая им конституция объединяла в себе эстетику футуризма, зов национализма и дух корпоративизма. В эту-то фантазмагорию и был вовлечён блестящий, всемирно признанный интеллект Панталеони.

Однако и государственный аппарат в опытных руках Джолитти не собирался уступать мечтам о прекрасной Италии будущего без боя. Наилучшим компромиссом всегда является компромисс своевременный. В обстановке всеобщей усталости от неопределённости, в ноябре 1920 г. Джолитти заключил в Рапалло договор о границах с югославской делегацией. Фиуме становилось свободным государством в соответствии с буквой принятых в Париже решений — а именно необходимость отказа Италии от города подрывала позиции двух его предшественников. Но он использовал ситуацию во Фиуме как козырь. Югославия умерила свои притязания, и границы оказались весьма благоприятны для Италии. Последним препятствием оставался островок футуризма. В конце декабря 1920 г.

Джолитти направил в Фиуме итальянские войска с приказом подавить очаг сопротивления, не останавливаясь перед кровопролитием. Приказ был выполнен.

Фактически итальянское влияние в «свободном» Фиуме по итогам сохранилось, а эпопея Д'Аннунцио закончилась. Его политическое наследие перехватил, систематизировал и включил в фашистское движение более опытный политик. На Муссолини как на последний бастион буржуазной цивилизации переключились и надежды либералов. С его приходом к власти Панталеони-политик сменил причудливые адриатические декорации на более приличествующие ему стены сената Королевства. С фашизмом он оставался до конца своей жизни. Но память соотечественников запечатлела Панталеони-экономиста: «Профессор в восьми университетах, в каждом из них он оставлял верных и полных энтузиазма учеников» [*Del Buttero, De Stefani, 1935*].

Заключение

Панталеони, как и другие «чистые» либералы, в полной мере воспринял идеологию экономического либерализма в том виде, в котором она сложилась к середине XIX в. Это было связано с влиянием со стороны Феррары, равно как и всей богатой традиции итальянской экономической мысли. Вместе с тем, в своей деятельности он выступал не только как доктринёр и пропагандист. Панталеони, наряду со всегда стоявшим особняком Парето, являлся крупнейшим представителем и распространителем маржинализма среди итальянских экономистов своего поколения. Одним из важных достижений его анализа государственных финансов 1880-х гг. стал отход от доктринального тезиса о «неестественности» государства как экономического агента и обоснование возможности государства «производить» позитивный вклад в прирост общественного благосостояния путём фискального перераспределения ресурсов. Однако уже в 1890-е гг. этот вполне «маршаллианский» вывод, подразумевающий необходимость обоснования экономической политики на базе (либеральной) экономической теории, вступал во всё большее противоречие с систематическим использованием фискального механизма в политических, а не экономических целях. Непримируемая критика политической системы Италии эпохи Джолитти выталкивала Панталеони в мир политики и публицистики. Он не отошёл от изначальных доктринальных и теоретических убеждений, но дополнил их представлением о системном характере вносимых разрастающимся государством искажений. Анализ этих искажений выводил его за пределы чистой экономической теории, в область рассмотрения порочной связи экономических интересов отдельных групп избирателей, мифов массового сознания и паразитизма парламентских партий. Осознание узости электоральной базы либерализма и отсутствия у элиты эффективных средств обуздания массовых движений — прежде всего социалистического — перевело его в годы Первой мировой войны и полное потрясений и разочарований послевоенное двухлетие на крайне правые позиции. Попытка оседлать миф национализма и приручить его для реализации программы либеральной элиты вынесла Панталеони к концу его жизни в лагерь итальянского фашизма.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Канделоро Дж. (1975). *История современной Италии*. В 8 т. Т. 6: *Развитие капитализма и рабочего движения (1871–1896)* [Candeloro J. (1975). *The History of Modern Italy*. In 8 Vols. Vol. 6: *The Development of Capitalism and the Labor Movement*]. — М.: Прогресс.
- Нитти Ф. (1904). *Основные начала финансовой науки* [Nitti F. (1904). *Principles of Financial science*]. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Ронкалья А. (2018). *Богатство идей: история экономической мысли* [Roncaglia A. (2018). *The Wealth of Ideas: A History of Economic Thought*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Шумпетер Й. (1995). *Капитализм, социализм и демократия* [Schumpeter J. (1995). *Capitalism, Socialism, and Democracy*]. — М.: Экономика.
- Barone E. (1908a). Il Ministero della produzione nello stato collettivista // *Giornale degli Economisti*. Vol. 37 (Anno 19). Settembre. Pp. 267–294.
- Barone E. (1908b). Il Ministero della produzione nello stato collettivista (Continuazione) // *Giornale degli Economisti*. Vol. 37 (Anno 19). Ottobre. Pp. 391–414.
- Bianco A. (2014). Pantaleoni, Maffeo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 81. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_(Dizionario-Biografico)) (access date: 11.09.2024).
- Bini P. (2012). Pantaleoni, Maffeo // *Il Contributo italiano alla storia del Pensiero: Economia*. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_\(Il-Contributo-italiano-alla-storia-del-Pensiero:-Economia\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_(Il-Contributo-italiano-alla-storia-del-Pensiero:-Economia)) (access date: 11.09.2024).
- Dallera G. (2013). La ‘scuola’ italiana di scienza delle finanze // *Moneta e Credito*. Vol. 66. No. 261. Pp. 45–93.
- Del Buttero A., De Stefani A. (1935). Pantaleoni, Maffeo // *Enciclopedia Italiana*. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_\(Enciclopedia-Italiana\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_(Enciclopedia-Italiana)) (access date: 11.09.2024).
- De Viti De Marco A. (1925). Maffeo Pantaleoni // *Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica*, Serie quarta. Vol. 66 (Anno 40). No. 4. Pp. 165–177.
- Pantaleoni M. (1883). *Contributo alla teoria del riparto delle spese pubbliche*. — Roma: Tipografia editrice romana.
- Pantaleoni M. (1898). *Pure economics*. — London, New York: Macmillan.
- Pantaleoni M. (1918a). Nel fronte interno // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 27–50.
- Pantaleoni M. (1918b). Il crollo della Russia. In che consista e effetti che ne seguono // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 191–210.
- Pantaleoni M. (1918c). Prefazione // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. IX–XII.
- Pantaleoni M. (1918d). Frutti del socialismo italo-tedesco e russo-tedesco // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 65–90.
- Pantaleoni M. (1918e). La Nota del Pontefice ai capi dei popoli belligeranti // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 1–20.
- Pantaleoni M. (1919a). Danni economici della sostituzione di prezzi politici a quelli economici // *La fine provvisoria di un'epopea* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 61–83.
- Pantaleoni M. (1919b). La Conferenza, le realtà, i miti e le utopie // *La fine provvisoria di un'epopea* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 165–188.
- Pantaleoni M. (1919c). Scena e retroscena // *La fine provvisoria di un'epopea* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 189–216.
- Pantaleoni M. (1922). Prefazione // *Bolcevismo Italiano* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. III–XLVIII.
- Piccioni R. (2014). Pantaleoni, Diomede // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 81. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/diomede-pantaleoni_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/diomede-pantaleoni_(Dizionario-Biografico)) (access date: 11.09.2024).
- Salvemini G. ([1910] 1966). Il ministro della mala vita // *Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana* / G. Salvemini. — Milano: Feltrinelli.
- Seligman E.R.A. (1930). Pareto and Pantaleoni: Personal Reminiscences of Two Italian Economists // *Political Science Quarterly*. Vol. 45. No. 3. Pp. 341–346.
- Slutsky E. (1915). Sulla Teoria Del Bilancio Del Consumatore // *Giornale Degli Economisti e Rivista Di Statistica*. Vol. 51 (Anno 26). No. 1. Pp. 1–26.
- Sraffa P. (1924). Maffeo Pantaleoni // *Economic Journal*. Vol. 34. No. 136. Pp. 648–653.
- Statement of President Wilson Regarding the Disposition of Fiume (1919) // *The American Journal of International Law*. Vol. 13. No. 4. Pp. 761–763.

Мельник Денис Валерьевич

dmelnik@hse.ru

Denis Melnik

Associate Professor, Deputy Head of the Center for the History and Methodology of Economic Science, HSE University (Moscow)

dmelnik@hse.ru

**MAFFEO PANTALEONI: LIBERAL ECONOMIST
AND THE CRISIS OF THE LIBERAL STATE IN ITALY**

Abstract. The article examines the intellectual and political biography of one of the most important (and least known outside Italy) representatives of Italian marginalism, Maffeo Pantaleoni (1857–1924). An outstanding economist and an uncompromising defender of economic liberalism, at the turn of the 19th and 20th centuries he entered into an uncompromising battle against the tendency towards increasing government interference and the formation of a welfare state. He saw the source of this tendency in the alliance between the economic interests of individual groups of the mass electorate and the political interests of the parliamentary parties. The attempt to find a force to counteract this tendency in the situation of the crisis of the Italian political system after the First World War led Pantaleoni to the camp of Benito Mussolini's supporters. The peculiarities of Italy's development after the unification provide the context for understanding the evolution of Pantaleoni's approach. Pantaleoni himself and his supporters are designated in the article as "pure" liberals. Their approach was emerged as a continuation of the struggle waged by the supporters of economic liberalism led by Francesco Ferrara against their compatriots, the «Germanists» — economists whose approach was similar to that of the German Historical School. This struggle gained particular intensity in the 1870s. In the 1890s, the struggle for the ideals of economic liberalism flared up with new force — this time by the economists of Pantaleoni's generation. They saw the main threat no longer in hostile ideas, but in the distortions of economic policy caused by the activities of liberal reformists — those politicians who considered it necessary to move away from the ideal of non-interference in favor of active government actions in order to accelerate economic development and smooth out social contradictions. The strategy of liberal reformism, not least due to the irreconcilable criticism of «pure» liberals, turned out to be firmly associated with the name of the Italian politician Giovanni Giolitti. The struggle of the 1890s inflicted significant damage on both sides. But at the beginning of the 1900s the Giolitti era began in Italian history, which ended only with the First World War. The persistent nature of the political distortions, which were initially explained by "pure" liberals primarily by subjective factors — the personality of Giolitti himself and the politicians of his circle — led Pantaleoni to move away from studying pure economic theory and to shift his attention to the peculiarities of political processes in an emerging mass society. This led to a sharp rejection of political movements oriented towards the masses, especially the Socialists, as well as to a pessimistic assessment of representative democracy.

Keywords: *history of Italian economic thought, economic liberalism, marginalism, Maffeo Pantaleoni.*

JEL: B13, B31, H11, N43, N44.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.А. Нисневич

*д.полит.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

МИР АВТОРИТАРНОГО ПРАВЛЕНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА (Часть 1)

Аннотация. Статья посвящена исследованию мира авторитарного правления в институциональной парадигме. Представлено структурирование этого мира по ряду признаков. В первой части статьи рассматривается структурирование авторитарного мира по признаку религии. В нём выделяются кластеры мусульманских, христианских и буддистских государств, а также кластер государств, в которых последователи ни одной из религий не составляют абсолютное большинство. Показано, как особенности религии разных кластеров влияют на специфику авторитарного правления. Так, из 45 мусульманских государств — членов ООН 40 относятся к странам авторитарного правления. В христианском мире картина иная: из 125 христианских государств — членов ООН только 23 характеризуют устойчивое авторитарное правление и ещё в 7 оно стало результатом авторитарного отката и пока не может считаться устойчивым. Сравнительная христианский мир с мусульманским, можно предположить, что христианский мир в существенно меньшей мере представляет собой «питательную среду» и склонен к авторитарному правлению, чем мир мусульманский, в предложенном институциональном понимании этих миров. Показаны особенности авторитарного правления в государствах, более 50% населения которых составляют последователи третьей мировой религии — буддизма. Выделяется также коммунистический кластер, в государствах которого правят партии, придерживающиеся коммунистической идеологии в её различных интерпретациях. Во второй части статьи государства мира авторитарного правления структурируются по региональному, географическому, принципу; анализируется фактор нестабильности в авторитарном мире; показаны проблемы, связанные со старением авторитарных лидеров, феномен «осени патриархов».

Ключевые слова: *авторитарное правление, мир авторитаризма, мировые религии, государства мусульманского мира, государства христианского мира, государства буддистского мира, государства, не имеющие господствующей религии, государства коммунистической идеологии.*

JEL: F02, F50, F54

УДК: 332, 327

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_79_92

© Ю.А.Нисневич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Нисневич Ю.А.* Мир авторитарного правления в начале XXI века (Часть 1) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 79–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_79_92.

FOR CITATION: *Nisnevich Yu.* The World of Authoritarian Rule at the Beginning of the XXI century (Part 1) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 79–92. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_79_92.

Введение

Под авторитаризмом или авторитарным правлением в предлагаемом исследовании понимается политический режим, которому «присущи следующие черты: неограниченность власти, её неподконтрольность гражданам, опора на силу; жёсткая централизация власти и строгая иерархия; ограничение принципа выборности (при наличии в стране выборной системы власти); отсутствие либо формальный характер представительных

органов, легальной оппозиции, политических партий, профсоюзов и других общественных организаций, независимых СМИ; воспроизводство правящей элиты происходит преимущественно путём наследования и кооптации; возможность ненасильственной смены власти маловероятна» [Ледяев, 2023].

В качестве исходных эмпирических данных для исследования мира авторитарного правления были выбраны результаты исследования «Свобода в мире (Freedom in the World)». Его с 1972 г. ежегодно проводит организация Freedom House¹. В соответствии с основным дихотомическим результатом этого исследования, который базируется на минималистском понимании демократии Й. Шумпетера [Шумпетер, 1995. С. 335], все государства – объекты исследования разделяются на два кластера по критерию их соответствия или несоответствия демократии в её минималистском понимании.

К первому кластеру относятся государства с удовлетворяющим минималистскому пониманию демократическим правлением, которые обозначаются как электоральные демократии². Второй, альтернативный, кластер включает государства с недемократическим правлением. По результатам проведённого в 2023 г. исследования «Свобода в мире» было определено 85 таких государств.

В кластере государств с недемократическим правлением представляется необходимым прежде всего выделять особую группу, в которой авторитарному правлению предшествовало демократическое, т.е. произошёл так называемый авторитарный откат. Но с момента отката прошло не более двух избирательных циклов, что не позволяет однозначно говорить об утверждении в этих государствах авторитарного правления и что они однозначно относятся к миру авторитарного правления. К таким государствам по состоянию на 2023 г. относятся 10 государств: Замбия (2016), Босния и Герцеговина (2018), Танзания (2018), Бенин (2019), Индонезия (2021), Гватемала (2022), Папуа — Новая Гвинея (2022), Сербия (2022), Тунис (2022), Украина (2022)³.

Таким образом, в предлагаемом исследовании мир авторитарного правления рассматривается как совокупность государств — членов ООН с особыми формами недемократических режимов. Такую совокупность составляют 75 государств.

Исследование мира авторитарного правления и анализ его характерных особенностей осуществляется на основе институционального подхода [Ирхин, 2012] с использованием таких методов политических исследований, как исторический метод [Шестов, 2019] и методы политико-правового и сопоставительно-институционального анализа [Нисневич, 2011].

При проведении предлагаемого исследования основными источниками информации служили данные:

- ▶ о ключевых политических событиях в истории рассматриваемого государства в XX и начале XXI в. — Большая российская энциклопедия 2004–2017 (<https://old.bigenc.ru/>), Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия» (<https://bigenc.ru/>);
- ▶ о географических регионах, государствах, относящихся к региону, и их названиях в краткой форме, используемой в деятельности ООН, — стандарт ООН М49 (<https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/>);
- ▶ о конституциях государств мира — Мастерская конституционного дизайна (<https://worldconstitutions.ru/>) и сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности (<https://www.wipo.int/>);

¹ * Неправительственная организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации. Далее статус нежелательной организации отмечается знаком «*».

² Под электоральной демократией понимается государство, в котором обеспечиваются минимальные стандарты политических прав и свобод, и демократическая избирательная система требует не только справедливых процедур голосования и базовой политической конкуренции, но и определённого уважения к верховенству закона и гражданским свободам, в частности к таким, как свобода собрания.

³ В скобках указано, в каком году, по мнению Freedom House*, произошёл авторитарный откат.

- ▶ о численности населения государств и в мире в целом по состоянию на 2022 г. — база данных Всемирного банка Population (<https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>);
- ▶ о процентах последователей различных религий от общей численности населения государства по состоянию на 2023 г. — проект Countrymeters (<https://countrymeters.info/ru/World>).

Коммунистическая идеология в авторитарном правлении

Если согласиться с религиозной природой коммунистической идеологии, о чём писал ещё Николай Бердяев [Бердяев, 1990], то в мире авторитарного правления можно выделить особый «религиозный» кластер, который составляют пять государств. Их отличает руководящая во всех сферах жизни общества и государства партия, исповедующая коммунистическую идеологию в той или иной её интерпретации, и такая специфическая республиканская форма правления, как «советская республика». Эти пять государств сохранились как «рудименты» распавшейся в конце XX в. мировой социалистической/коммунистической системы.

В этом кластере наиболее значимым и одним из ключевых в целом и в мире авторитарного правления государством, оказывающим существенное влияние на события и процессы в пространстве мировой политики, является Китайская Народная Республика (Китай). При формально многопартийной системе, включающей девять партий, неизменно правящей с 1949 г. является Коммунистическая партия Китая (КПК), которая «руководствуется в своей деятельности марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна и теорией Дэн Сяопина»⁴. Для авторитарного правления в Китае характерна персоналистская тенденция, которая началась с тоталитарного правления Мао Цзэдуна в 1949–1976 гг. В настоящее время высшим руководителем правящей партии в должности Генерального секретаря ЦК КПК с 2012 г. и государства в должности Председателя КНР с 2013 г. является Си Цзиньпин.

Персоналистское авторитарное правление имеет место и в таком государстве из рассматриваемого кластера, как Республика Куба (Куба). При однопартийной системе постоянно правящей после победы Кубинской революции в 1959 г. остается Коммунистическая партия Кубы (КПК)⁵. Идеология этой партии трансформировалась от классической марксистско-ленинской к идеологии «актуализации кубинской модели развития» [Арабаджян, 2021]. С 1959 г. на Кубе почти на 50 лет установилось тоталитарное правление лидера Кубинской революции Фиделя Кастро, который в 2006 г. передал «бразды правления» КПК (официально сохраняя должность Первого секретаря ЦК КПК до 2011 г.) и в 2008 г. должность Председателя Совета министров своему брату Раулю Кастро. Преемником Рауля Кастро был назначен Мигель Марио Диас-Канель, которому в 2018 г. была передана должность Председателя Совета министров (с 2019 г. он — Президент Республики Куба) и в 2021 г. должность Первого секретаря ЦК КПК.

К рассматриваемому кластеру относятся Социалистическая Республика Вьетнам (Вьетнам) и Лаосская Народно-Демократическая Республика (Лаос), в которых правящими при однопартийной системе являются, соответственно, с 1945 г. Коммунистическая партия Вьетнама (КПВ) и с 1975 г. Народно-революционная партия Лаоса (НРПЛ). Идеологией этих партий служит обновлённая идеология марксизма-ленинизма с ориентацией на многоукладную рыночную экономику [Нгуен Нгок Ха, 2019; Сенгпхакхан, 2013]. Для авто-

⁴ Правящая партия Китая. Китайский информационный Интернет-центр. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32290.htm> (дата обращения: 10.12.2024).

⁵ До 1965 г. называлась сначала Народно-социалистической партией Кубы (1944–1961), а затем Объединённой партией социалистической революции Кубы (1962–1965).

ритарного правления в этих государствах также характерна персоналистская тенденция. Во Вьетнаме такая тенденция проявляется, начиная с тоталитарного правления Хо Ши Мина в 1945–1969 гг., а в Лаосе — с тоталитарного правления Кайсона Пхонгвихана (1975–1992 гг.). Во Вьетнаме высшим руководителем правящей партии в должности Генерального секретаря ЦК КПВ в 2024 г. стал То Лам. В Лаосе высшим руководителем правящей партии в должности Генерального секретаря ЦК НРПЛ и государства в должности Президента с 2021 г. находится Тхонггун Сисулит.

К рассматриваемому кластеру можно отнести и последнее сохранившееся в современном мире тоталитарное государство — Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР). В ней с момента образования в 1948 г. правящая партия — Трудовая партия Кореи, возглавляющая коалицию под названием Единый демократический отечественный фронт. В неё входят ещё две социалистические партии. КНДР, как записано в её конституции, «руководствуется в своей деятельности идеями чучхе». Она позиционируется как идеология «самобытности», «опоры на собственные силы» и была провозглашена основателем государства Ким Ир Сенем в 1955 г. Сначала она претендовала на роль одной из конкурирующих коммунистических доктрин в противовес марксистским идеям, исходившим из СССР и Китая [Балканский, 2011. С. 144]. Впоследствии эта идеология была трансформирована и сведена «к сугубо охранительной функции, призванной обосновать необходимость защиты системы от внешнего мира и убедить население Северной Кореи в исключительности, особости её пути развития» [Нисневич, Рябов, 2016. С. 167]. Тоталитарное правление в КНДР представляет собой династическую диктатуру семейства Кимов. С 2011 г. должность Высшего руководителя КНДР занимает Ким Чен Ын — сын Ким Чен Ира (1942–2011) и внук основателя династии Ким Ир Сена (1912–1994).

Следует отметить, что у государств рассматриваемого кластера есть общие характерные особенности. Во-первых, во всех государствах этого кластера после провозглашения их независимости на длительное время, как правило, более чем на 20 лет, устанавливалось персоналистское тоталитарное правление, которое впоследствии «смягчилось» до авторитарного, кроме КНДР, где персоналистское тоталитарное правление сохраняется и до настоящего времени.

Во-вторых, в этих странах государственная идеология, изначально — марксистско-ленинская, существенно трансформировалась, прежде всего в экономической сфере, в направлении признания многоукладной рыночной экономики, вхождения в мировое экономическое пространство и участия в мировом рынке продукции, услуг, труда и капитала, но при сохранении идеологического суверенитета и приоритета национальных интересов. Исключение также составляет КНДР, где трансформация государственной идеологии произошла в направлении обособленности и изоляционизма.

В-третьих, во всех рассмотренных государствах фактор религии не имеет никакого практического значения в поле политики, даже в таких государствах, как Лаос, где последователи буддизма составляют абсолютное большинство (66% от всего населения), и Куба, где такое большинство в 59,3% составляют последователи христианских конфессий. При этом среди государств — членов ООН только в КНДР и Китае абсолютное большинство населения, соответственно, 71,3 и 52,2% — неверующие и атеисты, а во Вьетнаме относительное большинство (45,3%) являются сторонниками народных верований.

Фактор религии в авторитарном правлении

При структурировании мира авторитарного правления по признаку религии самый большой кластер, включающий более половины от всех государств с устоявшимся авторитарным правлением, это государства мусульманского мира.

Под мусульманским миром понимается совокупность государств, в которых мусульмане (точнее те, кто относит себя к мусульманам) составляют более 50% населения. Это 45 мусульманских государств — членов ООН (23,3% от всех государств — членов ООН). Их можно разделить на: а) 20 исламских государств, т.е. государств, в которых ислам является государственной религией, исламские порядки и правила определяют жизнь общества и государства и основой законодательства которых служит шариат; б) 19 светских мусульманских государств; в) 6 государств, в которых ислам является государственной религией, но в соответствии с установлениями их конституций эти государства нельзя непосредственно отнести ни к исламским, ни к светским [Нисневич, 2024].

По данным Freedom House*, за 2023 г. 40 (89%) государств мусульманского мира характеризуют устоявшееся авторитарное правление. Это все 20 исламских государств, 15 из 19 светских мусульманских государств (в Индонезии наблюдается неустоявшееся авторитарное правление после авторитарного отката в 2022 г. и ещё 3 светские мусульманские государства — Албания, Сенегал и Сьерра-Леоне относятся к электоральным демократиям), а также 5 из 6 квазиисламских государств — Алжир, Бангладеш, Иордания, Коморские острова и Марокко. В шестом из квазиисламских государств — Тунисе — такое правление, являющееся результатом авторитарного отката в 2022 г., пока нет оснований оценивать как устоявшееся.

Принципиально важным представляется тот факт, что в настоящее время только в трёх государствах (6,7%) из всех государств мусульманского мира имеет место демократическое правление. Это позволяет предположить, что мусульманские государства, и прежде всего исламские, играют значимую и во многом определяющую роль в мире авторитарного правления. Представляется, что такая ситуация обусловлена исламским фактором в различных его проявлениях. При этом, как показывают исследования [Малашенко, Нисневич, 2023], не ислам как мировая религия, а политический ислам, который навязывает обществу развитие исключительно в рамках исламских норм и порядков, и деятельность авторитарных правителей, использующих ислам для сохранения своей власти, создают барьеры на пути распространения демократии в мусульманском мире. В самом общем виде под политическим исламом понимается интерпретация ислама как источника политической идентичности и политических действий, в частности это относится к движениям, которые выступают за преобразование государства и общества в соответствии с принципами ислама [Voll, Sonn, 2009].

Политический ислам в радикальных формах реализован в Афганистане и Иране. В Афганистане в августе 2021 г. была установлена нелегитимная теократическая исламская диктатура радикального движения Талибан (террористическая организация, запрещённая в России) и декларировалось, что формой правления в Афганистане станет исламский эмират. В Иране с 1979 г. правит теократическая исламская диктатура персоналистского типа, возглавляемая с 1989 г. аятоллой Али Хаменеи. В соответствии с Конституцией Ирана в его руках как высшего руководителя (рахбара) сосредоточена и верховная политическая власть, и духовное руководство мусульманской общиной.

Политический ислам в исторической ретроспективе реализуется в исламских государствах с такой «рудиментарной» формой правления, как абсолютная монархия. К таким относятся теократический султанат Бруней Даруссалам, теократическое королевство Саудовская Аравия, эмират Катар, Объединённые арабские эмираты (ОАЭ) и султанат Оман. В этих государствах вся полнота власти принадлежит монарху из правящей династии, который получает её в установленном порядке престолонаследия.

Политический ислам в умеренной форме доминирует в арабских конституционных монархиях. Это Бахрейн и Кувейт, где верховная власть также принадлежит представителю правящей династии и передается в порядке престолонаследия. К этой же группе относится и Малайзия — конституционная парламентарная монархия с теократическим исламским правлением, где главной политической проблемой является напряжённость в межэтнических отношениях, в которых проявляется конфессиональный аспект.

В исламских республиках с авторитарным правлением — Египте, Мавритании и Сирии политический ислам используется инструментально для консолидации общества с целью поддержки правящих политических акторов:

- ▶ в Египте в результате военного переворота 2013 г. и после выборов 2014 г. установилось персоналистское авторитарное правление президента Абделя Фаттаха ас-Сиси, который повторно занял эту должность в 2018 г., а в 2019 г. в конституцию были внесены поправки, позволяющие ему оставаться у власти до 2030 г.;
- ▶ в Мавритании с 1978 г. правит военная хунта, которую периодически сотрясали военные перевороты, приводящие к смещению её высших руководителей. В 2019 г. впервые произошла мирная передача президентской власти генералу Мухаммеду ульд аш-Шейху аль-Газуани;
- ▶ в Сирии с 1971 г. установилось династическое авторитарное правление семейства аль-Асадов. После смерти в 2000 г. президента Хафеза аль-Асада власть перешла к его сыну Башару аль-Асаду, который в 2021 г. в четвёртый раз был избран президентом. В ходе «арабской весны» в 2011 г. в Сирии началась гражданская война между вооружёнными формированиями режима Асада и вооружёнными формированиями различных оппозиционных сил, включая умеренных и радикальных, прежде всего в лице Исламского государства (организация, запрещённая в России), исламистов, а также проживающих в Сирии курдов. С марта 2018 г. по декабрь 2024 г. масштабные боевые действия не велись, но страна распалась на четыре зоны влияния, из которых самую большую по территории контролировал режим Асада. Но в результате обострения конфликта Асад сложил с себя полномочия президента и в декабре 2024 г. покинул страну. Пока преждевременно делать прогноз о дальнейшем развитии событий.

В таких квазиисламских государствах с авторитарным правлением, как арабские конституционные монархии Иордания и Марокко, а также Алжирская Народная Демократическая Республика (Алжир), проявления радикального политического ислама достаточно жёстко подавляются, а умеренная исламская оппозиция под контролем власти интегрирована в поле политики:

- ▶ в Иордании, в которой с 1999 г. правит король Абдалла II ибн Хусейн, основной внутривнутриполитической проблемой остаются взаимоотношения между иорданцами и палестинцами — выходцами с территорий Западного берега реки Иордан и из сектора Газа, включая проживающих в лагерях беженцев палестинцев-неграждан, многие из которых поддерживают радикальный политический ислам в лице радикальной исламистской организации Хамас (организация, запрещённая в России) [Крылов, 2013];
- ▶ в Марокко политическую ситуацию полностью определяют решения и действия правящего с 1999 г. короля Мухаммеда VI бен аль-Хасана. Его политика состоит в том, чтобы «проводить либеральные реформы, направленные на социально-экономическое и культурное развитие страны, не нарушая состояние хрупкого равновесия в обществе между прогрессивными и традиционалистскими силами, а также сохраняя основы легитимности монархического правления» [Егоров, 2018. С. 27];
- ▶ в Алжире в течение 20-ти лет с 1999 г. персоналистское авторитарное правление осуществлял президент Абдель Азиз Бутафлика, который в 2019 г. под давлением массовых акций протеста, поддержанных военными, был вынужден подать в отставку. При президенте Бутафлике так же, как и при его преемнике президенте Абдельмаджиде Теббуне, деятельность всех исламских организаций полностью контролируется государственными ведомствами [Наумкин, Зарипов, Кузнецов, Орлов, 2021. С. 30];

- ▶ в Бангладеш и на Коморских островах политический ислам не оказывает заметного влияния на поле политики, но ислам как государственная религия представляет собой доминирующий социокультурный феномен;
- ▶ в парламентской республике Бангладеш правящей после победы на выборах 2008 г. стала партия «Авами Лиг» во главе с Шейх Хасиной, которая в 2024 г. в четвёртый раз подряд стала премьер-министром⁶. По данным Freedom House*, в Бангладеш в 2017 г. произошёл авторитарный откат, и правящая Авами Лиг укрепила свою политическую власть посредством постоянного преследования оппозиции и тех, кто считается её союзником. В июле 2018 г. в Конституцию Бангладеш парламентом были внесены изменения, и в конце года были проведены досрочные парламентские выборы. В частности, в конституцию был возвращён принцип секуляризма (ст. 12), который точнее определить как принцип политического секуляризма, так как он запрещает «предоставление государством политического статуса какой-либо религии» и «злоупотребление религией в политических целях»;
- ▶ на Коморских островах с 2016 г. президентом является Азали Ассумани, который с целью сохранения за собой после 2021 г. поста союзного президента организовал в 2018 г. проведение референдума по изменению конституции [Турьинская, 2020]. Согласно новой конституции, принцип ротации на посту союзного президента между тремя островами сохраняется, но допускается переизбрание представителя одного из островов на этот пост на второй срок прежде, чем очередь перейдёт к следующему острову. После принятия новой конституции текущий срок президентских полномочий Ассумани «обнулился», и он выиграл сначала досрочные президентские выборы в 2019 г., а затем и выборы в 2024 г. По данным Freedom House* на Коморских островах в 2018 г. произошёл авторитарный откат.

Среди светских мусульманских государств особое место занимает Турция, которую основатель современного турецкого государства Камаль Ататюрк построил как светское государство и которая более 25 лет до 2016 г., когда произошёл авторитарный откат, была электоральной демократией. После прихода к власти в 2002 г. имеющей происламские корни Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом, занявшим пост премьер-министра, усилилась исламизация турецкого общества под контролем государства и начался постепенный рост влияния умеренного политического ислама. В 2017 г. по результатам референдума парламентская форма правления была заменена на президентскую и значительно расширились полномочия президента, пост которого с 2014 г. занимает Эрдоган. Он переизбирался на этот пост в 2018 и в 2023 гг. Президент Эрдоган выстроил авторитарное правление персоналистского типа, инструментально используя умеренный политический ислам в противовес радикальному для подавления политической конкуренции и укрепления своей власти на основе консолидации социальной базы её поддержки.

Светские мусульманские государства с устоявшимся авторитарным правлением можно разделить на две группы: постсоветских мусульманских автократий и постколониальных мусульманских диктатур.

Группу постсоветских мусульманских автократий составляют Азербайджан и все пять государств Центральной Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В этих государствах все механизмы влияния ислама и тем более политического ислама в поле политики полностью заблокированы. Но после распада СССР в них начался процесс возрождения ислама как религии большинства населения, который проявляется в основном в частной жизни как индивидуальный социокультурный феномен. Он вызвал реакцию властей в двух взаимосвязанных направлениях [Нисневич, 2024].

⁶ В августе 2024 г. премьер-министр Шейх Хасина под давлением массовых акций протеста, поддержанных военными, ушла в отставку и покинула страну.

С одной стороны, власти стали интегрировать ислам как национальную культурно-историческую традицию в свой базовый идеологический концепт построения национального государства и формирования национальной идентичности, а с другой — имеет место «секьюритизация»⁷ всех неконтролируемых государством направлений ислама, и прежде всего политического ислама. В целом в постсоветских мусульманских автократиях фактор ислама используется в качестве инструмента расширения и консолидации социальной базы поддержки персоналистского авторитарного правления.

Группу постколониальных мусульманских диктатур составляют Джибути, Гамбия, Гвинея и Чад:

- ▶ в Джибути более 20-ти лет правящей является диктатура президента Исмаила Омара Геллеха, который впервые был избран президентом в 1999 г. в качестве преемника своего дяди Хасана Гуледа Аптидона — первого президента страны. В 2021 г. Геллех был в пятый раз избран президентом;
- ▶ в Гамбии более 20-ти лет (с 1996 по 2017 г.) существовала диктатура президента Яйя Джамме. В 2018 г. после того, как Джамме проиграл президентские выборы и был окончательно отстранён от власти в результате вмешательства Экономического сообщества западноафриканских государств (ввод войск Сенегала и Нигерии), в Гамбии установилось персоналистское авторитарное правление президента Адама Бэрроу, который в 2021 г. был переизбран главой государства;
- ▶ в Гвинее после военного переворота 2008 г. с 2010 г. установилась диктатура президента Альфа Конде. В 2021 г. в результате военного переворота президент Конде был свергнут, и власть перешла к военной хунте во главе с исполняющим обязанности президента полковником Мамади Думбуя;
- ▶ в Чаде в 1990 г. генерал Идрис Деби после вторжения его вооружённых отрядов с территории Судана стал президентом и установил диктаторский режим. В апреле 2021 г. он погиб в столкновении с повстанцами из Фронта перемен и согласия в Чаде, и власть перешла к его сыну — генералу Махамату Идрису Деби.

Во всех этих государствах с персоналистским авторитарным правлением ислам ни в какой форме не имел и не имеет существенного влияния на поле политики.

Кроме того, в кластер мусульманских государств с авторитарными формами правлений входят такие 11 государств, как Буркина Фасо, Ирак, Йемен, Ливия, Ливан, Мали, Мальдивы, Нигер, Пакистан, Сомали и Судан. Там политическая ситуация нестабильна.

Как уже было отмечено, к характерным особенностям государств мусульманского мира можно отнести то, что политический ислам, который противостоит демократическому правлению, в различных его ипостасях от радикального до умеренного реализован в настоящее время в политической практике более чем трети государств мусульманского мира (подробнее см. [Нисневич, 2024]).

Необходимо также отметить, что в мусульманских государствах с устоявшимся авторитарным правлением и стабильной политической ситуацией такое правление имеет персоналистский характер личной власти главы государства за исключением Афганистана и Мавритании, где авторитарное правление носит корпоративный характер — в Афганистане правит радикальное исламское движение Талибан (террористическая организация, запрещённая в России), а в Мавритании военная хунта.

Вторым по количеству государств с устоявшимся авторитарным правлением является кластер государств, в которых абсолютное большинство населения составляют последователи различных христианских конфессий (точнее те, кто относят себя к христианским

⁷ Секьюритизация — это перевод той или иной проблемы в вопрос безопасности с целью легитимизации чрезвычайных мер по отношению к ней [Жужгин, 2023].

конфессиям) за исключением входящей в рассмотренный ранее кластер коммунистических государств Кубы. Этот кластер, по данным Freedom House* за 2023 г. включает 22 (17,6%) из 125 государств — членов ООН, в которых последователи христианских конфессий составляют более 50% населения.

Условно, по аналогии с мусульманским миром, можно считать, что эти 125 государств (две трети от всех государств — членов ООН) составляют христианский мир. При этом следует отметить, что в христианский мир, помимо 23 государств с устоявшимся авторитарным правлением, входят ещё 7 государств (Бенин, Босния и Герцеговина, Гватемала, Папуа — Новая Гвинея, Сербия, Танзания и Замбия), где пока нет оснований оценивать авторитарное правление в качестве устоявшегося результата авторитарного отката. Сравнивая христианский мир с мусульманским, можно предположить, что христианский мир в существенно меньшей мере представляет собой «питательную среду» и склонен к авторитаризму, чем мир мусульманский, в предложенном институциональном понимании этих миров.

Характерная особенность рассматриваемого кластера состоит в том, что все входящие в него государства — это светские государства с политически стабильным авторитарным правлением, осуществляемым в форме режима личной власти главы государства в должности президента. Исключение составляют Эфиопия, которая по конституции 1987 г. является парламентской республикой, и единственная в этом кластере конституционная монархия — королевство Эсватини (до 2018 г. королевство Свазиленд).

В Эфиопии после свержения в 1991 г. в результате военного переворота диктатуры президента Менгисту Хайле Мариам установилось корпоративное авторитарное правление Революционно-демократического фронта эфиопских народов, который в 2019 г. был преобразован в Партию процветания. В королевстве Эсватини после обретения независимости в 1968 г. вплоть до своей смерти в 1982 г. правил король Собуза II, а с 1986 г. правит его сын король Мсвати III.

Ядром кластера государств христианского мира с устоявшимся авторитарным правлением служат 11 постколониальных африканских диктатур, в которых авторитарное правление в форме диктатуры президента установилось либо сразу после обретения независимости, либо в ходе или по окончании гражданской войны:

- ▶ в Анголе ещё до окончания гражданской войны, которая началась сразу же после обретения независимости в 1975 г., после смерти в 1979 г. первого президента Агостиньо Нето, президентом стал Жозе Эдуарду душ Сантуш, который установил диктатуру и правил 38 лет. В 2017 г. его сменил Жуан Лоренсу, который в конце 2016 г. был объявлен официальным преемником и, став президентом, сохранил стиль авторитарного правления своего предшественника;
- ▶ в Бурунди после окончания в 2005 г. гражданской войны, в которую вылился многолетний конфликт между народностями хуту и тутси, президентом был избран Пьер Нкурунзиза, установивший диктатуру и правивший до своей смерти в 2020 г. Затем президентом был избран его официальный преемник Эварист Ндайишимие, сохранивший авторитарный стиль правления;
- ▶ в Габоне после смерти в 2009 г. президента Омара Бинго Одимбы установилась, по сути, династическая диктатура — президентом стал его сын Али Бонго Одимба. После того, как в 2023 г. он был переизбран на четвёртый президентский срок, произошёл военный переворот, и к власти пришла военная хунта во главе с генералом Брисом Олиги, который был приведён к присяге в качестве президента переходного периода;
- ▶ в Зимбабве после обретения независимости в 1980 г. премьер-министром стал Роберт Мугабе, который установил диктаторский режим правления. После внесения в 1987 г. изменений в конституцию он стал президентом и продолжал пра-

вить до 2017 г., в шестой раз избравшись президентом в 2013 г. В ноябре 2017 г. в результате военного переворота Мугабе был отстранён от власти, и президентом стал первый вице-президент Эммерсон Мнангава;

- ▶ в Камеруне после обретения им в 1960 г. независимости президентом был избран Ахмаду Ахиджо, который правил более 20-ти лет до своей отставки по состоянию здоровья в 1982 г. Затем президентом стал вице-президент Поль Бийя, сохранивший диктаторский стиль правления своего предшественника и правящий уже более 40 лет, в шестой раз переизбравшись президентом в 2018 г.;
- ▶ в Республике Конго на фоне начавшейся в июне 1997 г. гражданской войны, известной как «Война 5 июня», Дени Сассу-Нгессо, получив поддержку ангольских войск, в октябре 1997 г. был во второй раз в своей политической карьере объявлен президентом и установил диктатуру. В 2021 г. он был в четвёртый раз переизбран президентом;
- ▶ в Демократической Республике Конго в 2001 г. в ходе Второй конголезской войны был убит президент Лоран-Дезире Кабила и место президента занял его сын Жозеф Кабила, сохранивший диктаторский режим правления отца. По окончании срока своих президентских полномочий в 2016 г. Кабила решил не нарушать конституцию и не баллотироваться на третий срок, но перед перенесёнными на 2018 г. президентскими выборами он провёл закрытые переговоры с главным оппозиционером Феликсом Чисекеди, который в результате победил на этих выборах. При этом результаты выборов 2018 г. вызвали множество сомнений в их достоверности;
- ▶ в Руанде после окончания гражданской войны и прекращения геноцида тутси в 1994 г. президентом стал «умеренный хуту» Пастёр Бизимунгу, который был вынужден уйти в отставку в 2000 г. из-за разногласий с вице-президентом и министром обороны Полем Кагаме. В 2000 г. Поль Кагаме был избран президентом, установил диктатуру и правит до настоящего времени, в четвёртый раз избравшись президентом в 2017 г.;
- ▶ в Уганде после завершения в 1986 г. гражданской войны, известной как «Война в кустах», президентом стал Йовери Мусевени, который установил диктатуру и правит до настоящего времени, в шестой раз избравшись президентом в 2021 г.;
- ▶ в Экваториальной Гвинее после обретения независимости в 1968 г. первым президентом был избран Франсиско Масиас Нгема Бийого, который в 1972 г. был объявлен пожизненным президентом. Однако в 1979 г. в результате военного переворота, возглавленного его племянником Теодоро Обианга Нгема Мбасого, он был отстранён от власти и расстрелян. Теодоро Обианг Нгема Мбасого, став президентом, сохранил диктаторский стиль правления и правит уже более 40 лет, переизбравшись в шестой раз президентом в 2022 г.;
- ▶ в Эритрее после обретения независимости в 1993 г. установилась диктатура президента Исаяяса Афеверки, который после принятия в 1997 г. конституции отменил выборы президента и Национального собрания.

Кластер государств христианского мира с устоявшимся авторитарным правлением включает также группу из пяти государств, в которых действующий президент, заняв свой пост в результате в должной мере свободных и конкурентных выборов, начал выстраивать режим личной власти. Это неизбежно привело к авторитарному откату и впоследствии к формированию персоналистского правления в формате режима доминирующей власти, как, например, в Венесуэле, Гондурасе и Никарагуа [*Carothers, 2002. Pp. 11–12*]:

- ▶ в Венесуэле по результатам выборов 1998 г. президентом стал Уго Чавес, который сформировал неоавторитарный режим личной власти, что, по мнению Freedom House*, привело к авторитарному откату в 2007 г. После смерти Чавеса в 2013 г.

президентом был избран Николас Мадуро, назначенный Чавесом своим преемником. Он был переизбран президентом на досрочных выборах в 2018 г., а затем на президентских выборах в 2024 г.;

- ▶ в Гондурасе по результатам выборов 2013 г. президентом был избран Хуан Орландо Эрнандес, который сформировал неоавторитарный режим личной власти, что привело к авторитарному откату в 2015 г. В 2017 г. после внесения изменений в конституцию, позволяющих повторно избраться действующему главе государства, Эрнандес был переизбран президентом, но по истечении срока президентских полномочий в 2022 г. ушёл в отставку. По результатам президентских выборов 2021 г. президентом была избрана Сиомара Кастро, жена бывшего президента Мануэля Селайю, свергнутого в результате государственного переворота в 2009 г.;
- ▶ в Никарагуа по результатам выборов 2006 г. президентом во второй раз в своей политической карьере стал Даниель Ортега, который сформировал неоавторитарный режим личной власти, что привело к авторитарному откату в 2011 г. После того, как в 2009 г. Верховный Суд Никарагуа отменил положения конституции, запрещающие баллотироваться на второй президентский срок подряд, Ортега в 2021 г. был в четвёртый раз подряд избран президентом.

Рассматриваемый кластер включает также четыре государства — Гаити, Мозамбик, Центральноафриканская республика и Южный Судан, где политическая ситуация является нестабильной.

В мире авторитарного правления по признаку религий можно выделить третий кластер государств, в которых более 50% населения составляют последователи третьей мировой религии — буддизма. В этот кластер за исключением входящего в рассмотренный ранее кластер коммунистических государств Лаоса входят три государства Юго-Восточной Азии — два королевства: Камбоджа (96,9% тех, кто относит себя к буддистам) и Таиланд (93,2), также Мьянма (80,1%):

- ▶ в Камбодже в 1993 г. была восстановлена монархия как выборная конституционная монархия, в которой король избирается Советом короны и в соответствии со статьей 7 конституции «царствует, но не правит». В 1997 г. премьер-министр Хун Сен, занимавший этот пост с 1985 г., ещё в Народной Республике Кампучия, совершил государственный переворот и установил режим личной власти. Он правил до 2023 г., когда передал должность премьер-министра своему сыну Хун Манету;
- ▶ в Таиланде — конституционной монархии с 1932 — в 2014 г. произошёл военный переворот и было установлено корпоративное авторитарное правление военной хунты в формате Национального совета по поддержанию мира и порядка во главе с генералом Прают Чан-Оча, назначенным премьер-министром. После вступления в действие в 2017 г. новой конституции и парламентских выборов 2019 г. хунта прекратила своё существование, но Прают Чан-Оча сохранил должность премьер-министра и фактическое правление военных продолжалось до парламентских выборов 2023 г.;
- ▶ в Мьянме с 1988 г. после военного переворота установилось корпоративное авторитарное правление военной хунты в форме Государственного совета по восстановлению законности и порядка. В 1997 г. он был преобразован в Государственный совет мира и развития (ГСМР). В 2008 г. была принята новая конституция, в соответствии с которой четверть мест в обеих палатах парламента резервировалась за военными. В 2010 г. были проведены выборы в парламент, после которых члены ГСМР подали в отставку. Но после выборов 2021 г. произошёл новый военный переворот, и власть опять перешла к военной хунте в форме

Государственного административного совета, главой которого стал старший генерал Мин Аун Хлайн.

Следует отметить, что среди государств — членов ООН есть и государства, в которых абсолютное большинство населения составляют последователи буддизма. Это такие демократические государства, как королевство Бутан (74,7%), Шри-Ланка (69,3) и Монголия (55,1%).

Также следует отметить, что среди государств — членов ООН встречаются государства, в которых последователи одной религии составляют абсолютное большинство населения. Это такие демократические государства, как Израиль, где последователи иудаизма составляют 75,6% населения, и Индия с господством последователей индуизма — 79,5% населения.

При структурировании мира авторитарного правления по признаку религии также можно выделить кластер из пяти государств, где последователи ни одной из исповедуемых населением религий не составляют абсолютное большинство. Это:

- ▶ Кот-д'Ивуар, в котором после президентских выборов 2010 г. разразился острый политический кризис, вылившийся в гражданскую войну. В 2011 г. в ситуацию вмешались вооружённые силы Франции и миротворческий контингент ООН, война была остановлена и президентом стал Алассан Уаттара. Он установил персоналистское авторитарное правление и правит до настоящего времени;
- ▶ Нигерия, где по результатам президентских выборов 2015 г. президентом стал Мохаммаду Бухари. Он стал формировать режим личной власти, что привело к авторитарному откату в 2017 г. Президент Бухари в соответствии с конституцией правил до 2023 г., когда президентом был избран Бола Тинубу, являющийся представителем той же партии Всеобщий прогрессивный конгресс, что и Мохаммаду Бухари;
- ▶ Сингапур, который в 1965 г. вышел из Малайской Федерации. С 1959 г. в должности премьер-министра правил «бархатный диктатор» Ли Куан Ю, установивший режим личной власти. В 1990 г. он сложил полномочия премьер-министра. Но фактически оставался лидером государства в должности старшего министра в правительстве своего ставленника Го Чок Тонга с 1990 по 2004 г., а затем в должности министра-наставника в 2004–2011 гг. в правительстве своего сына Ли Сяньлуна, которому окончательно передал власть только в 2011 г.;
- ▶ Того, где в 1967 г. в результате военного переворота президентом стал Гнассингбе Эйадема, который установил диктатуру и правил 38 лет до своей смерти в 2005 г. Затем при поддержке военных президентом стал его сын Фор Гнассингбе, сохранивший диктаторский стиль правления отца и в 2020 г. в третий раз переизбранный президентом.

В этот кластер входит также Гвинея-Бисау, в которой политическая ситуация является нестабильной.

Следует отметить, что среди государств — членов ООН есть ещё два государства, в которых по опросам населения последователи ни одной из религий также не составляют абсолютное большинство. Это такие демократические государства, как Чехия и Эстония.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Арабаджян А.З. (2021). Эволюция политико-идеологических основ кубинского социализма и её отражение в конституциях страны [Arabadzhjan A.Z. (2021). The evolution of the political and ideological foundations of Cuban socialism and its reflection in the country's constitutions] // *Латинская Америка*. № 11. С. 48–62. DOI 10.31857/S0044748X0017111-1.
- Балканский А. (2011). *Ким Ир Сен* [Balkanskij A. (2011). Kim Il Sung]. — М.: Молодая гвардия.
- Бердяев Н.А. (1990). *Истоки и смысл русского коммунизма* [Berdjaev N.A. (1990). Origins and meaning of Russian communism]. — М.: Наука.
- Егоров И.С. (2018). Специфика формирования личности Мухаммеда VI как современного лидера и реформатора Марокко [Egorov I.S. (2018). Specifics of the formation of the personality of Muhammad VI as a modern leader and reformer of Morocco] // *Политика и Общество*. №11. С. 19–28. DOI: 10.7256/2454-0684.2018.11.23941.
- Жужгин И. (2023). Концепция. Секьюритизация [Zhuzhgin Ivan (2023). Concept. Securitization] // *Новый оборонный заказ. Стратегии*. №4(81). URL: <https://dfnc.ru/sci/kontseptsiya-sekyuritizatsiya/> (дата обращения: 10.12.2024).
- Ирхин Ю.В. (2012). Институционализм и неоинституционализм: направления и возможности анализа [Irhin Ju. V. (2012). Institutionalism and neo-institutionalism: directions and possibilities of analysis] // *Социально-гуманитарные знания*. №1. С. 58–77.
- Крылов А.В. (2013). Особенности демократических реформ в Иордании [Krylov A.V. (2013). Features of democratic reforms in Jordan] // *Вестник МГИМО-Университета*. №2(29). С. 113–119. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-2-29-113-119.
- Ледяев В.Г. (2023). Авторитаризм [Ledjaev V.G. (2023).] // *Большая российская энциклопедия*. URL: <https://bigenc.ru/c/avtoritarizm-7cf0b0> (дата обращения: 10.12.2024).
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А. (2023). О перспективах демократии в мусульманском мире [Malashenko A.V., Nisnevich Yu.A. (2023). On the prospects of democracy in the Muslim world] // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 67. № 8. С. 95–109. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-8-95-109.
- Наумкин В.В., Зарипов И.А., Кузнецов В.А., Орлов В.В. (2021). Стратегии выстраивания отношений между государством и исламом в России и арабском мире. [Naumkin V.V., Zaripov I.A., Kuznecov V.A., Orlov V.V. (2021). Strategies for building relations between the state and Islam in Russia and the Arab world] // *Minbar Islamic Studies*. №14(1). С. 13–49.
- Нгуен Нгок Ха (2019). Новые взгляды Коммунистической партии Вьетнама на общество [Nguyen Ngok Ha (2019). The Vietnamese Communist Party's New Vision for Society] // *Вьетнамские исследования*. Серия 2. №2. С. 19–28. DOI: 10.24411/2618-9453-2019-10012.
- Нисневич Ю.А. (2011). Современные методы политических исследований [Nisnevich Ju.A. (2011). Modern methods of political research] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Политология*. №2. С. 5–16. URL: <https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/8863>
- Нисневич Ю.А. (2024). Политический ислам в мусульманском мире [Nisnevich Ju.A. (2024). Political Islam in the Muslim world] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 121–141. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_121_141.
- Нисневич Ю.А., Рябов А.В. (2016). Современный авторитаризм и политическая идеология [Nisnevich Ju.A., Rjabov A.V. (2016). Modern authoritarianism and political ideology] // *Полис. Политические исследования*. №4. С. 162–181. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13.
- Сенгпхакхан Ватханувонг (2013). Лаос на пути обновления [Sengphakhan Vathanuvong (2013). Laos on the path of renewal] // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. №20. С. 233–239.
- Турьинская Х.М. (2020). Парламентские выборы 2020 г. на Коморах: федерализм и централизация [Tur'inskaja H.M. (2020). 2020 parliamentary elections in Comoros: federalism and centralization] // *Актуальный комментарий*. Институт Африки РАН. URL: <https://www.inafran.ru/node/2190> (дата обращения: 10.12.2024).
- Шестов Н. И. (2019). «Исторический метод» современного политического исследования: проблемы интерпретации [Shestov N. I. (2019). The “Historical method” of modern political research: problems of interpretation] // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 19. Вып.1. С. 87–92. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-1-87-9.
- Шумпетер Й. (1995). *Капитализм, социализм и демократия* [Schumpeter J. (1995). Capitalism, socialism and democracy]. — М.: Экономика.
- Carothers T. (2002). The End of the Transition Paradigm. // *Journal of Democracy*. Vol. 13. №1. P. 5–21.

Нисневич Юлий Анатольевич

jnisnevich@hse.ru

Yuliy A. Nisnevich

Doctor of Political Sciences, professor of Department Policy and Management National Research University Higher School of Economics (Moscow)

jnisnevich@hse.ru

THE WORLD OF AUTHORITARIAN RULE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY (Part I)

Abstract. The article is devoted to the study of the world of authoritarian rule in the institutional paradigm. The structuring of this world according to a number of features is presented. The first part of the article examines the structuring of the authoritarian world according to religion. It distinguishes clusters of Muslim, Christian and Buddhist states, as well as a cluster of states in which followers of none of the religions constitute an absolute majority. It is shown how the features of religion of different clusters influence the specifics of authoritarian rule. Thus, out of 45 Muslim states — members of the UN, 40 are countries with authoritarian rule. In the Christian world, the picture is different: out of 125 Christian states — members of the UN, only 23 are characterized by stable authoritarian rule, and in another 7 it was the result of authoritarian rollback and cannot yet be considered stable. Comparing the Christian world with the Muslim world, it can be assumed that the Christian world is a much lesser “nutrient medium” and inclined to authoritarian rule than the Muslim world, in the proposed institutional understanding of these worlds. The features of authoritarian rule are shown in states, more than 50% of the population of which are followers of the third world religion — Buddhism. The communist cluster is also distinguished, in the states of which parties adhering to communist ideology in its various interpretations rule. In the second part of the article, the states of the world of authoritarian rule are structured according to the regional, geographical principle; the factor of instability in the authoritarian world is analyzed; problems associated with the aging of authoritarian leaders, the phenomenon of the “autumn of the patriarchs” are shown. Key words: authoritarian rule, the world of authoritarianism, world religions, states of the Muslim world, states of the Christian world, states of the Buddhist world, states without a dominant religion, states of communist ideology.

Keywords: *authoritarian rule, the world of authoritarianism, world religions, states of the Muslim world, states of the Christian world, states of the Buddhist world, states without a dominant religion, states of communist ideology.*

JEL: F02, F50, F54

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Е. Тихонова

д.соц.н., профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

ЖИЗНЕННЫЙ УСПЕХ: ЧТО ОН ОЗНАЧАЕТ ДЛЯ РОССИЯН?

Аннотация. В статье на данных опросов Института социологии ФНИСЦ РАН за 2000–2024 гг. показано, что россияне сейчас гораздо реже воспринимают себя как добившихся в жизни успеха людей, чем в 2000-х гг. Продемонстрировано также, что у представителей массовых слоёв есть чёткие нормативные представления о критериях жизненного успеха. Эти представления довольно устойчивы и включают в себя прежде всего финансовое благополучие, семью и детей, хорошую работу, здоровье, а также возможности для самореализации. Однако, хотя сам этот набор остаётся на протяжении последних десятилетий неизменным, место отдельных критериев жизненного успеха в соответствующем рейтинге с годами меняется. Самые сильные изменения связаны с сокращением упоминаемости в их числе семьи и детей на фоне роста показателей хорошей работы и финансового благополучия. При этом сравнительная значимость отдельных составляющих жизненного успеха в разных социальных группах заметно дифференцирована.

В статье приводятся также данные о том, с чем представители массовых слоёв, судя по результатам корреляционного и содержательного анализа, на самом деле (а не только на уровне нормативных суждений) ассоциируют жизненный успех. Показано, что восприятие многих характеристик жизни как свидетельств достижения жизненного успеха связано как со значимостью соответствующих благ в системе ценностей граждан страны, так и с дефицитностью их в массовых слоях населения. В итоге сильнее всего влияют сейчас на ощущение себя успешным человеком две группы факторов. Это, во-первых, показатели, прямо отражающие место человека в системе социальных неравенств (от положения в социальной иерархии до степени социальной защищённости от разного рода рисков). А во-вторых, косвенно отражающие это место показатели индивидуальных возможностей (от возможностей самореализации до различных характеристик потребления). При этом семья и дети, а также здоровье, для ощущения себя успешным человеком намного менее важны.

Сделан вывод, что падение реальной значимости семьи и детей в критериях жизненного успеха, как и сравнительно небольшая значимость в их числе здоровья, связаны с их обратной зависимостью от значимости ключевых, реально определяющих чувство собственной успешности достижений. Это требует корректировки государственной социальной политики со смещением акцентов с монетарных форм помощи населению на формы помощи, обеспечивающие более эффективное совмещение россиянами различных социальных ролей.

Ключевые слова: *жизненный успех, жизненные цели, нормы, ценности, жизненные устремления, благополучие, субъективное благополучие, семья.*

JEL: I31, I38, O15, Z13

УДК: 316.6, 316.35, 316.37, 330.161

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_93_112

© Н.Е. Тихонова, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Тихонова Н.Е.* Жизненный успех: что он означает для россиян? // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 93–112. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_93_112.

FOR CITATION: *Tikhonova N.* Life Success: What Does It Mean for Russians? // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 93–112. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_93_112.

Последние десятилетия характеризуются резким ростом интереса исследователей всего мира к проблеме субъективного восприятия людьми реальности в целом и субъективного благополучия (subjective well-being) в особенности. Учитывая, что именно субъективная картина мира, существующая «в голове» человека, и определяет его социальные действия (от электорального поведения и протестной активности до репродуктивных стратегий и поведения на рынке труда), это не удивительно. Важнейшими компонентами этой субъективной картины мира выступают представления о жизненном успехе — его критериях (маркерах), возможностях достижения включаемых в него личных целей, самоидентификации как человека, добившегося в жизни успеха, и т.д.

Однако при всей важности этой части субъективной картины мира для оценки не только степени благополучия отдельных социальных групп, но и успешности государственной социальной политики или понимания сдвигов в ценностных системах россиян и особенностях мотиваций их поведения, собственно анализу представлений граждан нашей страны о жизненном успехе и динамике этих представлений посвящено на удивление мало работ¹. Пока эта проблематика остаётся, фактически, «на периферии» исследований субъективного благополучия. Более того — почти все посвящённые соответствующим сюжетам работы социологического профиля имеют своим предметом представления о жизненном успехе лишь отдельных социальных групп, прежде всего молодёжи (см., например: [Горшков, Шереги, 2010; Маршак, Рожкова, 2015; Седова, 2019] и др.). Встречаются, впрочем, и отдельные работы, посвящённые представлениям о жизненном успехе жителей конкретных субъектов Федерации [Реутов, Реутова, Шавырина, 2020; Мареева, 2018], работающего населения страны [Темницкий, 2018], отдельных профессиональных групп [Тихонова, 2023] или определённых поколений [Ростовская, Князькова, 2020]. К числу редких исключений, когда предпринимается попытка охарактеризовать ситуацию с восприятием жизненного успеха у российского населения в целом, относятся единичные работы [Горшков, Седова, 2015; Зобов, Келасьев, 2013], при этом последняя из них вышла 10 лет назад.

В то же время в условиях более чем существенных изменений в жизни российского общества за последние десятилетия можно ожидать достаточно серьёзных изменений в этой области. Именно поэтому предметом данной статьи стали современные представления россиян о жизненном успехе и их динамика с 2000-х гг., а её целью — определение того, что лежит в основе восприятия себя как успешного человека представителями массовых слоёв населения нашей страны, а также какие сдвиги произошли в данной области за последние десятилетия.

Основной эмпирической базой исследования выступили данные 15-й и 16-й волн Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН (апрель и октябрь 2024 г.). На первой ступени формирования выборки этого Мониторинга районирование осуществляется по Федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого Федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных рассчитываются квоты по типам поселений. На четвёртой ступени, также на основе данных ФСГС РФ, определяются квоты по социально-профессиональной принадлежности и полу, а также возрастные пропорции. В период с 2019 г. выборка Мониторинга, репрезентирующая население страны от 18 лет и старше, составляла 2000 человек. Наряду с данными 15-й и 16-й волн Мониторинга были использованы данные его 11-й волны (сентябрь 2020 г.), а также данные опросов «Россияне о судьбах России в XX-м веке и своих надеждах на XXI-й век» (март 2000 г., $N = 1776$) и «Городской

¹ Так, согласно РИНЦ, по состоянию на конец 2024 г. было около 180 публикаций, где понятие «жизненный успех» входило в число ключевых слов, причём значительную их часть составляли работы о том, как достичь жизненного успеха. В журналах же из ядра РИНЦ за 2001–2024 гг. было опубликовано лишь 20 статей, где это понятие входило в список ключевых слов, и только в половине из них оно упоминалось в названии.

средний класс в современной России» (октябрь 2006 г., N=1750). Выборка тематических исследований строилась по тем же принципам, что и в Мониторинге ИС ФНИСЦ РАН, только вместо федеральных округов на первой ступени расчета выборки использовались территориально-экономические районы согласно их классификации ФСГС РФ. Кроме того, в выборку опроса по среднему классу не вошли жители населённых пунктов, расположенных в сельской местности (т.е. поселки городского типа и сёла), и лица старше 65 лет.

При работе с эмпирическими данными использовались корреляционный, факторный, динамический и сравнительный анализ, а также анализ таблиц сопряжённости в программе SPSS Statistics.

Оценки россиянами критериев жизненного успеха

Как показал проведённый анализ, у россиян есть чёткие представления о том, что свидетельствует о жизненном успехе человека. При этом данные представления мало чувствительны к формулировкам соответствующего вопроса: хотя в исследованиях ИС ФНИСЦ РАН разных лет соответствующий вопрос задавался в различных формулировках, но в число лидеров всегда попадали семья и дети, финансовое благополучие, хорошая работа и здоровье. В последние годы в число лидеров вошла и самореализация.

Часть маркеров жизненного успеха имеет универсальный характер (табл. 1). Например, даже в разных возрастных группах (а возраст является наиболее значимым дифференцирующим фактором для понимания критериев успешности) разница в упоминаемости хорошего образования или важных связей как критериев жизненного успеха не превышали осенью 2024 г. величины статистической погрешности. Взгляды же на роль других критериев (например, возможность жить в справедливом и разумно устроенном обществе или следовать собственным принципам и ценностям) различаются чуть более заметно. Однако примерно в отношении трети составляющих жизненного успеха взгляды представителей отдельных социальных групп различаются довольно сильно, хотя и в этом случае различия в их взглядах всё же не носят качественного характера. Это говорит о наличии консенсуса в отношении критериев жизненного успеха у представителей всех массовых социальных групп. Так, если в возрастной группе до 30 лет возможности для самореализации как критерий жизненного успеха называли в октябре 2024 г. 45,9%, то у россиян старше 60 лет упоминаемость этого критерия падала до 26,2% (табл. 1). Разрыв почти в 20 п.п. характерен и для отношения к этой составляющей жизненного успеха представителей полярных доходных групп — если у членов домохозяйств со среднедушевыми доходами до 0,75 от медианных в их типах поселений самореализация выступала в 2024 г. составляющей жизненного успеха для 26,2%, то среди представителей домохозяйств с доходами от 2 медиан таких было 41,8%. Велик этот разрыв и у тех, кто получил высшее образование (для 41,4% из них возможность самореализации выступала одной из важнейших составляющих жизненного успеха), и у россиян без профессионального образования, среди которых о ней упоминали в этом контексте осенью 2024 г. лишь 23,3%.

Сильно дифференцирована и значимость в представлениях разных социальных групп о жизненном успехе таких его критериев, как семья и дети. Причём эта его составляющая обратна самореализации — по мере увеличения возраста она плавно растёт с 42,1% для молодёжи до 25 лет до 47,4% у тех, кто преодолел рубеж в 65 лет.

Доходы для оценки значимости семьи и детей как критерия жизненного успеха имеют относительно меньшее значение, и разрыв во взглядах даже полярных групп на этот вопрос составляет всего несколько процентных пунктов. При этом для лиц с высшим образованием и без профессионального образования, а также с разным профессиональным статусом разрыв во взглядах на роль семьи и детей в качестве критерия жизненного успеха составляет порядка 15 п. п. Любопытно, что пол влияет на отношение к этому критерию

Таблица 1

Динамика взглядов россиян в целом и представителей разных возрастных групп на ключевые составляющие жизненного успеха, октябрь 2024 г., %* (отгранжевано по россиянам в целом)

Обезличенные нормативные критерии успеха в жизни	18–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	51–60 лет	Старше 60 лет	Россияне в целом
Финансовое благополучие	60,8	63,0	61,2	60,4	51,8	59,3
Хорошая работа и/или свой бизнес*	64,0	62,2	63,6	55,3	49,5	59,0
	(60,7)	(61,2)	(63,8)	(58,0)	(64,1)	(61,6)
Создание семьи, рождение детей	41,9	56,2	54,9	51,0	55,7	52,7
Здоровье	32,3	40,9	39,3	53,3	47,7	42,2
Самореализация, проявление себя	45,9	32,4	37,3	33,3	26,2	34,6
Хорошее образование	27,9	24,6	26,2	25,1	26,0	26,0
Наличие отдельной квартиры, дома	25,0	21,7	24,9	27,8	27,8	25,2
Жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе	16,0	18,8	21,3	22,0	23,4	20,4
Дружба, общение	19,8	16,3	15,4	12,5	15,2	16,0
Признание, уважение со стороны окружающих	9,3	12,5	10,6	14,9	19,5	13,5
Путешествия, новые впечатления	20,9	14,2	9,5	12,2	9,1	12,9
Следование своим идеалам, принципам, ценностям	12,2	10,2	11,3	12,9	16,9	12,7
Помощь детям, внукам устроить свою жизнь, добиться успеха	5,2	6,9	13,7	12,5	19,1	11,7
Карьера, должностной статус**	14,0 (12,0)	11,5 (11,6)	9,3 (9,6)	10,2 (10,7)	9,5 (7,8)	10,8 (10,7)
Возможность быть полезным обществу, людям	8,7	5,8	9,1	11,8	12,1	9,3
Наличие важных знакомств, связей	9,9	10,4	7,4	9,4	7,4	8,8
Возможность жить и работать в любой стране мира	7,3	5,8	4,3	2,0	3,0	4,6
Развлечения и удовольствия	4,9	3,5	2,0	2,7	1,3	2,8
Доступ к информации, свободное общение в социальных сетях	5,2	2,1	2,8	1,6	1,3	2,6
Участие в работе политических, общественных организаций	0,0	0,8	0,0	0,0	0,9	0,4

* Вопрос звучал следующим образом: «Что, по Вашему мнению, в наибольшей степени свидетельствует о жизненном успехе человека?». Допускалось до пяти ответов. Затруднившиеся с ответом здесь и далее на рисунках и в таблицах не указываются. Фоном выделены ячейки, разрыв показателей в которых в сравнении с минимальными показателями по строке (выделенными в таблице жирным шрифтом) превышал 10 п.п.

** Данные в скобках приведены от работающих.

Источник: рассчитано автором по данным 16-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

жизненного успеха намного меньше, чем образование и профессиональный статус — если среди женщин в пять наиболее важных признаков жизненного успеха наличие семьи включали в октябре 2024 г. 55,6%, то среди мужчин — 49,4%. В этой связи стоит отметить, что пол вообще выступает в современной России слабым дифференцирующим признаком. В том, что касается критериев жизненного успеха, разница в упоминаемости тех или иных из них не превышает у мужчин и женщин 6,5 п.п.

Кроме того, в отношении большинства критериев жизненного успеха прослеживается следующая закономерность — чем больше запросы соответствующей социальной группы в определённой области расходятся с её возможностями, тем чаще соответствующая характеристика жизни называется в качестве критерия этого успеха. Так, финансовое благополучие чаще всего упоминали низкодоходные россияне, здоровье — представители старших возрастных групп и т.д.

Дополнительную информацию для понимания глубинного смысла мотиваций россиян и того смысла, который ассоциируется у них с понятием «жизненный успех», добавляют ответы респондентов на вопрос о том, насколько значимы для них лично различные составляющие жизненного успеха, поскольку обезличенные нормативные представления о них, хотя и зависят от личных предпочтений человека, могут всё же не совпадать с ними. Этот вопрос задавался в исследовании ИС ФНИСЦ РАН в 2020 г. При ответе на него респонденты должны были дать каждой характеристике жизни оценку на пятиступенчатой шкале, где «1» соответствовала ответу «не важно» лично для них, а «5» — «очень важно» (табл. 2).

Полученные ответы свидетельствуют о низкой распространённости в массовых слоях населения страны гедонистических установок и высокой личной значимости для них здоровья, финансового благополучия и хорошей работы как достаточно дефицитных благ². Это говорит о том, что российское общество, согласно концепции Р. Инглхарта [*Инглхарт, Вельцель*, 2011], всё ещё относится к «обществам выживания». Доступность же развлечений не просто занимает в глазах россиян последнее место среди критериев жизненного успеха, но и является одной из двух позиций, по которой доля сказавших, что это очень важный для них лично критерий жизненного успеха, оказалась меньше доли тех, кто считал его абсолютно неважным. Второй такой позицией выступало участие в работе политических и общественных организаций (табл. 2), но даже по нему, при всей непопулярности такого участия среди россиян, соответствующее соотношение выглядело лучше, чем по возможностям развлекаться.

Такие важные на нормативном уровне критерии жизненного успеха, как наличие семьи и детей или самореализация, отстали при этом не только от наличия собственного жилья, но и от таких нематериальных благ, как жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе или возможность помогать детям и внукам устроить свою жизнь. Возможно, впрочем, что это связано с тем, что семья не относится к числу дефицитных благ: состоят в браке почти $\frac{2}{3}$ представителей массовых слоев, и 64,3% их даже оценивают отношения в своей семье как хорошие.

Отметим также, что распространённость запроса на переустройство российского общества на основаниях, в большей степени соответствующих национальному культурному коду, чем те, на которых оно строится сейчас, превращение такой возможности в лично значимый критерий жизненного успеха, говорит об остроте восприятия россиянами несправедливости «правил игры» (так называемой «институциональной матрицы»), существующих сегодня в российском обществе. Не останавливаясь здесь на том, что это за основания, отметим лишь, что их контуры прорисовываются по результатам ряда исследова-

² Как хорошее свое здоровье и финансовое положение характеризовали осенью 2020 г. только 25,3 и 10,3%, соответственно, а ситуацию с работой оценивали как хорошую лишь 26,1% имевших работу.

Таблица 2

Оценки россиянами по пятибалльной шкале того, насколько важным лично для них являются различные составляющие жизненного успеха, сентябрь 2020 г., % (отранжировано по среднему баллу)*

Критерии жизненного успеха, значимые лично для них	1 (совсем не важно)	2	3	4	5 (очень важно)	Средний балл
Здоровье	0,1	0,9	3,4	11,6	83,2	4,8
Финансовое благополучие	0,5	0,6	6,0	20,8	71,4	4,6
Хорошая работа и/или свой бизнес**	1,3	1,5	7,7	18,9	70,5	4,6
Наличие отдельной квартиры, дома	3,5	1,8	6,4	17,6	69,3	4,5
Жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе	1,0	1,4	8,2	23,8	65,0	4,5
Помощь детям и внукам устроить свою жизнь, добиться успеха	2,6	2,4	12,0	26,2	54,6	4,3
Дружба, общение	1,3	2,5	12,7	31,3	51,4	4,3
Самореализация, проявление себя	3,8	3,9	16,6	29,0	44,6	4,1
Признание, уважение со стороны окружающих	2,6	3,8	17,8	34,8	39,9	4,1
Следование своим идеалам, принципам, ценностям	3,4	5,2	21,8	33,0	33,8	3,9
Карьера, должностной статус**	5,4	6,3	21,2	31,9	35,2	3,9
Создание семьи, рождение детей	12,1	5,7	14,0	19,8	46,4	3,8
Возможность быть полезным обществу, людям	3,4	8,0	24,6	31,4	30,4	3,8
Хорошее образование	9,0	8,8	18,2	24,8	36,6	3,7
Возможность жить и работать в любой стране мира	11,2	7,8	19,2	19,8	38,4	3,7
Наличие важных знакомств, связей	7,6	9,2	22,9	32,0	26,2	3,6
Доступ к информации, свободное общение в социальных сетях	9,2	8,4	23,2	28,7	28,5	3,6
Путешествия, новые впечатления	12,6	13,2	23,0	24,0	25,6	3,4
Участие в работе политических и общественных организаций	35,9	20,7	19,4	11,5	9,1	2,4
Развлечения и удовольствия	38,0	19,0	18,4	10,2	7,7	2,3

* Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 50%. Жирным шрифтом выделены максимальные значения по строке.

** Данные приведены от работающих.

Источник: рассчитано автором по данным 16-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

дований уже достаточно чётко, в том числе — и у молодёжи, которая в этом отношении довольно близка к представителям других поколений [Молодёжь..., 2023; Седова, 2023; Российское ..., 2024].

В этой связи встаёт и вопрос о том, как часто россиянам удаётся иметь те характеристики, которые рассматриваются ими как признаки жизненного успеха вообще и как

значимые лично для них его составляющие? Выше мы уже упоминали о массовой реализуемости задачи иметь хорошую семью, но из данных, приведённых в табл. 3, видно, что есть и другие жизненные цели, входящие в число критериев жизненного успеха, успешно

Таблица 3

Распространённость реализации некоторых жизненных устремлений россиян, октябрь 2024 г., %* (отгранжевано по распространённости их реализации среди имевших соответствующие стремления)

Жизненные устремления	Уже добились этого	Пока не добились, но считают, что ещё добьются	Хотели бы, но вряд ли добьются	В их планах этого не было
Иметь надёжных друзей	75,1	17,1	5,5	2,1
Честно прожить свою жизнь	67,8	24,9	4,2	2,9
Создать счастливую семью	65,2	24,6	7,7	2,2
Иметь свою отдельную квартиру/дом	64,5	25,8	7,2	2,1
Воспитать хороших детей	53,2	38,2	4,6	3,5
Жить не хуже других	51,8	33,3	11,5	3,1
Получить хорошее образование	50,4	16,3	18,4	14,7
Быть самому себе хозяином	49,2	29,6	14,3	6,8
Иметь интересную работу*	47,3	35,9	14,1	2,7
Стать профессионалом в своем деле*	47,1	39,4	8,0	4,9
Получить престижную работу*	29,3	35,2	26,2	9,0
Иметь много свободного времени и проводить его в своё удовольствие	25,7	40,1	25,5	8,5
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)*	18,9	37,6	17,7	25,4
Хорошо зарабатывать*	17,6	48,4	29,4	4,3
Побывать в разных странах мира	13,5	30,1	32,4	23,7
Иметь собственный бизнес*	6,4	21,0	28,3	44,0
Влиять на то, что происходит в обществе или в том месте, где они проживают	5,1	15,4	23,2	56,1
Иметь доступ к власти	3,0	8,1	12,6	75,8
Занять высокое положение в обществе	2,9	17,5	18,5	60,6
Стать богатым человеком	1,7	26,4	43,2	28,4

* Вопрос звучал следующим образом: «К чему Вы стремились в своей жизни и в каких сферах уже добились желаемого?». Этот вопрос не полностью совпадал с вопросом о критериях жизненного успеха по набору возможных ответов, однако большинство этих критериев нашли отражение и в нём. В таблице приведены не все ответы на данный вопрос, а только те, которые прямо или косвенно корреспондируют с рассмотренными выше критериями жизненного успеха. Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 50%. Жирным шрифтом выделены максимальные значения по строке.

** Данные приведены от работающих.

Источник: рассчитано автором по данным 16-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

реализуемые большинством представителей массовых слоёв. Это обретение надёжных друзей, финансовое благополучие на уровне «жить не хуже других» (что, впрочем, далеко не всегда обеспечивает хорошие оценки своего материального положения, также в прямой зависимости от запросов человека) и наличие собственного жилья. Такого рода цели традиционно³ удаётся реализовать более чем половине представителей массовых слоёв. То же относится и к такой цели, как честно прожить свою жизнь. В то же время с другими критериями жизненного успеха ситуация обстоит не столь благополучно. Так, стать богатым человеком, побывать в разных странах мира, хорошо зарабатывать, иметь престижную работу и т.д. более четверти представителей массовых слоёв даже когда-либо в будущем не надеются, хотя и желали бы этого. Интересна в данном контексте и ситуация с собственным бизнесом, который более четверти россиян иметь не надеются, но хотели бы, и при этом столько же либо уже имеют, либо надеются ещё иметь. Это говорит об очень большой базе для расширения малого бизнеса в России по мере улучшения условий для его развития.

Такова картина нормативных представлений россиян о жизненном успехе, сравнительной значимости лично для них разных его сторон, а также того, сколь велика вероятность реализовать соответствующие жизненные устремления для представителей массовых слоёв.

Говоря о динамике и устойчивости этих представлений, нужно отметить, что с 2000 г. значимость наличия семьи как важной составляющей жизненного успеха в нормативных представлениях о нём заметно сократилась — если четверть века назад её упоминали в этом качестве 64,0% и она была тут однозначным лидером списка маркеров, то осенью 2024 г. её как одну из пяти важнейших составляющих жизненного успеха называли уже лишь около половины россиян. На 20 п.п. сократились за этот период и упоминания в числе основных критериев жизненного успеха наличия друзей, на 14 п.п. — уважения со стороны окружающих. Одновременно более чем на 20 п.п. выросла упоминаемость в этом качестве хорошей работы и финансового благополучия. Таким образом, общий тренд изменений в критериях жизненного успеха очевиден — падает значимость межличностных отношений и растёт значимость монетарной составляющей жизни и работы как средства достижения финансового благополучия. Причём, как свидетельствует не только анализ распространённости специфики представлений о жизненном успехе у разных поколений, но и факторный анализ (метод главных компонент, вращение Варимакс) данных опросов за разные годы, установки на значимость межличностных отношений (прежде всего — наличия семьи и детей) и на значимость хорошей работы и финансового благополучия обратны друг другу.

Реальные факторы ощущения себя успешным человеком

Насколько же представления о критериях жизненного успеха, которые называют россияне, соответствуют тому, чем они реально руководствуются, оценивая свои достижения? Ответить на этот вопрос можно на основе анализа корреляции идентификации себя как человека, добившегося в жизни успеха, и различных характеристик жизни респондентов (в том числе — и их субъективных оценок своего повседневного бытия).

Анализ реальных факторов ощущения себя в современной России успешным человеком для представителей массовых слоёв основывался, соответственно, на проверке нами корреляционных связей различных переменных с утверждениями респондентов, что они

³ Вопрос о реализации жизненных устремлений регулярно задаётся в Мониторинге ИС ФНИСЦ РАН.

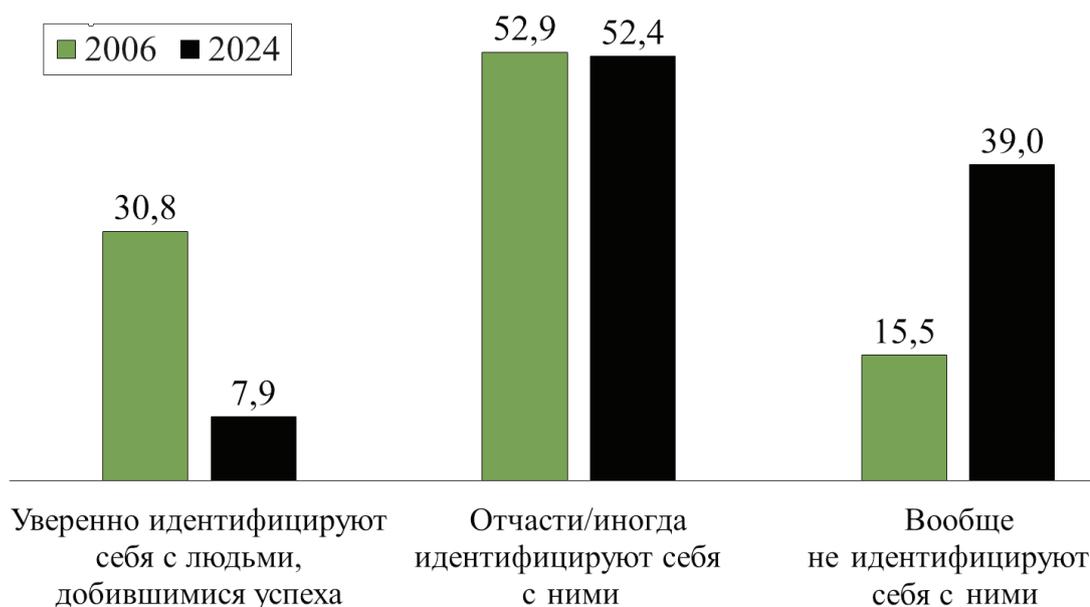

Рис. 1. Динамика самоидентификаций с людьми, добившимися успеха, в городском населении России, октябрь 2006 — апрель 2024 г. (без учёта поселков городского типа), %

Источник: построено автором по данным 15-й и 16-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

относят себя к людям, добившимся успеха⁴, и включал несколько этапов. На первом из них на массиве данных апреля 2024 г. были выделены в отдельную подгруппу те, кто уверенно идентифицировал себя с людьми, добившимися в жизни успеха. Таких весной 2024 г. оказалось сравнительно немного — всего 7,9% от всех россиян, причём среди горожан и жителей сельской местности этот показатель совпадал до десятой доли процента. Вообще не ощущавших близости с добившимися успеха в жизни было при этом в 4,5 раза больше — 37,3%, и у горожан такая «самохарактеристика» встречалась чаще: 39,0 при 33,6% у жителей сельской местности. В то же время в середине 2000-х гг. уверенно характеризовавших себя успешными среди городских жителей было вдвое больше, чем вообще не идентифицировавших себя с успешными людьми (30,8 против 15,5%⁵). Такая инверсия самооценок (рис. 1) говорит об очень болезненной реакции населения страны в целом и жителей городов в особенности на характеризующие современное российское общество избыточные социальные неравенства, выступающая питательной средой для возникновения самых разных негативных социальных чувств.

На втором этапе анализа с помощью программы Chaid⁶, были проверены корреляционные связи между чётко выраженной идентичностью с добившимися в жизни успеха людьми и всеми переменными массива данных. Это позволило выделить наиболее сильные

⁴ Наличие соответствующей самоидентификации замерялось на основе анализа особенностей идентичностей человека, позволяющих оценить, кто для него «Мы». Соответствующий вопрос анкеты звучал следующим образом: «Встречая в своей жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хотя и живут рядом, всегда остаются чужими. Если говорить о Вас, то насколько Вы ощущаете близость с разными группами людей — с теми, о ком Вы могли бы сказать: “Это — Мы”?». Ответы на данный вопрос допускали варианты «в значительной степени», «в некоторой степени» и «не ощущаю близости». Наряду с рядом других групп, своё отношение к которым должен был определить респондент, присутствовала также позиция «С теми, кто добился успеха». Подробнее об идентичностях современных россиян см. [Дудин, Тихонова, 2024; Тихонова, Дудин, 2024].

⁵ Данные исследований «Городской средний класс в современной России». Подробнее см. о нём [Средний класс ..., 2008].

⁶ Алгоритм Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных и основан на показателях хи-квадрата. Обычно он применяется для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации, позволяющих находить сочетания признаков, в наибольшей степени влияющих на целевую переменную. В нашем исследовании использовалась первая функция данной программы.

среди исследуемых связей. Стоит отметить, что таковыми оказались прежде всего связи с особенностями идентификационного блока человека, в первую очередь — с готовностью к принятию устойчивых идентичностей с абстрактными (символическими) общностями, которая свидетельствует о степени «вписанности» человека в социум, его «укоренённости» в нём. Наиболее характерными для ощущающих себя успешными людьми оказались в современной России самоидентификации: 1) с имеющими властный ресурс (в том числе в форме ресурса влияния на происходящее вокруг или ощущения управляемости собственной жизнью); 2) с товарищами по работе и людьми той же профессии или рода занятий; 3) с макрообщностями (всеми людьми на планете, европейцами и гражданами России); 4) с людьми того же материального достатка.

На следующем этапе анализа все переменные, характеризовавшиеся высокими показателями связи с идентичностью с добившимися в жизни успеха людьми, были дополнительно проверены с помощью коэффициента корреляции Спирмена. В целом, что было вполне ожидаемо, результаты этой проверки совпали с тем, что показало применение программы Chaid: наибольшие показатели силы связей также выявились у особенностей идентификационного блока, хотя порядок их оказался чуть иным (табл. 4). Самыми значимыми оказались идентичности с макрообщностями, которые условно можно назвать «территориальными». Причём чем больше эта общность, тем сильнее была выражена соответствующая связь. Немного отставал от готовности к принятию символических идентичностей и властный ресурс во всех его проявлениях. Это демонстрирует чёткую связь в сознании россиян успеха в жизни с доступом к власти, в том числе — и власти над собой (возможности управлять собственной жизнью). Почти не уступали ему по значимости восприятие своего статуса в обществе и наличие возможностей вести определённый образ жизни, причём наибольшее значение для чувства собственной успешности имели немонетарные аспекты образа жизни, связанные с социальной защищённостью, возможностями самореализации и личной безопасностью.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции Спирмена для идентичности с людьми, добившимися в жизни успеха, и рядом других характеристик человека, апрель 2024 г., %*

Характеристики респондентов	Коэффициент корреляции Спирмена
<i>Общие характеристики идентификационного блока и некоторые символические идентичности</i>	
Идентичность со всеми людьми на планете	0,329**
Идентичность с европейцами	0,329**
Идентичность с россиянами, гражданами России	0,286**
Общее число символических идентичностей	0,286**
Идентичность с людьми того же материального достатка, что и у них	0,280**
Идентичность с товарищами по работе, учёбе	0,269**
Идентичность с людьми той же профессии, рода занятий	0,264**
Идентичность с теми, кто живёт в их городе или селе	0,221**
<i>Самооценки доходов и особенностей потребления</i>	
Считают, что им уже удалось реализовать цель хорошо зарабатывать	0,254**
Уже побывали в разных странах мира	0,192**
Самооценки своей материальной обеспеченности	0,190**

Характеристики респондентов	Коэффициент корреляции Спирмена
Самооценки возможностей отдыха в период отпуска	0,174**
Самооценки возможностей проведения досуга	0,168**
Самооценки своих возможностей приобретения одежды и обуви	0,166**
Самооценки своего питания	0,144**
<i>Справочно:</i> Собственный среднемесячный доход относительно его поселенческой медианы	0,120**
Самооценки властного ресурса	
Считают, что им уже удалось реализовать цель иметь возможность влиять на то, как складывается их жизнь	0,232**
Считают, что им уже удалось реализовать цель иметь возможность влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где они живут	0,222**
Самооценки баланса работы и отдыха	0,185**
Считают, что им уже удалось реализовать цель быть самому себе хозяином	0,141**
Самооценки социального статуса	
Самооценки своего положения, статуса в обществе	0,214**
Считают, что им уже удалось реализовать цель получить престижную работу	0,208**
Считают, что им уже удалось реализовать цель занять высокое положение в обществе	0,203**
Считают, что им уже удалось реализовать цель сделать карьеру	0,169**
Самооценки отдельных*** немонетарных сторон жизни	
Уровня социальной защищённости в случае потери работы	0,193**
Возможности получения необходимого образования и знаний	0,188**
Возможности реализовать себя в профессии	0,172**
Уровня личной безопасности	0,168**
Возможности получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	0,155**
Доступности информации о происходящем в стране и мире	0,144**
<i>Справочно:</i> Самооценки состояния здоровья Самооценки отношений в своей семье Профессиональный статус	0,131** 0,115** 0,117**

* Значения коэффициента корреляции Спирмена приводятся по модулю. Фоном выделены значения, превышающие 0,200**. В таблицу были включены как основные только показатели, превышающие 0,140**.

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

*** Для интегральной самооценки своей жизни коэффициент корреляции Спирмена составлял 0,198**. В таблице не приведён и коэффициент корреляции Спирмена для связи чувства собственной успешности и наличия собственного бизнеса (0,171**), поскольку наличие бизнеса (далеко не всегда официально оформленного) отражается и на уровне доходов, и на властном ресурсе, и на престижности деятельности, т.е. также имеет интегральный характер.

Источник: рассчитано автором по данным 15-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

Второе, на что надо обратить внимание при анализе приведённых в табл. 4 данных, это то, что наиболее значимыми факторами уверенного отнесения себя к числу людей, добившихся в жизни успеха, являются для представителей массовых слоёв населения не объективные (доход, профессиональный статус и т.п.) характеристики их жизни, а субъективные. Реальные достижения человека проходят через фильтры его стремлений и запросов и сопоставляются им с распространённостью соответствующих достижений в его окружении. В итоге формируется восприятие собственной жизни и своего места в социальной иерархии. Этим и объясняется то, например, что реальный индивидуальный доход оказывается для самооценки человеком своей успешности намного менее важен, чем соответствие этого дохода собственным запросам. Профессиональный статус и все остальные характеристики занятости (от типа контракта до выполнения работодателем требований трудового законодательства) также оказываются для формирования чувства собственной успешности менее важными, чем субъективные особенности восприятия своей трудовой деятельности и т.д.

Третье, что бросается в глаза при анализе данных табл. 4, это то, что многие характеристики жизни, которые россияне на нормативном уровне относят к критериям жизненного успеха, не попадают в число основных характеристик жизни, связанных с восприятием себя как успешного человека. Это не только наличие семьи и детей, но даже самооценки респондентами своей семьи или детей как хороших, самооценки состояния своего здоровья как хорошего и т.п. В то же время такие нормативные критерии успеха, как финансовое благополучие, путешествия, самореализация, карьера и ряд других, оказываются значимыми и статистически.

Четвёртое, что обращает на себя внимание при анализе данной таблицы, — критерии, подсознательно учитываемые людьми при оценке своей успешности в жизни, теснейшим образом связаны с их местом в системе социальных неравенств, определяющих их место в социальной иерархии в целом [*Общество неравных...*, 2022]. На роль места в системе неравенств для социального статуса человека и его социального самочувствия в современном российском обществе обращалось внимание уже неоднократно (см., например: [*Шкаратан*, 2012; *Тихонова*, 2014] и др.). Однако при этом не фиксировалась связь чувства своей успешности и ключевых немонетарных характеристик этого места, а также не определялся их набор и сравнительная значимость.

Всё это означает, что если отвлечься от готовности к самоидентификации с символическими группами, то, как свидетельствуют данные табл. 4, успешность человека определяется для граждан России сейчас в первую очередь: 1) степенью соответствия их доходов величине, необходимой для обеспечения желаемого образа жизни с точки зрения потребления материальных и нематериальных благ; 2) возможностями самореализации в самом широком смысле слова; 3) наличием властного ресурса во всех его формах, включая ресурс влияния и возможность управлять собственной жизнью; 4) характеристиками жизни, связанными с защищённостью от разных рисков (в том числе и рисков, связанных с потерей работы, угрозами личной безопасности и т.д.); 5) определяющим все эти особенности жизни местом в социальной иерархии.

Следующий этап рассмотрения латентных факторов формирования у россиян чувства успешности своей жизни предполагал анализ того, как именно проявляются соответствующие связи, и подразумевал анализ таблиц сопряжённости признаков. Ниже будут представлены соответствующие данные только для тех из входящих в разные группы факторов характеристик, которые наиболее сильно влияли на формирование у современных россиян чувства успешности своей жизни, поскольку оказалось, что часть из них (в том числе и большинство символических идентичностей) связаны с идентичностью с добившимися в жизни успеха людьми в основном за счёт выбора в обоих случаях отрицательных ответов. Тем не менее идентичности с теми, кто имеет доступ к власти, и с «территориальными» общностями (европейцами и всеми людьми на планете) существенно повышали вероятность уверенного отнесения себя к числу успешных людей (табл. 5).

Таблица 5

Соотношение идентичности с людьми, добившимися в жизни успеха, и идентичностей с имеющими доступ к власти, с европейцами и всеми людьми на планете, апрель 2024 г., %*

Ощущают близость с соответствующей группой	Ощущают близость с соответствующей группой			Разрыв между полярными группами
	в значительной степени	в некоторой степени	не ощущают близости	
<i>С теми, кто находится у власти</i>				
В значительной степени	58,2	8,2	4,2	13,9
В некоторой степени	31,9	83,1	41,6	0,7
Вообще не ощущают близости	9,9	8,8	54,0	0,2
<i>С европейцами</i>				
В значительной степени	32,3	8,4	4,2	7,7
В некоторой степени	45,7	68,0	42,6	1,1
Вообще не ощущают близости	22,0	23,5	53,1	0,4
<i>Со всеми людьми на планете</i>				
В значительной степени	28,5	7,1	4,2	6,8
В некоторой степени	50,5	69,0	42,2	1,2
Вообще не ощущают близости	21,0	23,7	53,6	0,4

* Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 50%, т.е. типичны для соответствующей группы.

Источник: рассчитано автором по данным 15-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

Что же касается связи чувства собственной успешности с материальным благополучием, то, хотя уровень доходов многих относящих себя к добившимся успеха был не очень велик⁷, в среднем он был всё же выше, чем у остальных россиян: медианные индивидуальные и среднедушевые доходы у них составляли весной 2024 г. 45 тыс. и 30 тыс. руб. при 32 тыс. и 25 тыс. руб. у отрицающих соответствующую идентичность. Втрое чаще встречалась у первых и убежденность, что им уже удалось реализовать задачу хорошо зарабатывать (34,2 против 10,6% у вторых), зато для характеризовавшихся негативной идентичностью с успешными людьми была характерна убежденность в том, что им это уже никогда не удастся (48,7 против 10,1%). Соответственно и интегральная оценка своей материальной обеспеченности как хорошей у чувствующих себя успешными россиянами встречалась втрое чаще, чем как плохой⁸ (35,7 против 11,4%), в то время как у полностью отрицающих соответствующую идентичность соотношение этих оценок было обратным (16,1 против 25,3%).

Это, естественно, чаще позволяет им жить в соответствии со своими запросами. Так, большинство их (57,6%) оценивало весной 2024 г. свое питание как хорошее и столько же (57,0%) считали, что они живут не хуже других. Ситуацию с одеждой или возможностями проведения досуга они также обычно (55,1 и 54,4%, соответственно) оценивали как хорошую. Для вообще не идентифицирующих себя с успешными людьми эти показатели составляли весной 2024 г. 33,6%, 45,0, 26,7 и 26,0%, соответственно. Из других особенностей

⁷ Три четверти тех, кто относил себя к добившимся успеха, имели весной 2024 г. индивидуальные доходы не более 1,25 медианных для их типов поселений. Это лишний раз свидетельствует о том, что для россиян успех далеко не всегда связан с финансовым благополучием.

⁸ Допускался также ответ «удовлетворительная».

их потребительского поведения стоит упомянуть то, что каждый пятый чувствующий себя успешным представитель массовых слоёв (при 8,7% у вообще не идентифицировавших себя с успешными людьми) уже побывал в других странах мира, а также то, что почти 40% из них (при 17,4% характеризовавшихся негативной идентичностью с успешными людьми) хорошо оценивали свои возможности для проведения отпуска. Таким образом, возможность поддерживать тот образ жизни, который соответствует запросам человека, заметно влияет на ощущение им своей успешности.

Кроме того, как продемонстрировал анализ таблиц сопряжённости признаков, наличие у человека властного ресурса во всех его формах, а также возможностей для самореализации тоже влияет на ощущение себя успешным (табл. 6).

Ещё одной важной и уже неоднократно упоминавшейся выше группой факторов, влияющих на ощущение успешности собственной жизни, являются особенности восприятия индивидом собственного социального статуса (места в социальной иерархии) (табл. 7).

Таблица 6

Соотношение идентичности с людьми, добившимися в жизни успеха, и возможностями самореализации или властным ресурсом, апрель 2024 г., %* (отранжировано по показателям разрыва между полярными группами)

Характеристики жизни и её субъективного восприятия	Ощущают близость с добившимися успеха			Разрыв между полярными группами
	в значительной степени	в некоторой степени	не ощущают близости	
<i>Характеристики властного ресурса</i>				
Идентичность с теми, кто имеет доступ к власти	33,5	2,7	1,2	27,9
Считают, что они имеют возможность влиять на то, как складывается их жизнь	10,8	6,2	2,8	3,9
Считают, что они имеют возможность влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где они живут	46,8	25,3	13,8	3,4
Самооценка баланса работы и отдыха как хорошего	34,8	24,9	15,8	2,2
Считают, что им уже удалось реализовать цель быть самому себе хозяином	54,4	52,6	42,0	1,3
<i>Возможности самореализации</i>				
Самооценка возможностей получения необходимого образования и знаний как хороших	50,6	29,5	19,7	2,6
Самооценка возможности реализовать себя в профессии как хорошей	50,6	37,5	24,7	2,0
Считают, что им уже удалось реализовать цель сделать карьеру	22,8	19,3	12,6	1,8

* Фоном выделены ячейки, значения в которых превышают 50%. Для имеющих собственный бизнес как показателя интегрального характера разрыв между полярными группами составлял 4,5 раз.
Источник: рассчитано автором по данным 15-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

Таблица 7

Соотношение идентичности с людьми, добившимися в жизни успеха, и самооценок своего статуса или отдельных особенностей своего места в системе немонетарных неравенств, апрель 2024 г., %* (отранжировано по показателям разрыва между полярными группами)

Оценки своего статуса и некоторых особенностей жизни	Ощущают близость с добившимися успеха			Разрыв между полярными группами
	в значительной степени	в некоторой степени	не ощущают близости	
<i>Характеристики социального статуса</i>				
Считают, что им уже удалось реализовать цель занять высокое положение в обществе	12,7	4,9	2,3	5,5
Самооценка своего положения, статуса в обществе как хорошего	53,8	33,7	21,0	2,6
Считают, что им уже удалось получить престижную работу	38,0	32,7	19,0	2,0
<i>Характеристики жизни в целом и отдельных её сторон</i>				
Самооценка уровня социальной защищённости в случае потери работы как хорошей	24,7	12,3	6,8	3,6
Самооценка жизни в целом как хорошей	54,4	36,3	22,0	2,5
Самооценка возможности получить качественную медицинскую помощь, в том числе платную, как хорошей	29,1	19,0	12,5	2,3
Самооценка уровня личной безопасности как хорошего	39,9	28,0	18,0	2,2
Самооценка состояния здоровья как хорошего	44,3	31,6	26,4	1,7

* Фоном выделены значения, превышающие 50%, т.е. типичные для соответствующей группы.

Источник: рассчитано автором по данным 15-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

Более того, и раньше, например 10 лет назад, лица, для которых, по их ретроспективным оценкам, было характерно ощущение успешности собственной жизни, занимали достаточно благополучное место в социальной иерархии. Впрочем, если учитывать относительно высокий статус их родительских семей (рис. 2), а также присущее современной России и усиливающееся межгенерационное воспроизводство социальных статусов [Тихонова, 2014; Тихонова, 2021], это не удивительно. Обращает на себя внимание также ощущение нисходящей социальной мобильности за последние 10 лет у тех, кто вообще не испытывает идентичности с успешными людьми, и наличие именно у них максимального разрыва между уровнем запросов и их оценками своего нынешнего статуса. Причём характерно, что только у них практически нет роста самооценок собственного статуса в сравнении со статусом родительской семьи. Максимален же этот рост в группе считающих себя успешными людьми. Отметим также, что в группе, уверенно идентифицирующей себя с людьми, добившимися в жизни успеха, медианный показатель своего нынешнего социального статуса составляет 7, а модальный — 8 баллов из 10; в группе, лишь отчасти идентифицирующей себя с ними, эти показатели заметно ниже и составляют 6 и 5 баллов, а в группе, характеризующейся негативной идентичностью с успешными людьми, оба они составляют лишь 5 баллов.

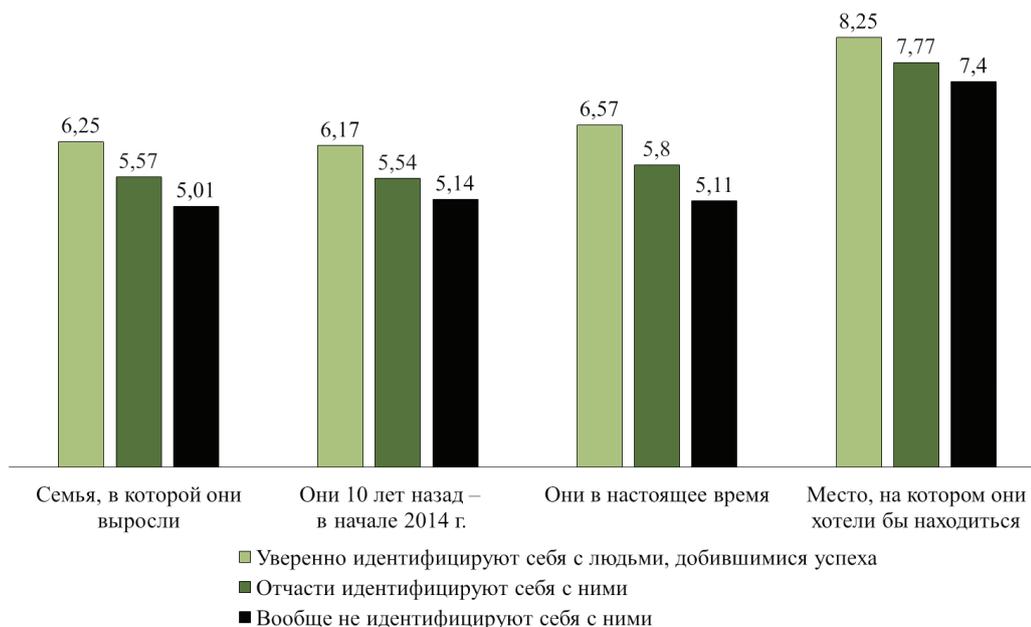

Рис. 2. Средний балл самооценок своего социального статуса (прошлого, нынешнего и желаемого) и статуса родительской семьи в группах, различающихся самоидентификацией с людьми, добившимися успеха, апрель 2024 г., баллы (использовался графический тест с вертикальными десятиступенчатыми шкалами оценки социальных статусов)

Источник: рассчитано автором по данным 15-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН.

Таким образом, для уверенно идентифицирующих себя с успешными людьми характерны высокие оценки своего социального статуса, восходящая статусная динамика (в том числе и межгенерационная) и максимально высокий уровень запросов в отношении желаемого социального статуса на фоне минимального разрыва между желаемым и реальным статусом. Для лишь отчасти идентифицирующих себя с добившимися успеха характерно более низкое, по самооценке, место в социальной структуре. Отчасти это связано, видимо, с тем, что их стартовые позиции (статус родительской семьи) также был ниже. Однако в сравнении с родительской семьёй они в массе своей всё же сумели подняться по «социальной лестнице», хотя и в чуть меньшей степени, чем уверенно идентифицирующие себя с успешными людьми. Кроме того, хотя их запросы в отношении желаемого статуса относительно ниже, чем у уверенно идентифицирующих себя с успешными людьми, но разрыв между нынешним и желаемым статусом у них при этом больше. Наконец, у тех, кто ни в коей мере не идентифицирует себя с успешными людьми, почти все рассматриваемые показатели наиболее низкие. Восходящей социальной динамики (как межгенерационной, так и индивидуальной) у них нет, а в последние 10 лет многие из них столкнулись даже с нисходящей статусной динамикой. При этом, хотя запросы в отношении своего статуса в обществе у них ниже, чем в двух других группах, разрыв между ними и реальностью максимален.

О реальном различии места в социальной иерархии у россиян с разной степенью выраженности идентичности с людьми, добившимися в жизни успеха, говорит и специфика их положения в системе немонетарных социальных неравенств. Именно эта специфика, отражающаяся в хороших оценках своей социальной защищённости при потере работы, доступности качественной медицинской помощи, личной безопасности и даже доступа к информации, во многом обеспечивает человеку ощущение своей успешности и гораздо более значима для формирования идентичности с добившимися успеха в жизни людьми, чем просто уровень доходов. При этом у ощущающих себя успешными россиян шире всего распространён выбор удовлетворительных оценок тех или иных сторон своей жизни и надежда на реализацию своих жизненных стремлений в будущем (хотя хорошие их оценки и убеждение в реализации своих целей тоже встречаются достаточно часто).

Напротив, у тех, для кого характерна негативная идентичность с успешными людьми, типичны полное отсутствие хороших самооценок соответствующих сторон жизни, распространённость плохих оценок различных сторон своей жизни и убеждённость, что свои цели им реализовать не удастся. В этом смысле можно говорить о том, что последние массово ощущают себя неудачниками. Наиболее болезненно они воспринимают при этом не только своё материальное положение, но и отсутствие управляемости собственной жизнью.

Таким образом, содержательный анализ подтвердил, что теснее всего связаны с ощущением себя успешным человеком: 1) «вписанность» индивида в общество (причём не столько российское, сколько в человечество в целом) через сложную систему символических идентичностей; 2) властный ресурс во всех его формах, включая управляемость собственной жизнью или возможность обеспечить себе баланс работы и отдыха; 3) соответствие уровня жизни желаемому с точки зрения потребления материальных и нематериальных благ; 4) возможности самореализации в самом широком смысле слова; 5) защищённость от разного рода рисков (связанных с потерей работы, угрозами личной безопасности и т.д.); 6) лежащее за всеми этими особенностями жизни место в системе социальных неравенств, отражающее позицию в социальной иерархии. При этом семья, дети и здоровье являются для россиян важными составляющими их жизни, но даже хорошие оценки ситуации в соответствующих областях слабо связаны с самоидентификацией себя с людьми, добившимися успеха в жизни.

Анализ ситуации в середине 2000-х гг. показал, что эти закономерности прослеживались уже тогда, хотя сравнительная значимость различных факторов, связанных с ощущением себя успешным человеком, была в 2006 г. чуть иной. Общим является то, что тогда следом за готовностью к принятию символических идентификаций, отражающих «вписанность» в общество, тоже следовали факторы, связанные с возможностью поддерживать определённый образ жизни, главным среди которых были возможности проведения отпуска и досуга. За ними шли оценки, отражающие возможности для самореализации, властный ресурс и социальный статус респондентов. Так, среди людей, идентифицировавших себя как достигших успеха в жизни, тех, кто хорошо оценивал свои возможности для самореализации в профессии, было в 2,5 раза больше, чем среди вообще не идентифицировавших себя с достигшими успеха. Самооценки властного ресурса по десятибалльной шкале у уверенно идентифицирующих себя с добившимися успеха и никогда не идентифицирующих себя с ними различались в среднем более чем в полтора раза, а медианные — даже втрое. Немногим меньше были у них и разрывы в самооценках престижности своей деятельности. Различались также самооценки своего социального статуса и материального положения.

В то же время оценки отношений в семье как хороших или плохих были тогда относительно более значимы, хотя уже тогда в меньшей степени влияли на ощущение себя успешным человеком, чем перечисленные выше факторы. Так, полярные оценки отношений в семье обуславливали различие в вероятности самоидентификации с успешными людьми в 1,3 раза, полярные оценки состояния здоровья поднимали этот показатель до 1,6 раза. Кроме того, в 2006 г. были несколько более значимы внешние маркеры места в системе неравенств, связанные с потреблением, а к весне 2024 г. в самоощущении успешности повысилась роль немонетарных характеристик места в системе социальных неравенств.

Выводы

У россиян есть чёткие нормативные представления о том, что свидетельствует о жизненном успехе. Эти представления довольно устойчивы и включают в себя прежде всего финансовое благополучие, семью и детей, хорошую работу, здоровье, а также возможности для самореализации. Порядок этих критериев с годами меняется, но сам их набор остаётся неизменным. Наиболее значимые изменения в иерархии этих критериев успеха в жизни

связаны с резким сокращением за последнюю четверть века числа россиян, включающих наличие хорошей семьи и детей в пять главных признаков жизненного успеха, на фоне роста упоминаемости финансового благополучия и хорошей работы.

Сравнительная значимость составляющих жизненного успеха различается в отдельных социальных группах довольно заметно. Например, для самореализации как критерия успеха особое значение имеет принадлежность к разным возрастным, доходным и образовательным группам. То же относится и к значимости такого критерия успеха, как наличие семьи и детей, причём упоминаемость этого критерия обратна упоминаемости самореализации. В целом же в отношении большинства критериев жизненного успеха работает принцип — чем больше расхождение запросов представителей соответствующей группы с их возможностями в соответствующей области, тем чаще успех в ней называется в качестве критерия успеха в жизни в целом, хотя из этого принципа есть и исключения.

Если от нормативных суждений о том, что такое жизненный успех вообще, перейти к тому, насколько значимы различные его составляющие лично для респондентов, то описанная выше картина несколько скорректируется. Лидерами в его критериях для россиян, судя по их ответам, окажутся здоровье, финансовое благополучие, хорошая работа, отдельная квартира (или дом) и жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе. Семья и дети не попадают при этом даже в первую десятку маркеров того, что «жизнь удалась». Их обгоняют дружба, признание со стороны окружающих, жизнь в справедливом и разумно устроенном обществе и т.д., т.е. те связанные с социальными отношениями стороны жизни, в которые включён человек «вне дома», и запрос на самореализацию в которых, видимо, для представителей массовых слоёв реализовать в современном российском обществе сложнее, чем запрос на наличие семьи и даже хорошие отношения в ней. Обгоняет роль семьи как критерия личного жизненного успеха и самореализация, которая является сейчас антиценностью по отношению к семье.

Однако суждения россиян о сравнительной значимости разных критериев жизненного успеха далеко не всегда совпадают с тем, насколько сильно соответствующие характеристики их жизни связаны с формированием ощущения себя успешным человеком в реальности. Как показал корреляционный анализ, на задний план среди реальных факторов ощущения себя успешным человеком отходят не только семья и дети, но сравнительно незначимым оказывается и здоровье. Фактически все характеристики, значимые для уверенной самоидентификации с добившимися в жизни успеха людьми, укладываются в две группы факторов: это факторы либо прямо отражающие место человека в системе социальных неравенств (от позиции в социальной иерархии до степени социальной защищённости от разного рода рисков), либо отражающие это место косвенно (от особенностей потребления до возможностей самореализации).

Резкое падение в последние десятилетия нормативной значимости семьи и детей в критериях жизненного успеха, естественное в условиях их негативного влияния на вероятность достижения других реально определяющих чувство собственной успешности жизненных устремлений, как и отсутствие их в числе наиболее значимых факторов, реально влияющих на чувство собственной успешности, демонстрирует вектор дальнейших изменений брачного и репродуктивного поведения россиян в обозримом будущем. Точно так же на самосохранительное поведение и готовность вести здоровый образ жизни будет влиять противоположность задачи сохранения здоровья и реализации тех достижений, которые являются сейчас для россиян свидетельствами жизненного успеха. А это значит, что реализация ряда задач государственной социальной политики должна предполагать акценты на более широком наборе мер, чем предполагается в настоящее время, в том числе — смещение акцентов с монетарных форм помощи населению на формы помощи, обеспечивающие более эффективное совмещение россиянами различных социальных ролей, обеспечивающих их самореализацию в том числе и в семье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Горшков М.К., Седова Н.Н. (2015). Самодостаточные россияне и их жизненные приоритеты [Gorshkov M.K., Sedova N.N. (2015). Self-sufficient Russians and their life priorities] // *Социологические исследования*. Т. 380. №12. С. 4–16.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2010). Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодёжи [Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010). Value orientations, moral attitudes and civic activity of young people] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. Т. 95. №1. С. 5–36.
- Дудин И.В., Тихонова Н.Е. (2024). Субъективное благополучие россиян через призму их идентичностей: состояние и факторы [Dudin I.V., Tikhonova N.E. (2024). Subjective Well-being of Russians through the prism of their Identities: State and Factors] // *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 12. №3. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.3.1>.
- Зобов Р.А., Келасьев В.Н. (2013). Жизненный успех в современном российском обществе [Zobov R.A., Keliaev V.N. (2013). Life success in modern Russian society] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. №2. С. 136–143.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Inglehart R., Welzel C. (2011). Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence]. — М.: Новое издательство.
- Мареева С.В. (2018). Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании [Mareeva S.V. (2018). Life chances of residents of capitals and provinces in mass consciousness] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. Т. 148. №6. С. 365–385. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.17>.
- Маршак А.Л., Рожкова Л.В. (2015). Жизненный успех в представлениях российской молодёжи [Marshak A.L., Rozhkova L.V. (2015). Life Success in the Perceptions of Russian Youth] // *Социологические исследования*. Т. 376. №8. С. 157–160.
- Молодёжь и Россия будущего (2023). [Youth and Russia of the future (2023)] / Под общ. ред. М.К. Горшкова, М.Е. Фрадкова, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь мир.
- Общество неравных возможностей: социальная структура современной России (2022). [Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia (2022)] / Под ред. Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир.
- Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. (2020). Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции [Reutov E.V., Reutova, M.N., Shavyrina I.V. (2020). Life success and chances for its achievement in the perceptions of residents of the Russian province] // *Социологические исследования*. №6. С. 61–71. DOI: [10.31857/S013216250009480-1](https://doi.org/10.31857/S013216250009480-1)
- Российское общество и вызовы времени. Кн. 7 (2024). [Russian society and the challenges of time. Book Seven (2024)] / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир.
- Ростовская Т.К., Князькова Е.А. (2020). Система ценностей и жизненный успех: взгляд разных поколений [Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. (2020). Value system and life success: the view of different generations] // *Социальная политика и социология*. Т. 19. №1 (134). С. 81–89. DOI: [10.17922/2071-3665-2020-19-1-81-89](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2020-19-1-81-89).
- Седова Н.Н. (2019). Жизненный успех молодёжи — от Москвы до самых до окраин [Sedova N.N. (2019). Life success of young people — from Moscow to the outskirts of Moscow] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. Т. 154. № 6. С. 505–529.
- Седова Н.Н. (2023). Особенности трансформации мировоззренческих установок российской молодёжи в контексте геополитического конфликта [Sedova N.N. (2023). Features of transformation of worldview attitudes of Russian youth in the context of geopolitical conflict] // *Вестник Института социологии*. Т. 14. № 4. С. 176–198.
- Средний класс в современной России (2008). [The Middle Class in Modern Russia (2008).] / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. — М.: Ин-т социологии РАН.
- Темницкий А.Л. (2018). Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России [Temnitsky A.L. (2018). Values of life success and their realisation in the working population of Russia] // *Вестник Института социологии*. Т. 9. № 3 (26). С. 121–142.
- Тихонова Н.Е. (2014). Социальная структура России: теории и реальность [Tikhonova N.E. (2014). Social Structure of Russia: Theories and Reality]. — М.: Новый хронограф, Ин-т социологии РАН.
- Тихонова Н.Е. (2021). Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов и классовой принадлежности в современном российском обществе [Tikhonova N.E. (2021). Intergenerational Reproduction of Professional Status and Class in Modern Russian Society] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 61–78. DOI: [10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78).
- Тихонова Н.Е. (2023). Социальная успешность российских профессионалов: масштабы, характер, факторы [Tikhonova N.E. (2023). Social Success of Russian Professionals: Scale, Nature, Factors] // *Вопросы теоретической экономики*. № 2. С. 99–117. DOI: [10.52342/2587-7666VTE_2023_2_99_117](https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_2_99_117).
- Тихонова Н.Е., Дудин И.В. (2024). Идентичности россиян как фактор консолидации российского общества [Tikhonova N.E., Dudin I.V. (2024). Identity of Russians as a Consolidation Factor of Russian Society] // *Социологические исследования*. № 11. С. 18–33. DOI: [10.31857/S0132162524110023](https://doi.org/10.31857/S0132162524110023).
- Шкаратан О.И. (2012). Социология неравенства. Теория и реальность [Shkaratan O.I. (2012). Sociology of Inequality. Theory and reality]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Тихонова Наталья Евгеньевна*netichon@rambler.ru***Natalia E. Tikhonova***DSc in Sociology, prof., Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Research Professor, HSE University (Moscow, Russia)**netichon@rambler.ru***LIFE SUCCESS: WHAT DOES IT MEAN FOR RUSSIANS?**

Abstract. The article, based on survey data from the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2000–2024, shows that Russians are now much less likely to perceive themselves as successful in life than in the 2000s. It is also demonstrated that representatives of the mass strata of the country's population have clear normative ideas about the criteria for a person's success in life. Over the past few years, these ideas have been quite stable and included, first of all, financial well-being, family and children, good work, health, and opportunities for self-realization. However, although this set itself remains unchanged, the place of individual criteria for life success in the corresponding rating may change over the years. The most striking changes are associated with a decrease in the mention of family and children against the background of an increase in the importance of a good job and financial well-being, although the comparative importance of individual components of life success in different social groups is differentiated quite noticeably. The data are also presented on what representatives of the mass strata, judging by the results of correlation and content analysis, actually (and not at the level of normative judgments) associate success in life with. It is shown that the perception of many characteristics of life as evidence of achieving success in life is associated with the comparative importance of the corresponding benefits in the value system of citizens of the country and with their deficiency in the mass strata of the population. As a result, two groups of factors have the greatest influence on the feeling of being a successful person. Firstly, these are indicators that directly reflect a person's place in the system of social inequalities (from position in the social hierarchy to the degree of social protection from various risks). And secondly, indicators of individual capabilities that indirectly reflect this place (from opportunities for self-realization to various characteristics of consumption). At the same time, family and children or health are much less important for feeling successful. It is concluded that the decline in the real significance of family and children in the criteria of life success, as well as the relatively small significance of health among them, reflecting their negative impact on the likelihood of achievements that really determine the feeling of one's own success, requires adjustments to state social policy with a shift in emphasis from monetary forms of assistance to the population to forms of assistance that ensure a more effective combination of various social roles by Russians.

Keywords: *life success, life goals, norms, values, life aspirations, well-being, subjective well-being, family.*

JEL: I31, I38, O15, Z13.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

П.А. Ефимова

стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

З.Х. Лепшокова

к.психол.н., доцент, главный научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

А.Г. Яшина

Стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Е.В. Попов

Стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

А.С. Титов

Стажёр-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ: КОНТЕКСТУАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ¹

Аннотация. Несмотря на стереотип о пассивности российской молодёжи по отношению к социальным проблемам, в реалиях современной России заметна обратная тенденция, во многом наблюдаемая в пределах неполитической активности молодых людей. В рамках настоящего исследования рассмотрению подлежала социальная активность молодёжи, её связь с социальной ответственностью, а также с социальным контекстом страны через призму восприятия этого контекста и установок по отношению к нему. С точки зрения восприятия и установок особое внимание обращено на изучение роли воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» социальных контекстов, а также их расхождения в социальной активности и ответственности российской молодёжи. Выборка исследования, проведённого в 2021 г. посредством онлайн-опроса, включила 821 россиянина в возрасте от 15 до 35 лет (285 мужчин и 536 женщин) преимущественно из Москвы и Казани. Авторская методика охватывала три ключевые сферы социальной активности: экологию, социальное неравенство и политику. Для оценки воспринимаемого и ожидаемого социального контекста страны, а также уровня социальной ответственности использовались валидированные шкалы. Полученные результаты подчеркнули важность влияния воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекста страны на уровень социальной активности молодёжи. Так, респонденты, оценивающие «реальный» социальный контекст как проблемный и отмечающие отношение государства к проблемам экологии, социального неравенства и политики как недостаточное, отличаются высоким уровнем социальной активности. В то же время ожидаемый «идеальный» контекст не связан с социальной активностью напрямую, но он оказывает влияние на неё через социальную ответственность. Более того, в результате анализа данных было выявлено: чем больше расхождение между ожидаемым «идеальным» и воспринимаемым «реальным» контекстами страны, тем выше социальная активность молодёжи.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: социальная активность, социальная ответственность, воспринимаемый социальный контекст, ожидаемый социальный контекст, молодежь.

JEL: Y8, Z13, Z19

УДК: 316.351, 316.62, 316.64

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126

© П.А. Ефимова, З.Х. Лепшокова, А.Г. Яшина, Е.В. Попов, А.С. Титов, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ефимова П.А., Лепшокова З.Х., Яшина А.Г., Попов Е.В., Титов А.С. Социальная активность российской молодежи: концептуально-психологические факторы // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 113–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126.

FOR CITATION: Efimova P, Lepshokova Z., Iashina A., Popov E., Titov A. The Social Activity of Russian Youth: Contextual and Psychological Factors // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 113–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_113_126.

Введение

Долгое время существовало мнение, согласно которому российские граждане инертны в поведении по отношению к тому, что не касается их частной жизни [Петухов и др., 2014; Сохадзе, 2017]. Однако данное суждение игнорирует факт существования форм социальной активности среди молодежи [Парма, 2021], сохраняющийся и, более того, трансформирующийся в условиях неоднозначности современного мира [Арендачук, Усова, Кленова, 2022; Маслодудова, 2023]. Это — свидетельство, подвергающее сомнению сложившийся стереотип. Так, согласно данным ВЦИОМ, в топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи вошла возможность приносить пользу обществу через активное участие в общественной и политической жизни государства [ВЦИОМ, 2022a]. Более того, само российское общество уверено в пользе вклада активной молодежи в развитие страны, акцентируя внимание на необходимость поддержки инициатив молодого поколения [ВЦИОМ, 2022b]. Во многом это связано с тем, что социальная активность — важный ресурс социального и экономического развития, особенно в связи с её направленностью на решение социально-политических, а порой и социально-экономических задач [Bogomolov, 2005; Heyes, King, 2018; Ермолаева, Ермолаева, Башева, 2020; Zubok, Березутский, 2020; Ozili, 2020; Кранзеева и др., 2021; Шамионов, Бочаров, Невский, 2022; Gatawa, 2022].

В настоящее время острота возникающих социальных проблем и необходимость самореализации молодых людей как создателей и своего, и общественного будущего стали основными причинами роста социальной активности среди молодежи [Зубок, Березутский, 2020; Григорьева, Шаров, Заграничный, 2022]. Отличительной чертой современных молодых людей является обладание уникальными навыками адаптивных стратегий [Бекшенова, Ягодка, 2020; Антонова, Абрамова, Гурарий, 2022; Костина, Орлова, 2022], что можно было наиболее ярко наблюдать в момент переживания миром кризиса COVID-19 [Арендачук, Усова, Кленова, 2022]. Данная способность особенно важна для своевременных и наиболее верных решений в условиях динамики современного мира, что делает владение ею неоспоримым преимуществом.

Между тем активность молодежи может нести в себе политические и неполитические инициативы. Оба направления тесно переплетены друг с другом [Петухов и др., 2014; Седова, 2014; Бекшенова, Ягодка, 2020], что обусловлено невозможностью решения некоторых проблем и реализации идей без участия конкретных институтов. В то же время российский социолог Н. Седова отмечает, что чем выше «градус» активностей, «тем плотнее их (политической и неполитической активности) взаимопроникновение», что особенно важно в процессе анализа вопросов, касающихся активизма молодых россиян [Седова, 2014, С. 55]. В первую очередь это связано с тем, что исследователи и государственные деятели хорошо понимают: любая социальная активность молодежи может нести в себе

как созидание, так и разрушение [Омельченко, 2005], а потому столь важно нахождение конструктивного высвобождения энергии активизма [Костина, Орлова, 2022]. В случае же отсутствия предоставления молодёжи шанса продуктивного гражданского участия в жизни страны возможно появление неудовлетворённости целого поколения, которое в некоторых моментах может привести к аномии, в других же — к деструктивным протестам [Fuchs, 2006]. В этой связи становится очевидным, что тема гражданской активности, социального и политического участия (институционализированного или же нет) чрезвычайно актуальна и востребована современным российским обществом и потому требует тщательного исследования.

В результате обзора современной литературы на тему социальной активности российской молодёжи было выявлено, что исследования проводятся в основном социологами и политологами [Соколова, 2011; Баканач, 2016; Зайцева, 2016; Парма, 2021; Костина, Орлова, 2022]. Это позволяет осуществлять мониторинг участия молодых людей в различных формах социальной активности, в особенности политической. С точки зрения психологии при рассмотрении вопроса социальной активности молодёжи исследователи чаще всего концентрируются на изучении индивидуально-личностных и социально-психологических факторов гражданской активности [Шамионов, 2018; Арендачук, 2018; Шамионов, Григорьева, 2019; Шамионов, 2020], в меньшей степени обращая внимание на социальный контекст. Однако очевидно, что социальная активность и ответственность не рождаются в социальном вакууме. Поэтому предполагается, что такие контекстуально-психологические факторы, как ожидания молодёжи в отношении того, каким должен быть «социальный климат» их страны и каким он им представляется, а также существует в реальности, важны для понимания степени выраженности социальной активности молодых людей.

Немаловажно и то, что ранее проведённые исследования не акцентировали внимание на изучении реального опыта активного поведения молодёжи в разных социальных сферах жизни, в частности — экологии, социального неравенства и политики. Однако именно эти три области больше остальных «заботят» молодёжь, способствуя её вовлечению в решение возникающих проблем [Захарова, 2020; Осипова, Елишев, 2020; Селезнева, Зиненко, 2020].

Таким образом, настоящая работа направлена на восполнение исследовательских лагун путём выявления и анализа роли контекстуально-психологических факторов в выраженности социальной активности и ответственности молодых россиян.

Контекст как фактор социальной активности

Вопрос понимания влияния контекста на поведение людей привлекает особое внимание исследователей на протяжении последних трёх десятилетий. Например, Блейк подчёркивал важность рассмотрения контекста в связи с тем, что контекстуальные эффекты, рождаясь в социальной среде, действуют и усиливаются вследствие информационной наполненности окружения [Blake, 2001]. Более того, Каппелли и Шерер акцентируют важность контекста как главенствующего фактора в формировании индивидуального поведения через обращение внимания на его особую роль в объяснении формирования поведенческих тенденций [Capelli, Sherer, 1991]. Всё это наталкивает на необходимость ответить на вопрос о том, что же такое контекст и в чём он проявляется.

Здесь важно подчеркнуть тот факт, что содержание слова «контекст» подразумевает нечто большее, чем простое описание того, что находится вокруг человека (что больше подходит термину «среда»). Джонс определял контекст как «совокупность ситуационных возможностей и ограничений, влияющих на возникновение и значение поведения, а также на функциональные отношения между переменными» [Johns, 2006. P. 386]. То есть, в отли-

чие от просто окружения, контекст подразумевает некоторую динамику и обмен между различными его частями, дополняя общую картину причин поведения человека. При этом стоит учитывать то, что контекст может быть как ограничением, так и благоприятным условием для определения различий в поведении отдельных людей, групп и организаций [Ibid.]. Таким образом, включение контекста имеет решающее значение как фактор точности прогноза человеческого поведения.

В развитие идеи важности контекста при изучении поведения основной вклад был сделан Мишелем и Шодой, которые обнаружили, что личностные черты могут не объяснять поведение без учёта контекста, который, в свою очередь, способен вызывать определённые поведенческие тенденции [Mischel, Shoda, 1995]. На это же обратил внимание Бурбанк, исследуя контекстуальные эффекты в разрезе политического поведения граждан [Burbank, 1997]. Более того, ссылаясь на исследования Канфера и его коллег, Мейер и Далал описали контекст как фактор, который может усиливать или ослаблять влияние личностных характеристик на поведение человека [Kanfer, Chen, Pritchard, 2008; Kanfer, 2009; Meyer, Dalal, 2009].

Немаловажно также рассмотрение контекста с точки зрения информационного потока, исходящего от окружения индивида. Бурбанк обращает внимание на то, что простого доступа к информации недостаточно, и именно социальный контекст дополняет узнанные новости личным содержанием, формируя конкретную позицию и мнение [Burbank, 1997]. Седова же обращает внимание на то, что оценивание любого социального явления в России невозможно без учёта ситуации внутри страны. Также она говорит о существовании связи между уровнем и характером социальной активности и базовыми мировоззренческими и ценностными установками активиста в отношении окружающей его действительности [Седова, 2014]. Между тем Омельченко подчёркивает, что при анализе как социальной «активности», так и «пассивности» (которая, в свою очередь, автором также трактуется как форма позиции со стороны молодёжи) важно учитывать социально-политический контекст и контекст включения индивида в культурную группу [Омельченко, 2005].

То, как воспринимается молодёжью социальный и политический контекст, также рассматривалось в [Krupets et al., 2017]. Проанализировав имеющиеся представления о гражданстве, учёные дополнили имеющуюся базу исследований социальной активности в России идеей о существовании несоответствия идеально-нормативного («ожидаемого») и воспринимаемого («реального») контекстов. Идея несоответствия также была поднята в рамках исследования влияния восприятия социально-политического контекста на участие в протестах [Van Stekelenburg, Klandermars, 2013].

Опираясь на эти данные, мы в настоящем исследовании сфокусировались на изучении влияния ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» социальных контекстов. Идеальный, иными словами, ожидаемый социальный контекст скрывает в себе установки в отношении того, каким должен быть социальный контекст страны и каким его хотят видеть люди. Реальный, или же воспринимаемый, социальный контекст отражает представления людей о том, каким они его видят, ощущают. Воспринимаемый «реальный» контекст позволяет подчеркнуть сензитивность человека к наиболее важным аспектам наблюдаемых явлений. Учитывая, что восприятие объектов и событий в окружающей среде как когнитивный процесс «относится к общему процессу восприятия — их ощущению, пониманию, идентификации и обозначению, а также подготовке к реакции на них» [Gerrig, Zimbardo, 2002. P. 217], предполагается, что определение представлений людей об окружающей реальности чрезвычайно важно для понимания их отношения к ней и их поведения. Следовательно, оно должно учитываться и при анализе ситуации, и при разработке соответствующих мер социальной политики.

Подводя итог, можно сказать, что люди хотят жить в мире, соответствующем их ожиданиям, т. е. в «идеальном» мире. Но живут они в «реальном» мире, который восприни-

мают, реагируя на его интерпретацию. В связи с этим, в рамках настоящего исследования, необходимо понять, почему люди, оказавшиеся, казалось бы, в одной и той же ситуации, реагируют на неё по-разному. Для этого предлагается выдвинуть следующие исследовательские вопросы:

1. Существует ли взаимосвязь между ожидаемым «идеальным» и воспринимаемым «реальным» контекстами с социальной активностью, если да, то каков её характер?

2. Связано ли расхождение ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью, если да, то как?

Социальная ответственность и социальная активность

Всё чаще исследователями обращается внимание на меньшую заинтересованность молодёжи в вовлечении в длительные социальные проекты, закрепляющие их за конкретной организацией [Никовская, Скалабан, 2017]. При этом сами молодые люди готовы к активности без регулярного участия внутри какой-либо структуры [Подъячев, Халий, 2020]. Данный феномен возможно связать с понятием социальной ответственности, выделив её как фактор, влияющий на социальную активность молодёжи.

Активность молодых людей, направленная на быстрые преобразования без долгосрочного участия в проектах, вносящих системные изменения [Щебланова и др., 2020], также свидетельствует о важности идеи социальной ответственности. Это связано с тем, что данный феномен не является врождённым, а представляет собой результат целенаправленного формирования, что даёт возможность, посредством его развития, достижения большей вовлечённости молодёжи в долгосрочные проекты, направленные на более глубокие изменения.

Важным в идее социальной ответственности является факт её связанности с ценностями, способствующими моральному, просоциальному и гражданскому поведению людей [Wray-Lake, Syvertsen, 2011]. Существенно и то, что данные ценности включают в себя решения и действия, которые служат на пользу другим, обществу. Это даёт дополнительные аргументы идее о том, что люди с хорошо развитой социальной ответственностью с большей вероятностью будут помогать другим, при этом внося постоянный вклад в жизнь общества [Mergler, 2017].

Лебедева рассматривала социальную ответственность как качество личности, формирующееся и реализующееся многочисленными способами: через волонтерство, общественные работы, борьбу за права человека, гражданскую активность в социально-трудовой и научно-исследовательской, социально-политической и социально-культурной сферах [Лебедева, 2019]. Более того, Рэй-Лейком и Сивертсеном было выдвинуто предположение, что социальная ответственность состоит из двух ключевых конструктов — социальных отношений и морального чувства заботы и справедливости [Wray-Lake, Syvertsen, 2011]. Такого рода структура представляет собой долгосрочную ценностную ориентацию, способствующую позитивному поведению человека (например, моральному, просоциальному) в обществе.

Однако, рассматривая вопрос социальной ответственности с точки зрения влияния контекста, важно обратить внимание на различия в проявлениях активности гражданами. Так, сталкиваясь с необходимостью решения проблемы (например, экологической) в конкретном районе, живущие там люди скорее поддержат направленные на это коллективные инициативы, нежели те, кто живут по соседству, даже если они привержены одним и тем же ценностям и в той же мере обеспокоены этим вопросом в глобальной форме [Blake, 2001].

Уровень социальной ответственности показывает степень социальной зрелости индивида [Костина, Орлова, 2022], а значит, его способность к более осознанной и длитель-

ной социальной активности для достижения определённого результата, пусть и отложенного. Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что если в основе социальной активности лежит социальная ответственность, то такая активность может быть более системной и долговременной, и побуждать к активным действиям вплоть до реализации необходимого социального изменения. В этой связи предлагается выдвинуть следующую гипотезу:

H1: Социальная ответственность положительно связана с социальной активностью.

Учитывая описанные в предыдущем разделе статьи предпосылки связи контекста и социальной активности, а также описанные в настоящем разделе предпосылки положительной связи социальной активности и социальной ответственности, также дополнительно выдвигаются следующие исследовательские вопросы (первые два из них поставлены в предыдущем разделе):

3. *Связаны ли ожидаемый «идеальный» и воспринимаемый «реальный» контексты с социальной ответственностью, если да, то каким образом?*

4. *Опосредует ли социальная ответственность связь ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью?*

Методы

Выборка исследования

В исследовании принял участие 821 россиянин, из них 285 мужчин и 536 женщин в возрасте от 15 до 35 лет. 78% учатся в средней школе, 8 имеют или получают среднее специальное образование, 14% имеют или получают высшее образование. Большая часть респондентов проживает в Москве и Казани. Социально-психологический опрос проводился онлайн на платформе 1ка в 2021 г. в российских молодёжных лагерях, в социальных сетях добровольно, безвозмездно и анонимно.

Инструментарий исследования

Инструментарий включал авторскую методику оценки *социальной активности*. Данная методика состояла из 17 вопросов, направленных на оценку трёх видов социальной активности в сфере решения проблем социального неравенства (5 вопросов), экологии (6 вопросов) и политики (6 вопросов). Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — полностью согласен). Трёхфакторная структура опросника подтверждена конфирматорным факторным анализом (имеет хорошие показатели пригодности: $\chi^2/df=3,69$; CFI=0,95; RMSEA=0,070; sRMR=0,043), $\alpha = 0,80$.

Воспринимаемый «реальный» контекст изучался с помощью трёх дескриптивных вопросов, направленных на оценку проблем, касающихся экологии, социального неравенства и политики: «Я считаю, что Россия уделяет достаточно внимания проблемам, связанным с экологией», «Я считаю, что в России успешно решаются проблемы социального неравенства в обществе», «В России нет политических проблем». Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — полностью согласен), $\alpha = 0,78$.

Ожидаемый «идеальный» контекст изучался с помощью трёх прескриптивных вопросов, направленных на оценку выраженности установок в отношении экологии, социального неравенства и политики: «Я считаю, что в России не должно быть проблем, связанных с экологией», «Я считаю, что в России не должно быть проблем, связанных с социальным неравенством в обществе», «Я считаю, что в России не должно быть проблем, связанных с политикой». Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — полностью согласен) $\alpha = 0,81$.

Социальная ответственность изучалась с помощью двух вопросов: «Я чувствую свою ответственность за то, что происходит в российском обществе», «Я считаю, что должен менять что-то к лучшему в обществе и в России». Для ответа респонденту предлагалась пятибалльная шкала (от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен).

Социально-демографическая информация: возраст, пол, уровень образования и дохода.

Обработка данных

Для обработки данных применялся статистический пакет SPSS 26.0 и приложение AMOS 26.0. Для проверки связей использовалось моделирование структурными уравнениями (путевой анализ), а для выявления непрямого эффекта использовалась оценка максимального правдоподобия и 5000 бутстреированных псевдовыборок.

Результаты

Для проверки гипотезы и ответа на исследовательские вопросы был проведён анализ посредством использования моделирования структурными уравнениями (путевой анализ). На рис. 1 представлена модель связи воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов с социальной ответственностью и социальной активностью. Показатели пригодности модели удовлетворительны: CMIN/df=2,89, CFI=0,95, RMSEA=0,06, SRMR=0,05.

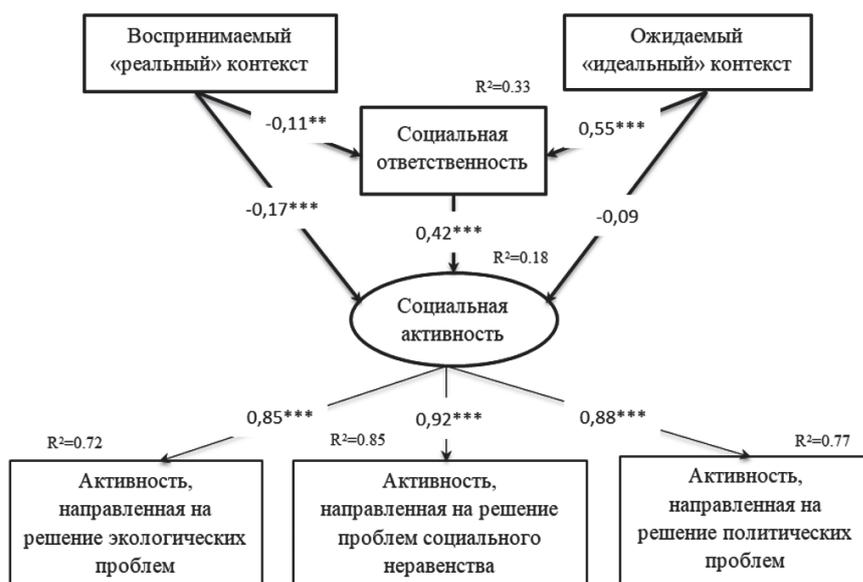

Рис. 1. Модель связи воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов с социальной ответственностью и социальной активностью

Источник: составлено авторами.

В результате анализа выяснилось, что чем менее благоприятным воспринимается реальный контекст, тем больше выражена социальная активность и социальная ответственность. Идеальный контекст, т. е. ожидания, каким должен быть контекст, напрямую не связан с социальной активностью, но связан положительно с социальной ответственностью. Социальная ответственность значимо положительно связана с социальной активностью.

Затем была произведена оценка значимости не прямых эффектов воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов на социальную активность через социальную ответственность, данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Прямые и непрямые эффекты воспринимаемого «реального» и ожидаемого «идеального» контекстов на социальную активность через социальную ответственность

Зависимая переменная →	Социальная активность	
Медиатор →	Социальная ответственность	
Независимые переменные ↑	Прямой эффект	Непрямой эффект
Воспринимаемый «реальный» контекст	-0,17***	-0,05*
Ожидаемый «идеальный» контекст	-0,09	0,24***

*** — $p < 0,001$; ** — $p < 0,01$; * — $p < 0,05$.

Источник: составлено авторами.

Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о том, что воспринимаемый «реальный» контекст имеет отрицательный непрямой эффект на социальную активность через социальную ответственность, в то же время прямой отрицательный эффект сохраняется. Ожидаемый «идеальный» контекст имеет положительный непрямой эффект на социальную активность через социальную ответственность, прямой эффект был незначим.

Далее на рис. 2 представлена модель связи расхождения между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» контекстами (этот показатель измерялся как абсолютная разница между средними значениями «реального» и «идеального» контекстов) с социальной активностью. Показатели пригодности модели удовлетворительные: CMIN/df=2,87, CFI=0,96, RMSEA=0,06, SRMR=0,05.

Рис. 2. Модель связи расхождения между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» контекстами с социальной активностью

Источник: составлено авторами.

В результате путевого анализа выяснилось, что чем больше несоответствие между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» контекстами, тем больше социальная активность российской молодёжи.

Обсуждение результатов эмпирического исследования

Исследование посвящено важной для гражданского общества теме социальной активности самой перспективной страты общества в части развития правового, социального и экономически развитого государства — молодёжи, взгляды и убеждения которой во многом определяют будущее страны. В фокусе внимания выделяется роль контекстуально-психологических (воспринимаемого («реального») и ожидаемого («идеального») контекста) и социально-психологических (социальная ответственность) факторов в выраженности социальной активности современной российской молодёжи. Обсуждение результатов исследования будет идти по порядку выдвинутых в первых частях статьи исследовательских вопросов и гипотезы.

Первый исследовательский вопрос касался взаимосвязи ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью. В результате путевого анализа была выявлена отрицательная взаимосвязь, которая обозначает, что молодые россияне, считающие, что в России уделяется недостаточное внимание решению проблем, связанных с экологией, социальным неравенством и политикой, демонстрируют высокий уровень социальной активности. В связи с этим напрашивается вывод, что молодые россияне готовы «взять в свои руки» социальное благополучие страны, т. е. готовы активно решать существующие проблемы, когда видят, что их решению уделяется недостаточное внимание и/или государство их не совсем успешно решает. Результаты путевого анализа также показали, что ожидаемый «идеальный» контекст не связан с социальной активностью молодёжи напрямую.

Второй исследовательский вопрос звучал следующим образом: «Связаны ли ожидаемый “идеальный” и воспринимаемый “реальный” контексты с социальной ответственностью, если да, то каким образом?» Было установлено, что воспринимаемый «реальный» контекст отрицательно связан с социальной ответственностью. Это — любопытный результат, свидетельствующий о том, что молодые россияне, воспринимающие социальный контекст страны как изобилующий социальными проблемами, чувствуют свою ответственность за сложившуюся ситуацию. Получается, что молодые россияне осознают свою сопричастность с общественными проблемами и делами вопреки исследованиям, где, напротив, отмечался сильный разрыв между взрослыми и молодыми россиянами [Лебедева, 2019].

Ожидаемый «идеальный» контекст оказался положительно связан с социальной ответственностью. Это говорит о том, что молодые россияне, считающие, что в России не должно быть проблем, связанных с экологией, социальным неравенством и политикой, демонстрируют высокий уровень социальной ответственности. Ожидания молодых россиян в отношении «идеального» социального контекста страны ведут к тому, что они чувствуют ответственность за свою страну. Так, в исследовании Костиной и Орловой отмечалось, что уровень социальной ответственности молодых россиян за страну гораздо ниже, чем за населённый пункт, в котором они проживают [Костина, Орлова, 2022]. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о том, что повышение уровня социальной ответственности за страну во многом зависит от восприятия социального контекста страны как проблемного, а также от больших ожиданий в отношении социального контекста, исключающих появление проблем.

Третий исследовательский вопрос касался взаимосвязи расхождения между ожидаемым «идеальным» и воспринимаемым «реальным» контекстами с социальной активностью российской молодёжи. В результате путевого анализа обнаружено, что несоответствие ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов положительно связано с социальной активностью. То есть чем больше расхождение между ожиданиями молодых людей в отношении того, что в России не должно быть социальных проблем, и восприятием того, что есть на самом деле, тем больше молодые россияне проявляют

социальную активность в решении данных проблем. Всё это согласуется с результатами исследования [Krupets et al., 2017], посвящённом изучению представлений о гражданстве российской молодёжи, в котором выявлена важная роль несоответствия идеально-нормативного и воспринимаемого контекстов.

Гипотеза исследования основывалась на идее о том, что социальная ответственность положительно связана с социальной активностью. В результате анализа гипотеза была подтверждена. Данный результат согласуется с ранее проведёнными исследованиями, в которых утверждалось, что социальная активность — это проявление социальной ответственности [Лебедева, 2019] или же её обратная сторона [Костина, Орлова, 2022].

Четвёртый исследовательский вопрос звучал следующим образом: опосредует ли социальная ответственность связь ожидаемого «идеального» и воспринимаемого «реального» контекстов с социальной активностью? В результате анализа было установлено, что воспринимаемый «реальный» контекст связан с социальной активностью как напрямую, так и через социальную ответственность. Это значит, что если контекст воспринимается как проблемный, то это повышает уровень социальной ответственности молодых людей, который, в свою очередь, ведёт к социальной активности на уровне поведения. Полученные результаты подтверждают мысль о том, что «субъективное восприятие людьми реальности образует и становится реальностью, которая определяет их психологические реакции» [Zagefka, Brown 2002. P. 173]. В случае настоящего исследования такой реакцией становится активность, направленная на решение социальных проблем.

Ожидаемый «идеальный» контекст положительно связан с социальной ответственностью, однако с социальной активностью он связан не напрямую, а только через социальную ответственность, что говорит о выявлении полной медиации. Иными словами, чем больше выражены у молодых россиян ожидания в отношении того, что в России не должно быть проблем, связанных с экологией, социальным неравенством и политикой, тем больше они считают, что несут ответственность за то, чтобы социальных проблем не было. В итоге это приводит к проявлению социальной активности, направленной на решение социальных проблем. Это весьма благоприятный результат для будущего России, поскольку он показывает, что молодёжь не уклоняется от ответственности за то, что происходит в стране, и готова участвовать в решении социальных проблем.

Настоящее исследование не лишено ограничений. К одному из них можно отнести то, что неполитическая активность молодёжи не исчерпывается активностью, направленной на решение экологических проблем и проблем социального неравенства, хотя они довольно значимы для молодых людей. Тем не менее в будущих исследованиях возможно расширить пул неполитических видов активности, добавив активность, направленную на защиту прав животных, правозащитную активность и другие.

Заключение

Полученные результаты позволили сделать несколько ключевых выводов, касающихся взаимосвязи социальной активности, социальной ответственности и восприятия социальной среды российской молодёжью. Так, было установлено, что восприятие реального социального контекста существенно влияет на уровень социальной активности: молодые люди, оценивающие социальный контекст как проблемный, чаще проявляют готовность участвовать в решении общественных проблем. Это подчёркивает важность их вовлечённости в социальные процессы, особенно связанные с ситуациями, чреватых вызовами в области экологии, социального неравенства или политики.

Высокий уровень социальной ответственности молодых россиян также выступает важным фактором, усиливающим их активность, где ответственность становится

связующим звеном между восприятием проблем и стремлением участвовать в их решении. Чем острее молодёжь воспринимает сложности реального социального контекста, тем сильнее её чувство ответственности, что напрямую способствует росту социальной активности.

Более того, социальная ответственность играет аналогичную роль в плане ожиданий от контекста. Так, чем более идеализированным представляется желаемый контекст — отсутствие социальных проблем и конфликтов, — тем сильнее проявляется чувство личной ответственности молодых россиян, что особенно побуждает их к активным действиям. Таким образом, ожидания и ответственность вместе формируют основу для значимой общественной деятельности.

Особого внимания заслуживает влияние несоответствия между воспринимаемым «реальным» и ожидаемым «идеальным» социальными контекстами. Так, существующее в умах молодых россиян такое несоответствие становится мощным стимулом роста социальной активности. Это показывает, что молодёжь стремится компенсировать разрыв между текущей ситуацией и своими ожиданиями об идеальном обществе.

Полученные результаты подчёркивают значимость социальной ответственности как важного фактора, от которого зависит возможность перехода процесса восприятия социальной среды в активные действия. Полученные данные имеют важное практическое значение для разработки программ, направленных на поддержку и развитие социальной активности молодёжи, особенно в условиях, где требуется их непосредственное участие в решении социальных и общественных задач.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Гурарий А.Д. (2022). Типологизация практик неполитической активности городской молодежи: формы, мотивация, барьеры [Antonova N.L., Abramova S.B., Gurarii A.D. (2022). Typologization of Non-Political Activity Practices of Urban Youth: Forms, Motivation, Barriers] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15 № 1. С. 243–257. DOI: 10.15838/esc.2022.1.79.13.
- Арендачук И.В. (2018). Динамика ценностно-смысловых характеристик социальной активности современной молодёжи [Arendachuk I.V. (2018). Dynamics of Value-Semantic Characteristics of Social Activity of Modern Youth] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. Т. 15. № 3. С. 287–307. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-287-307.
- Арендачук И.В., Усова Н.В., Кленова М.А. (2022). Особенности социальной активности российской молодёжи в условиях вынужденных социальных ограничений [Arendachuk I.V., Usova N.V., Klenova M.A. (2022). Features of Social Activity of Russian Youth in Conditions of Forced Social Restrictions] // *Социальная психология и общество*. Т. 13. №4. С. 182–199. DOI: 10.17759/sps.2022130411.
- Баканач А.О. (2016). Социальные проекты как механизм вовлечения молодёжи в общественную активность [Bakanach A.O. (2016). Social Projects as a Mechanism for Engaging Youth in Civic Activity] // *Вестник университета*. Т. 7. № 8. С. 259–262.
- Бекшенёва А.А., Ягодка Н.Н. (2020). Политическая и неполитическая формы участия граждан в общественной жизни России [Bekshenyeva A.A., Yagodka N.N. (2020). Political and Non-Political Forms of Citizens' Participation in Public Life in Russia] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. Т. 7. №1. С. 25–35. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-1-25-35.
- ВЦИОМ (2022a). Ценности молодёжи [WCIOM (2022a). Youth values]. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 01.07.2024).
- ВЦИОМ (2022b). Общественная активность молодёжи [WCIOM (2022 b). Public Activity of Youth]. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obshchestvennaja-aktivnost-molodezhi> (дата обращения: 01.07.2024).
- Григорьева М.В., Шаров А.А., Заграничный А.И. (2022). Структура и мотивация социальной активности и её соотношение с гражданским самосознанием молодёжи [Grigoryeva M.V., Sharov A.A., Zagranichny A.I. (2022). Structure and Motivation of Social Activity and Its Relationship with Civic Consciousness of Youth] // *Социальная психология и общество*. Т. 13. № 1. С. 142–158. DOI: 10.17759/sps.2022130109.
- Ермолаева П., Ермолаева Ю., Башева О. (2020). Цифровой экологический активизм как новая форма экологического участия населения [Ermolaeva P., Ermolaeva Yu., Basheva O. (2020). Digital environmental activism as a new form of environmental participation of the population] // *Социологическое обозрение*. Т. 19. № 3. С. 376–408. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-376-408.

- Зайцева М.А. (2016). Воспитание социальной активности молодежи: исторический опыт и современность [Zaitseva M. A. (2016). Fostering Social Activity among Yoëth: Historical Experience and Modernity] // Сб. мат-лов XIX Международной конференции «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». — Екатеринбург: УрФУ. С. 2099–2110.
- Захарова В.А. (2020). Перспективы исследования экологического поведения российской молодёжи: методологические аспекты [Zakharova V. A. (2020). Prospects for Studying Environmental Behavior of Russian Youth: Methodological Aspects] // *Гуманитарий Юга России*. Т. 9. № 3. С. 118–129. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.3.8.
- Зубок Ю.А., Березутский Ю.В. (2020). Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции [Zubok Yu. A., Berezutsky Yu. V. (2020). Social Activity of Youth: Worldview Foundations of Self-Regulation] // *Власть и управление на Востоке России*. Т. 91. № 2. С. 89–105.
- Костина Е.Ю., Орлова Н.А. (2022). Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодёжи [Kostina E. Yu., Orlova N. A. (2022). Social activity and social responsibility in perceptions and practices of modern youth] // *Вестник Института социологии*. Т. 13. № 1. С. 129–143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778.
- Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В., Нятина Н.В., Бурмакина А.Л. (2021). Реактивные социальные и политические взаимодействия в инновационных процессах регионов России [Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Orlova A.V., Nyatina N.V., Burmakina A.L. (2021). Reactive social and political interactions in the innovation processes of Russian regions] // *Власть и управление на Востоке России*. Т. 95. № 2. С. 86–102. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-95-2-86-102.
- Лебедева Л.Г. (2019). Социальная ответственность в динамике общественного сознания поколений россиян [Lebedeva L.G. (2019). Social Responsibility in the Dynamics of Public Consciousness of Russian Generations] // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. Т. 19. № 3. С. 260–265. DOI: 10.18500/1818-9601-2019-19-3-260-265.
- Маслодудова Н.В. (2023). Социальная активность молодёжи в условиях неопределённости [Maslodudova N.V. (2023). Social activity of young people in conditions of uncertainty] // *Социология*. № 3. С. 110–119. DOI: 10.18411/tmio-2023-19.
- Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития [Nikovskaya L.I., Skalaban I.A. (2017). Civic Participation: Features of Discourse and Trends of Real Development] // *Полис. Политические исследования*. Т. 26. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04.
- Омельченко Е.Л. (2005). Молодёжный активизм в России и глобальные трансформации его смысла [Omelchenko E.L. (2005). Youth Activism in Russia and Global Transformations of Its Meaning] // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 3. № 1. С. 59–86.
- Осипова Н.Г., Елишев С.О. (2021). Социальное неравенство и молодёжь: ключевые тренды 2020 г. [Osipova N.G., Elishev S.O. (2021). Social Inequality and Youth: Key Trends of 2020] // *Вестник Московского университета. Социология и политология*. Т. 27. № 2. С. 7–25. DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-2-7-25.
- Парма Р.В. (2021). Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах [Parma R.V. (2021). Public Activism of Russian Citizens in Offline and Online Spaces] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 6. С. 145–170. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2042.
- Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. (2014). Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия [Petukhov V.V., Barash R.E., Sedova N.N., Petukhov R.V. (2014). Civic Activism in Russia: Motivation, Values, and Forms of Participation] // *Власть*. № 9. С. 11–19.
- Подъячев К.В., Халий И.А. (2020). Государственная молодёжная политика в современной России: концепт и реалии [Podyachev K. V., Khaliy I. A. (2020). State Youth Policy in Modern Russia: Concept and Realities] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276.
- Седова Н.Н. (2014). Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база [Sedova N.N. (2014). Civic Activism in Modern Russia: Formats, Factors, Social Basis] // *Социологический журнал*. Т. 2. С. 48–71.
- Селезнева А.В., Зиненко В.Е. (2020). Политическая активность российской молодёжи: современные тенденции развития [Selezneva A. V., Zinenko, V. E. (2020). Political Activity of Russian Youth: Modern Development Trends] // *Вестник Московского государственного областного университета*. № 2. С. 192–208. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1012.
- Соколова Е.С. (2011). Социальная активность современной российской молодёжи [Sokolova E.S. (2011). Social Activity of Modern Russian Youth] // *Знание. Понимание. Умение*. № 1. С. 197–202.
- Сохадзе К.Г. (2017). Социальная активность Российской молодёжи: масштабы и факторы сдерживания [Sokhadze K.G. (2017). Social Activity of Russian Youth: Scales and Restraining Factors] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 17. № 3. С. 348–363. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-348-363.
- Шамионов Р.М. (2018). Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы [Shamionov R.M. (2018). Social Activity of the Individual and Group: Definition, Structure, and Mechanisms] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. Т. 15. № 4. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.

- Шамионов Р.М. (2020). Соотношение социальной активности и удовлетворённости базовых психологических потребностей, субъективного благополучия и социальной фрустрированности молодёжи [Shamionov R.M. (2020). The Relationship Between Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-Being, and Social Frustration in Youth] // *Сибирский психологический журнал*. № 77. С. 176–195. DOI: 10.17223/17267080/77/9.
- Шамионов Р.М., Григорьева М.В. (2019). Методика диагностики компонентов социально-ориентированной активности [Shamionov R. M., Grigoryeva M. V. (2019). Methodology for Diagnosing Components of Socially-Oriented Activity] // *Сибирский психологический журнал*. № 74. С. 26–41. DOI: 10.17223/17267080/74/2.
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. (2022). Роль ценностей в приверженности молодёжи различным видам социальной активности [Shamionov R.M., Bocharova E.E., Nevskiy E.V. (2022). The Role of Values in Youth Commitment to Different Types of Social Activity] // *Социальная психология и общество*. Т. 13. № 1. С. 124–141. DOI: 10.17759/sps.2022130108.
- Щебланова В.В., Логинова Л.В., Зайцев Д.В., Сурков И.Ю. (2020). Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе [Shcheblanova V.V., Loginova L.V., Zaitsev D.V., Surkov I.Yu. (2020). Student Civic Activism: Risk of Destructive Manifestations in the Volga Region] // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. Т. 20. № 3. С. 595–610. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-595-610.
- Blake D.E. (2001). Contextual Effects on Environmental Attitudes and Behavior // *Environment and Behavior*. Vol. 33. No. 5. Pp. 708–725. DOI: 10.1177/00139160121973205.
- Bogomolov O. (2005). Economy and social environment // *Ekonomski pregled*. Vol. 56. No. 12. Pp. 1237–1252.
- Burbank M.J. (1997). Explaining Contextual Effects on Vote Choice // *Political Behavior*. Vol. 19. No. 2. Pp. 113–132. DOI: 10.1023/a:1024806024732.
- Cappelli P., Sherer P. D. (1991). Managerial promotion: The effect of socialization, specialization and gender // *Industrial and Labor Relations Review*. Vol. 42. Pp. 77–88.
- Fuchs Ch. (2006). The self-organization of social movements // *Systemic Practice and Action Research*. Vol. 19. No. 1. Pp. 101–137. DOI: 10.1007/s11213-005-9006-0.
- Gatawa G. (2022). The Effect of Social Factors to Economic Growth // *Advance*. DOI: 10.31124/advance.19397081.v1.
- Gerrig R.J., Zimbardo P.G. (2002). *Psychology and Life* (16th ed.). — Boston: Allyn & Bacon.
- Heyes A., King B. (2020). Understanding the Organization of Green Activism: Sociological and Economic Perspectives // *Organization & Environment*. Vol. 33. No 1. Pp. 7–30. DOI: DOI: 10.1177/1086026618788859.
- Johns G. (2006). The essential impact of context on organizational behavior // *Academy of Management Review*. Vol. 31. No. 2. Pp. 386–408. DOI: 10.5465/amr.2006.20208687.
- Kanfer R. (2009). Work motivation: Identifying use-inspired research directions // *Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 2(1). Pp. 77–93. DOI: 10.1111/j.1754-9434.2008.01112.x.
- Kanfer R., Chen G., Pritchard R. D. (2008). The three C's of work motivation: Content, context, and change // *Work Motivation*. — London: Routledge. Pp. 30–45.
- Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. (2017). Imagining young adults' citizenship in Russia: from fatalism to affective ideas of belonging // *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. Pp. 252–267. DOI: 10.1080/13676261.2016.1206862.
- Mergler A. (2017). Personal responsibility: an integrative review of conceptual and measurement issues of the construct // *Research Papers in Education*. Vol. 32. No. 2. Pp. 254–267. DOI: 10.1080/02671522.2016.1225801.
- Meyer R.D., Dalal R.S. (2009). Situational strength as a means of conceptualizing context // *Industrial and Organizational Psychology*. Vol. 2. No. 1. Pp. 99–102. DOI: 10.1111/j.1754-9434.2008.01114.x.
- Mischel W., Shoda Y. (1995). A cognitive-affective system theory of personality: reconceptualizing situations, dispositions, dynamics, and invariance in personality structure // *Psychological Review*. Vol. 102. No. 2. Pp. 246. DOI: 10.1037/0033-295x.102.2.246.
- Ozili P.K. (2020). Financial stability: does social activism matter? // *Journal of financial regulation and compliance*. Vol. 28. No. 2. Pp. 183–214. DOI: 10.1108/JFRC-08-2018-0118.
- Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2013). The social psychology of protest // *Current Sociology*. Vol. 61. No. 5–6. Pp. 886–905. DOI: 10.1177/0011392113479314.
- Wray-Lake L., Syvertsen A.K. (2011). The developmental roots of social responsibility in childhood and adolescence // *New Directions for Child and Adolescent Development*. Vol. 134. Pp. 11–25. DOI: 10.1002/cd.308.
- Zagefka H., Brown R. (2002). The relationship between acculturation strategies, relative fit and intergroup relations: immigrant-majority relations in Germany // *European Journal of Social Psychology*. Vol. 32. No. 2. Pp. 171–188. DOI: 10.1002/ejsp.73.

Ефимова Полина Андреевна

linepd@mail.ru

Polina Efimova

Intern Researcher of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

linepd@mail.ru

Лепшокова Зарина Хизировна

taimiris@yandex.ru

Zarina Lepshokova

PhD (psychology), Chief Research Fellow of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

taimiris@yandex.ru

Яшина Анастасия Геннадьевна

agiashina@edu.hse.ru

Anastasiia Iashina

Intern Researcher of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

agiashina@edu.hse.ru

Попов Евгений Владимирович

jack.popov1@yandex.ru

Evgenii Popov

Intern Researcher of the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

jack.popov1@yandex.ru

Титов Александр Сергеевич

atitov@hse.ru

Aleksandr Titov

Intern Researcher at the Center for Socio-Cultural Studies of the National Research University Higher School of Economics (Moscow)

atitov@hse.ru

THE SOCIAL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH: CONTEXTUAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS²

Abstract. Despite the existing stereotype about the passivity of Russian youth toward social issues, the realities of modern Russia reveal an opposite trend, which is largely observed within the realm of non-political activity among young people. This study focuses on the social activity of youth, its relationship with social responsibility, and the social context of the country, analyzed through the lens of its perception and attitudes toward it. In terms of perception and attitudes, particular attention is given to examining the role of the perceived «real» and expected «ideal» social contexts, as well as the gap between them in shaping the social activity and responsibility of Russian youth. The study sample included 821 Russians aged 15 to 35 (285 men and 536 women), predominantly from Moscow and Kazan. The research was conducted in 2021 through an online survey. The author's methodology covered three key areas of social activity: environmental issues, social inequality, and politics. Validated scales were used to assess the perceived and expected social context of the country, as well as the level of social responsibility. The results underscored the importance of the influence of the perceived «real» and expected «ideal» contexts of the country on the level of social activity among youth. Respondents who evaluated the «real» social context of the country as problematic and perceived the state's approach to issues of environmental protection, social inequality, and politics as insufficient demonstrated higher levels of social activity. At the same time, the expected «ideal» context was not directly related to social activity but influenced it indirectly through social responsibility. Furthermore, data analysis revealed that the greater the gap between the perceived «real» and expected «ideal» contexts of the country, the higher the level of social activity among youth.

Keywords: *social activity, social responsibility, perceived social context, expected social context, youth.*

JEL: Y8, Z13, Z19.

² This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Л. Римский

старший преподаватель, Московский психолого-социальный университет (Москва)

СПРАВЕДЛИВОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЦЕННОСТЬ И КАК РЕАЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН (Часть 2. Принципы справедливости в социальном государстве)¹

Аннотация. В статье приведено окончание характеристики результатов исследования справедливого социального государства в нашей стране. В результате анализа получено подтверждение того, что уровень развития социального государства в России является недостаточным, по мнениям и оценкам респондентов. Об этом российские граждане судят по наличию многих задач, которые государство должно решать эффективнее, а также по проблеме обеспечения справедливости государством в разных сферах жизни. Фокус-группы и массовый анкетный опрос показали существенное несовпадение оценок респондентами желаемых и реально применяемых государством принципов справедливости для нескольких модельных ситуаций. Корреляционный анализ по данным массового анкетного опроса показал весьма слабые статистические связи между оценками респондентами их ожиданий и реальности в применении государством всех без исключения принципов справедливости, включённых в исследование. В таких условиях и гражданам, и органам государственной власти практически невозможно понять, как именно государство должно применять принципы справедливости, чтобы они соответствовали ожиданиям граждан. Если к этому добавить, что поддержка принципов справедливости различается в разных поколениях, а также в различных социальных группах, то необходимо признать сложность комплекса этих проблем. Одновременно актуализируется задача устранения российским государством противоречия между представлениями граждан о справедливости и социальной реальностью.

Ключевые слова: *справедливое социальное государство, характеристики социального государства, справедливость, принципы справедливости, социальные проблемы.*

JEL: D70, D71, D73, H10, H70

УДК: 316.3, 316.47, 334.02

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_127_146

© В.Л. Римский, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Римский В.Л.* Справедливое социальное государство как ценность и как реальность для российских граждан (Часть 2. Принципы справедливости в социальном государстве) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 127–146. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_127_146.

FOR CITATION: *Rimskiy V.* A Fair Social State as a Value and as a Reality for Russian Citizens (Part 2. Fairness Principles in a Social State) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki.* 2025. No. 1. Pp. 127–146. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_127_146.

¹ Статья подготовлена по результатам исследовательского проекта № 123091200057-8, который в 2023–2024 гг. выполнялся в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

В предыдущей статье были описаны методология и методика проведённого исследования. По его данным были представлены мнения и оценки российских граждан относительно того, каковы характеристики нашего социального государства, степени его развитости, а также о том, какой должна быть наилучшая модель и к какой модели российское социальное государство ближе [Римский, 2024].

В задачи этого исследования входил также анализ того, как российские граждане оценивают желательные для них и реально применяемые государством принципы справедливости в различных ситуациях.

Принципы справедливости в действиях государства

В обсуждениях на фокус-группах различных социальных проблем и вариантов их решений представители всех трёх поколений ссылались на необходимость обеспечения справедливости в обществе и государстве. Как было показано в первой статье [Римский, 2024], в ассоциациях участников фокус-групп с государством и социальным государством присутствовала справедливость как необходимое качество. Эти особенности суждений, а потому и особенности сознания участников фокус-групп были вполне ожидаемы, потому что в предшествовавших исследованиях была установлена высокая ценность справедливости для российских граждан. Одновременно респонденты ожидают обеспечения справедливости почти исключительно от государства [Римский 2019. С. 502].

Для признания гражданами справедливыми действий и решений государства их принципы должны оцениваться как справедливые. Поэтому в новом исследовании было предложено как участникам фокус-групп, так и респондентам массового анкетного опроса оценить, какие принципы они считают необходимыми для обеспечения справедливости в тех или иных ситуациях и для поддержки тех или иных категорий граждан. А затем — оценить, какие принципы реально применяет государство в таких случаях.

В социальных взаимодействиях гражданам приходится оценивать справедливость и несправедливость самых разнообразных ситуаций. Они столь многочисленны, что их невозможно охватить любым исследованием. Но принципы справедливости применяются индивидами для достижения согласия в оценивании ситуаций и направлены на выявление того, что является справедливым порядком и общим благом для тех, кого эти ситуации касаются [Болтански, Тевено 2013. С. 40–41]. Такое применение принципов справедливости возможно только при условии их понимания с единых социокультурных позиций всеми, кто пытается договориться о справедливости. Применённое в исследовании сравнительно небольшое число принципов справедливости, посильных для оценивания его участниками, позволило выявить сходства и различия поколений в их социокультурных позициях. В итоге в них оказалось больше сходств, чем различий, хотя и различия в некоторых случаях были существенными.

Ситуации для оценивания принципов справедливости в них также были специально отобраны в соответствии с их значимостью для граждан и достаточным разнообразием, чтобы проявились различия в использовании этих принципов разными поколениями россиян и различными социальными группами. Но и разнообразие ситуаций не могло превышать возможности участников фокус-групп и респондентов анкетного опроса в оценивании принципов справедливости в них за реальные промежутки времени. По этим причинам, как было описано в предыдущей статье, участникам исследования для оценивания предлагались модельные, а не реальные ситуации, которые формулировались как так называемые «виньетки» с комплексами социальных характеристик [Римский, 2024. С. 179]. Такие комплексы сводили разнообразие характеристик реальных ситуаций к относительно небольшому числу вариантов. Методика использования виньеток для эмпирической части

исследования была выбрана ещё и потому, что темы справедливости и проблемы её обеспечения нередко являются чувствительными для российских граждан. Им легче оценивать принципы справедливости в гипотетических или модельных ситуациях, которыми и являются виньетки [Пузанова, Тертышникова, 2015].

На фокус-группах по соответствующим виньеткам предлагалось с обоснованиями своих суждений указать, должно ли государство применять соответствующий принцип справедливости, а потом — применяет ли оно его реально. В массовом анкетном опросе по каждой виньетке также задавались аналогичные вопросы, но респондентам предлагалось оценивать принципы справедливости (как должные, так и реализуемые государством) по семибалльным шкалам. Эти шкалы оценок были однотипными и включали градации: а) от «никогда не должно» до «обязательно должно» (средняя оценка формулировалась как «в одних случаях должно, в других не должно») для оценок должного; б) от «никогда не применяет» до «обязательно применяет» (средняя оценка формулировалась как «в одних случаях применяет, в других не применяет») для оценок реального в действиях государства.

Анализ данных массового анкетного опроса осуществлялся не только для реализованной выборки в целом, но и для каждого из трёх крупных поколений, определённых при разработке методики проведения исследования. Эти поколения были определены несколько условно как советское (социализация прошла в советский период, ныне оно в возрасте от 61 года и выше), позднее советское (социализация проходила в поздний советский период и до распада СССР, ныне в возрасте от 35 до 60 лет) и постсоветское (социализация проходила в постсоветский период после распада СССР, ныне возраст включённых в исследование от 18 до 34 лет) [Римский, 2024. С. 180].

В табл. 1 приводятся формулировки модельных ситуаций и принципов справедливости в них, а также указывается, к какому миру справедливости по Болтански и Тевено [Болтански, Тевено 2013. С. 252–328; Ковенева 2008. С. 11–14; Наумова 2014. С. 248] принадлежит каждый принцип (с добавлением мира советского социализма).

Таблица 1

Модельные ситуации и принципы справедливости, которые предлагались респондентам для оценивания²

№	Описания модельных ситуаций и принципы справедливости в них	Миры справедливости по Болтански и Тевено
1. Обеспечение справедливых размеров пенсий по возрасту		
1	В соответствии с заслугами гражданина перед государством и обществом	Патриархальный мир и как при социализме
2	В соответствии с социальным статусом, т.е. должностью и местом работы	Патриархальный мир и как при социализме
3	Используя солидарность поколений, отчисления работающих в Пенсионный фонд на свои пенсии используются для выплат находящимся на пенсии	Гражданский мир
4	Благополучие на пенсии определяется накопленным богатством гражданина	Рыночный мир
5	Пенсии всем поровну, размеры пенсий несильно отличаются для разных граждан	Как при социализме

² Формулировки этих принципов приводятся для оценивания должного, они подвергались небольшому редактированию для согласования смыслов при оценивании реального. Указаны также миры справедливости по Болтански и Тевено, соответствующие каждому критерию (социалистические принципы были добавлены к совокупности их миров в некоторых случаях).

№	Описания модельных ситуаций и принципы справедливости в них	Миры справедливости по Болтански и Тевено
6	Размеры пенсий определяются с учётом достижений в труде, а не только по стажу	Индустриальный мир
7	Используя пенсионные накопления для развития экономики и повышения доходов госбюджета	Рыночный мир
8	Пенсии в соответствии с накопленными отчислениями в Пенсионный фонд РФ	Рыночный мир
2. Обеспечение справедливого доступа к квалифицированной медицинской помощи		
1	В соответствии с заслугами гражданина перед государством и обществом	Патриархальный мир и как при социализме
2	В соответствии с социальным статусом, т.е. должностью и местом работы	Патриархальный мир
3	Используя солидарность граждан, когда выплаты в фонды обязательного медицинского страхования одних используются для оплаты лечения других	Гражданский мир
4	В соответствии с имеющимся богатством, более богатые должны иметь больше возможностей доступа к квалифицированной медицинской помощи	Рыночный мир
5	Всем поровну, доступ к медицинской помощи должен быть одинаковым для всех граждан	Как при социализме
6	Доступ к медицинской помощи с учётом достижений в труде, чем больше пользы принёс человек, тем больше у него возможностей доступа к медицинской помощи	Индустриальный мир
7	Развивая рыночные отношения в предоставлении квалифицированной медицинской помощи	Рыночный мир
8	Доступ к медицинской помощи в соответствии с размерами бюджетов регионов, городов, посёлков проживания граждан	Рыночный мир
3. Обеспечение справедливых размеров выплат семьям с детьми		
1	По заслугам родителей перед государством и обществом	Патриархальный мир
2	В соответствии с социальным статусом родителей, т.е. их должностями и местами работы	Патриархальный мир
3	Используя солидарность семей, когда семьи без детей уплачивают налог, из которого идут выплаты семьям с детьми	Гражданский мир и как при социализме
4	В соответствии с имеющимся богатством, более бедные семьи должны получать от государства выплаты больших размеров, чем богатые семьи	Рыночный мир
5	Всем поровну, выплаты от государства должны быть одинаковы для всех семей с детьми	Как при социализме
6	С учётом достижений в труде, чем больше пользы принёс человек, тем больше выплаты его семье с детьми	Индустриальный мир
7	Обеспечивая развитие экономики и экономию госбюджета за счёт роста занятости родителей и адресных выплат семьям с детьми	Рыночный и индустриальный миры
8	Размеры выплат в соответствии с размерами бюджетов регионов, городов, посёлков проживания семей с детьми	Рыночный мир

№	Описания модельных ситуаций и принципы справедливости в них	Миры справедливости по Болтански и Тевено
4. Обеспечение справедливого доступа к качественному профессиональному (среднему и высшему) образованию молодёжи		
1	По заслугам родителей молодёжи перед государством и обществом	Патриархальный мир
2	В соответствии с социальным статусом родителей молодёжи, т.е. их должностями и местами работы	Патриархальный мир
3	Используя солидарность семей, когда богатые семьи уплачивают специальный налог, из которого оплачивается получение профессионального образования (среднего и высшего) молодёжи из малообеспеченных семей	Гражданский мир
4	В соответствии с имеющимся богатством, когда более богатые семьи должны иметь больше возможностей дать образование своим детям	Рыночный мир
5	Равный доступ к качественному образованию для всей молодёжи	Как при социализме
6	С учётом достижений в труде, чем больше пользы принесли родители в труде, тем больше возможностей доступа к качественному образованию у их детей	Индустриальный мир
7	Обеспечивая развитие рыночных отношений в системе образования	Рыночный мир
8	В соответствии с размерами бюджетов и расположением регионов, городов, посёлков проживания граждан определяются возможности доступа их детей к качественному профессиональному образованию	Рыночный мир
5. Справедливое обеспечение граждан доступным жильём		
1	Заслуги перед государством и обществом определяют возможности иметь достойные жилищные условия	Патриархальный мир и как при социализме
2	Возможности иметь достойные жилищные условия определяются в соответствии с социальным статусом, т.е. должностями и местами работы	Патриархальный мир и как при социализме
3	Используя солидарность граждан, когда богатые уплачивают налог, из которого оплачивается обеспечение достойных жилищных условий бедным и малообеспеченным гражданам	Гражданский мир
4	В соответствии с имеющимся богатством, когда у более богатых должно быть больше возможностей иметь достойные жилищные условия	Рыночный мир
5	Всем поровну, достойные жилищные условия должны быть у всех граждан	Как при социализме
6	С учётом достижений в труде, чем больше пользы принёс гражданин в труде, тем больше у него возможностей иметь достойные жилищные условия	Индустриальный мир
7	Обеспечивая развитие рыночных отношений в строительном комплексе	Рыночный мир
8	В соответствии с размерами бюджетов и расположением регионов, городов, посёлков проживания граждан определяются их возможности иметь достойные жилищные условия	Рыночный мир

Использование только пяти ситуаций, принципы справедливости в которых предлагалось оценить респондентам массового анкетного опроса, определялось ограничениями методики такого опроса. Было очень важно, чтобы респонденты не потеряли интерес к оцениванию принципов справедливости и осуществляли его осознанно. Безусловно, в реальности намного больше и ситуаций, и принципов справедливости, которые в них применяются. Но и набор ситуаций и принципов справедливости из табл. 1 позволил провести анализ желаемого и реального в обеспечении справедливости государством по оценкам граждан. Существенность таких различий была оценена по двустороннему статистическому критерию Вилкоксона, поскольку этот критерий позволяет выявить статистически значимые сдвиги балльных оценок должного и реального использования принципов справедливости у одних и тех же респондентов. Результаты вычислений значений этого критерия приведены в табл. 2. Вычисления осуществлялись в системе статистического анализа IBM SPSS Statistics, вероятность ошибки поддержки соответствующих гипотез обозначалась p .

Таблица 2

Различия между должным и реальным в модельных ситуациях обеспечения справедливости по мнениям респондентов*

1. Обеспечение справедливых размеров пенсий по возрасту								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Z	-27,540	-5,034	-9,971	-12,438	-17,131	-23,806	-8,692	-7,308
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>По каждому поколению в отдельности:</i>								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Z	-12,354	-0,626	-5,439	-6,196	-11,027	-11,884	-3,575	-3,860
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,532	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Z	-22,269	-5,006	-7,240	-9,867	-13,943	-19,118	-7,778	-5,109
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Z	-10,249	-3,874	-4,373	-4,416	-1,158	-7,846	-2,090	-3,943
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,247	0,000	0,037	0,000
2. Обеспечение справедливого доступа к квалифицированной медицинской помощи								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Z	-14,140	-25,139	-0,820	-27,877	-32,343	-8,611	-15,519	-21,432
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,412	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Z	-5,852	-9,793	-0,661	-13,494	-15,637	-3,882	-3,943	-8,698
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,509	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Z	-11,190	-20,781	-0,969	-22,066	-25,970	-6,991	-13,009	-17,385
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,332	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Z	-6,512	-10,209	-0,830	-10,160	-11,083	-3,212	-8,510	-9,348
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,407	0,000	0,000	0,001	0,000	0,000
3. Обеспечение справедливых размеров выплат семьям с детьми								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Z	-9,622	-13,853	-1,655	-11,401	-19,333	-10,963	-19,155	-10,234
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,098	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Z	-4,708	-5,985	-1,688	-3,317	-11,387	-5,792	-8,274	-2,545
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,091	0,001	0,000	0,000	0,000	0,011
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Z	-7,179	-11,555	-1,804	-9,924	-15,301	-8,423	-15,867	-9,012
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,071	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Z	-4,585	-5,048	-3,019	-5,570	-3,765	-3,987	-7,066	-5,147
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,003	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
4. Обеспечение справедливого доступа к качественному профессиональному (среднему и высшему) образованию молодежи								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Z	-15,451	-24,805	-10,095	-24,084	-31,064	-12,638	-13,780	-16,151
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Z	–4,253	–9,463	–2,257	–10,793	–14,764	–2,744	–3,512	–6,586
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,024	0,000	0,000	0,006	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Z	–13,335	–20,692	–9,340	–19,403	–25,012	–11,562	–11,950	–13,083
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Z	–7,391	–10,032	–4,938	–9,255	–10,804	–6,082	–6,694	–7,151
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
5. Справедливое обеспечение граждан доступным жильём								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Z	–1,436	–21,149	–16,903	–20,984	–31,295	–16,402	–12,349	–2,230
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,151	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,026
По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Z	–,904	–6,752	–4,615	–9,129	–15,082	–6,766	–5,222	–0,511
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,366	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,609
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Z	–2,001	–18,516	–15,223	–17,325	–25,154	–13,619	–10,358	–1,739
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,045	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,082
<i>От 61 года (советское)</i>								
Z	–0,974	–8,529	–7,039	–7,671	–10,847	–6,480	–4,376	–1,777
Asymp. Sig. (2-tailed)	0,330	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,076

* Различия должного и реального оценивались для одних и тех же принципов справедливости по двустороннему критерию Вилкоксона, сначала для всей выборки, затем для каждого поколения в отдельности. Расчёты осуществлялись на полной достигнутой выборке в 1913 респондентов, большой размер которой обеспечивает хорошее приближение дискретной статистики критерия Вилкоксона нормально распределённой непрерывной статистикой, обозначенной Z . Величина Z показывает существенность различий, под ней приводится вероятность ошибки признания различий статистически значимыми. Принципы справедливости для каждой ситуации обозначены их номерами из предыдущей табл. 1.

Источник: расчёты автора по данным исследования.

В данных табл. 2 статистически значимыми следует считать различия ожидаемого и реального применения принципа справедливости, если вероятность ошибки меньше 0,01. Таких клеток в таблице подавляющее большинство, что может интерпретироваться как выявление статистически значимого несоответствия ожиданий граждан от применений государством принципов справедливости с тем, что они наблюдают в действительности. Такие несоответствия в большинстве случаев согласованно отмечали представители всех трёх поколений. Тем не менее в некоторых случаях вероятности ошибок признания различий ожидаемого и реального оказались больше 0,01. В этих случаях признавать такие различия не следует, что можно интерпретировать как большее или меньшее соответствие ожиданий граждан от действий государства. Чем руководствовались респонденты в оценивании должного и реального применения принципов справедливости в некоторых случаях можно было объяснить на основе суждений участников фокус-групп, поскольку они оценивали те же принципы справедливости и в тех же модельных ситуациях.

Ниже описаны выявленные в исследовании причины только случаев высоких вероятностей ошибок, свидетельствующих об отсутствии существенных различий должного и реализуемого государством, а также, наоборот, некоторые статистически значимые различия оценок поколений.

При обсуждении модельной ситуации обеспечения справедливых размеров пенсий по возрасту на фокус-группах все три поколения сошлись во мнениях, что размеры таких пенсий в нашей стране несправедливо малы, большинству пенсионеров их пенсий не хватает для нормальной жизни. Этим объясняется статистически значимое для всей выборки несоответствие ($p < 0,001$) оценок респондентами опроса ожидаемого и реального применения всех принципов справедливости для определения размеров пенсий по возрасту. Но в анкетном опросе были обнаружены и некоторые различия в оценках отдельных принципов справедливости у представителей разных поколений.

Молодёжь в анкетном опросе не указала существенных различий своих ожиданий и реальности в применении государством второго из этих принципов — об учёте социального статуса, что стало подтверждением суждений молодёжи на фокус-группе. Её участники отмечали, что государство во многом применяет этот принцип так, как молодёжь считала справедливым, а именно, при соответствии социального статуса достижениям в труде, заслугам перед обществом и государством. Среднее, позднесоветское, и старшее, советское, поколения независимо друг от друга на своих фокус-группах в этом с молодёжью не соглашались. Они утверждали, что государство учитывает социальные статусы при назначении пенсий по возрасту, но не всегда справедливо. Так, представители старшего советского поколения утверждали, что государство даёт повышенные по размерам пенсии бывшим начальникам, что бывает справедливым при их большом трудовом вкладе, но это соответствует действительности отнюдь не для всех начальников. И что государство должно учитывать невысокие социальные статусы, повышая пенсии, например, инвалидам. Этим определяется указание существенных статистических различий ожидаемого и должного по этому принципу справедливости респондентами советских поколений в массовом опросе.

У респондентов массового опроса из старшего, советского, поколения не были существенными различия между должным и реализуемым государством пятого принципа назначения пенсий по возрасту о том, что они должны быть примерно равными. Причина была выявлена на фокус-группе с советским поколением. Его представители утверждали, что государство частично применяет этот принцип и что они против существенных различий в уровнях пенсий для разных категорий граждан, но только при условии достойного уровня жизни для всех. С этой оговоркой назначение примерно равных пенсий по возрасту для всех граждан соответствует ожиданиям советского поколения, что и проявилось в массовом анкетном опросе.

В массовом анкетном опросе у старшего советского поколения (в отличие от двух других) различия ожидаемого и реального в применении принципа 7 об использовании пенсионных накоплений для развития экономики и повышения доходов госбюджета оказались значимыми только на уровне $p < 0,05$. Объяснение также было представлено в дискуссии на фокус-группе с этим, советским, поколением. Её участники объясняли, что при использовании пенсионных накоплений в качестве инвестиций в экономику вследствие коррупции не получится ни экономического роста, ни повышения доходов госбюджета. Ведь, скорее всего, в таких условиях пенсионные накопления нелегальными способами обогатят отдельных граждан, что уже было в постсоветской истории России. Представители других поколений на своих фокус-группах подобных суждений не высказывали.

Обсуждение модельной ситуации о назначении пенсий по возрасту на всех фокус-группах заканчивалось дополнительным вопросом о том, насколько справедливо поступает государство, отказавшись индексировать в соответствии с инфляцией пенсии работающим пенсионерам. Представители всех поколений независимо друг от друга сошлись во мнении, что это несправедливо. Работающие пенсионеры свою пенсию зарабатывали, а её размер у большинства не адекватен их расходам, что ещё и усугубляется с каждым годом из-за роста цен.

Высокий уровень согласия как в оценках респондентов массового анкетного опроса, так и у участников фокус-групп был достигнут при обсуждении второй модельной ситуации об обеспечении справедливого доступа к квалифицированной медицинской помощи. В этой сфере ожидания граждан во многом расходятся с наблюдаемой ими реальностью. В опросе респонденты из всех поколений отметили существенные статистические различия своих ожиданий и реальности в применении государством всех принципов справедливости, кроме третьего — принципа солидарности граждан в формировании и использовании фондов обязательного медицинского страхования, благодаря которым здоровые оплачивают лечение больных. Этот третий принцип согласованно оценивали как обеспечение справедливости от государства участники всех фокус-групп, но только при условии получения больными достаточно адекватных выплат на своё лечение, а это сейчас обеспечивается не всегда. Кроме того, всеми поколениями на фокус-группах независимо друг от друга отмечалось ощутимое неравенство в доступности и качестве медицинских услуг в зависимости от проживания гражданина в тех или иных населённых пунктах и регионах. В небольших городах и небогатых регионах и доступность, и качество медицинских услуг хуже, чем в региональных центрах и мегаполисах, что несправедливо. Все поколения были убеждены в необходимости обеспечения каждого гражданина качественной медицинской помощью, вне зависимости от его социального статуса, дохода, места проживания и прочих социальных характеристик. При этом справедливыми признавались и дополнительные социальные гарантии в оказании медицинских услуг представителям опасных профессий, например военнослужащим и шахтёрам.

Довольно высоким был уровень согласия оценок представителей всех поколений, как среди респондентов массового анкетного опроса, так и среди участников фокус-групп, по третьей модельной ситуации об обеспечении справедливых размеров выплат от государства семьям с детьми. Участники всех фокус-групп согласились с тем, что уровень благосостояния семей с детьми до 16 лет в среднем ниже, чем в бездетных семьях. Молодёжь, постсоветское поколение, отмечала, что рождение и воспитание детей — это в первую очередь ответственность их родителей. Поэтому родители должны адекватно оценивать свои финансовые и другие возможности перед тем, как завести ребёнка. Но государство также должно нести ответственность перед молодыми семьями, поддерживать их, стимулировать создание семей и рождение детей. И одной финансовой помощи от государства для этого недостаточно. Например, желательно снижение расходов семей на образование детей, расширение доступа к бесплатному дополнительному образованию, включение

родителей в образовательные программы повышения уровней их психолого-педагогических знаний и умений, расширение возможностей организации досуга детей и их родителей. На фокус-группе с советским, старшим, поколением были предложения об улучшении жилищной ситуации семей с детьми через льготную ипотеку и о расширении медицинской защиты детей на базе средних школ. Все эти действия государства в сфере поддержки семей с детьми участники фокус-групп видят, но оценивают как недостаточные. Этим в анкетном опросе объясняются существенные статистические различия ожиданий и реальности в применении государством всех принципов справедливости, кроме третьего по третьей модельной ситуации о выплатах от государства семьям с детьми.

Третий принцип о солидарности семей, когда семьи без детей уплачивают налог, из которого идут выплаты семьям с детьми, частично признавался на фокус-группах реализуемым в соответствии с ожиданиями граждан. Эти ожидания реализуются в том, что государство поддерживает рождение детей, выплачивая семьям «материнский капитал». Но в этих выплатах все поколения хотели бы большей адресности и учёта ситуаций в семьях. Так, на фокус-группах отмечались недопустимые, по мнениям их участников, случаи рождения детей исключительно с целью получения материнского капитала и других выплат от государства. Какими вырастут эти дети — непонятно. Весьма вероятно, они станут проблемными для общества и государства. Поэтому неблагополучным семьям не следует выплачивать материнский капитал. Не следует его выплачивать и богатым семьям, которые и без помощи государства могут дать всё, что нужно, своим детям. По этим причинам в массовом анкетном опросе респондентами всех поколений различия ожиданий и реализации государством этого, третьего, принципа хотя и были, но оказались не очень существенными. Некоторое исключение составило советское, старшее, поколение, для которого эти различия статистически существенны ($p < 0,003$). Это соответствует определённому недовольству данного поколения нынешними выплатами семьям с детьми. Представителями этого поколения предлагались некоторые усовершенствования таких выплат, в частности, малообеспеченным семьям выплачивать больше, как и семьям с особыми трудовыми заслугами.

Обсуждение четвёртой модельной ситуации на фокус-группах с каждым поколением вызывало дискуссии о том, существует ли неравенство в доступе молодёжи к качественному профессиональному образованию и, если существует, то насколько оно является справедливым. На всех фокус-группах обсуждался, в основном, доступ к высшему профессиональному образованию. Представители молодёжи и среднего, позднесоветского, поколения обосновывали справедливость современной системы поступления в высшие учебные заведения тем, что если школьник старается, хорошо учится в средней школе, ему вполне реально поступить на бюджетное место в выбранном им вузе. При этом молодёжь ориентировалась на результаты сдачи ЕГЭ по необходимым для поступления дисциплинам, а позднесоветское поколение не на ЕГЭ, а на уровень знаний по окончании средней школы. Представители старшего, советского, поколения негативно оценивали ЕГЭ в качестве критерия поступления в вузы, высказывались за отказ от ЕГЭ и возврат к системе вступительных экзаменов в вузы, как это было в СССР.

Участники фокус-групп всех поколений независимо друг от друга сошлись во мнениях, что современная система поступления в вузы создаёт и поддерживает несправедливые неравенства в доступе к высшему образованию. Молодёжь аргументировала такой вывод наличием льгот абитуриентам, определяемых заслугами их родителей или их самих, но не связанных с уровнями их знаний и интеллектуальных умений. В пример приводились льготы военнослужащих. При этом существующие льготы инвалидам и детям из малоимущих семей оценивались молодёжью как справедливые. Представители всех поколений связывали неравенство в доступе к высшему образованию с необходимостью его оплаты, но выводы делали разные. Молодёжь видела в платном обучении также и расширение воз-

возможностей получения высшего образования для тех, кто имеет финансовые средства. Они оговаривались только, что необходимо существование как платного, так и бесплатного образования. Представители среднего, позднесоветского, поколения обосновывали неравенство доступа к высшему образованию ещё и существенными различиями в подготовке выпускников средних школ: в сельской местности она много хуже, чем в региональных центрах, а в них — существенно хуже, чем в Москве. Поэтому сейчас молодым людям из сельской местности поступить в вуз после средней школы существенно сложнее, чем их сверстникам из крупного города, тем более — из Москвы.

Представители старшего, советского, поколения не соглашались со справедливостью существования системы платного высшего образования, аргументируя это тем, что бюджетных мест сейчас мало, а потому высшее образование стало не всем доступно из-за его дороговизны. Неравенство в образовании они видели и в возможности наличия фактора коррупции в вузах — получения преподавателями взяток за оценки на экзаменах. При этом платное образование привело к тому, что студентов, которые «сдают экзамены» с помощью взяток, вузам невыгодно отчислять, ибо тогда сократятся поступления в их бюджеты от платы студентов за обучение. Такая ситуация приводит к снижению качества образования.

При обсуждении на фокус-группах четвёртой модельной ситуации справедливого доступа к высшему образованию все поколения независимо друг от друга оценили предложенные принципы справедливости как частично приемлемые для них, а частично — приводящие к несправедливым неравенствам, снижению качества образования и другим проблемам. Это объясняет полученный в массовом анкетном опросе результат: по этой проблеме у всех поколений были обнаружены существенные сдвиги желаемого и реализуемого государством для всех принципов справедливости. Некоторое исключение в опросе составили оценки молодёжью желаемого и реализуемого государством по третьему принципу — солидарности семей, предполагающей, что богатые семьи уплачивают налог, из которого оплачивается получение профессионального или высшего образования молодёжи из малообеспеченных семей ($p < 0,025$). Уровень значимости различий должного и реального по этому принципу у молодых респондентов можно считать достаточным для признания различий значимыми, но он существенно ниже, чем у других поколений. Отличие мнений молодёжи по этому принципу проявилось на фокус-группе с ней: молодёжь не соглашалась со справедливостью этого принципа. Молодые люди утверждали, что рождение и воспитание детей — это ответственность каждой семьи. И не должны одни семьи оплачивать образование представителей других семей, это несправедливо. Поэтому для молодёжи использование государством этого принципа справедливости в том виде, в каком оно осуществляет это сейчас, является несколько более приемлемым, чем для двух советских поколений.

Справедливое обеспечение граждан доступным жильём в качестве модельной ситуации с критериями справедливости на фокус-группах не обсуждалось. Причиной была ограниченность времени проведения дискуссий на фокус-группах, чтобы их участники не потеряли интерес к участию в них из-за усталости. В массовом анкетном опросе получилось, что у всех поколений оказались статистически малозначимые различия желаемого и реализуемого государством по первому и восьмому принципам справедливости. Оценки первого принципа о том, что заслуги перед государством и обществом определяют возможности иметь достойные жилищные условия, у всех поколений были разными. Но многие во всех поколениях сходились в двух вариантах оценок: либо государство в одних случаях должно, а в других не должно этот критерий применять, либо скорее должно его применять. В целом по выборке, откорректированной на демографическую структуру населения России, таких респондентов было 45%. При этом среди молодёжи — 40%, позднесоветского поколения — 46, советского — 47%. На то, что государство во многом именно так и реализует этот принцип справедливости в целом по выборке указали 46% респондентов, среди

молодёжи — 46, позднесоветского поколения — 44, советского — 48%. Как видно, во всех поколениях оценки должного и реального по данному принципу справедливости оказались весьма близкими. А это означает, что многие, хотя и не большинство, поддерживают обеспечение достойных жилищных условий по заслугам перед государством и обществом, по крайней мере, в некоторых случаях. И по их мнениям государство примерно так и действует в сфере обеспечения граждан достойным жильём. Это, безусловно, не означает признания большинством граждан, того, что жилищная проблема в нашей стране решена. Здесь мы видим признание того, что ожидания граждан в части учёта их заслуг при получении достойного жилья государство скорее реализует.

Оценки восьмого принципа о том, что возможности иметь достойные жилищные условия определяются в соответствии с размерами бюджетов и расположением регионов, городов, посёлков проживания граждан, как и для первого принципа, были различными. Но так же как и для первого принципа, многие респонденты выбирали один из двух вариантов оценки: либо государство в одних случаях должно, а в других не должно этот критерий применять, либо скорее должно его применять. Таких респондентов в целом по выборке оказалось 49%, среди молодёжи постсоветского поколения — 47, среднего позднесоветского поколения — 49, старшего советского поколения — 49%. Что же касается оценки фактического применения государством этого принципа (по тем же двум вариантам), то по всей выборке этот показатель составил 53%, среди молодёжи постсоветского поколения — 56, среднего позднесоветского поколения — 52, старшего советского поколения — 55%. Это означает, что многие респонденты из всех поколений, хотя и не большинство, поддерживали практику обеспечения государством достойного жилья в соответствии с бюджетами регионов, городов и других населённых пунктов. И уже большинство во всех поколениях отмечало, что государство в сфере обеспечения достойного жилья примерно так и действует в реальности. Поэтому в массовом анкетном опросе и получилось, что в оценках всех поколений нет существенного сдвига в оценках желаемого и реального в применении государством этого, восьмого, принципа справедливости в обеспечении граждан достойным жильём. Это означает также признание большинством граждан бюджетных ограничений в обеспечении достойным жильём как реальности, которая принимается многими, хотя и не всеми.

Статистически значимые различия в ожиданиях граждан от применения государством принципов справедливости с тем, как они реально применяются по их оценкам, показали определённую связь между оценками респондентов массового анкетного опроса ожидаемых и применяемых принципов справедливости. Для определения силы связи таких оценок респондентов был проведён их корреляционный анализ. Вычислялись корреляции Спирмена по каждой паре переменных тех же 5 модельных ситуаций для одних и тех же принципов справедливости: одна переменная пары включала оценки желаемого применения этого принципа, а вторая — оценки реального применения его государством. Применение корреляции Спирмена было выбрано потому, что все оценки респондентов всех принципов справедливости были балльными, т.е. представлявшими ранги выраженности либо желаний респондентов, либо обязательности применения по их мнениям соответствующих принципов справедливости государством. Корреляция Спирмена предназначена для анализа таких ранговых данных и при этом ещё и слабо чувствительна к возможным выбросам значений, т.е. к редким значениям, существенно отклоняющимся от общих тенденций. В табл. 3 приведены результаты соответствующих расчётов, осуществлённых в системе статистического анализа IBM SPSS Statistics. Вероятность ошибки поддержки соответствующих гипотез обозначалась *p*.

Таблица 3

Непараметрические корреляции между должным и реальным в модельных ситуациях обеспечения справедливости по мнениям респондентов*

1. Обеспечение справедливых размеров пенсий по возрасту								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Correlation Coefficient	0,102	0,009	0,225	0,281	0,171	0,198	0,101	0,203
Sig. (2-tailed)	0,000	0,702	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,201	0,217	0,327	0,263	0,218	0,217	0,162	0,257
Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,096	–0,050	0,190	0,257	0,150	0,202	0,085	0,165
Sig. (2-tailed)	0,001	0,086	0,000	0,000	0,000	0,000	0,004	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Correlation Coefficient	–0,036	–0,210	0,138	0,258	0,017	0,034	0,015	0,282
Sig. (2-tailed)	0,614	0,003	0,051	0,000	0,812	0,633	0,834	0,000
2. Обеспечение справедливого доступа к квалифицированной медицинской помощи								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Correlation Coefficient	0,282	–0,043	0,294	–0,095	–0,037	0,300	0,026	0,023
Sig. (2-tailed)	0,000	0,060	0,412	0,000	0,107	0,000	0,250	0,312
По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,472	0,151	0,366	–0,010	0,007	0,355	0,258	0,246
Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,812	0,865	0,000	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,212	–0,094	0,278	–0,121	–0,034	0,267	–0,034	–0,056
Sig. (2-tailed)	0,000	0,001	0,000	0,000	0,246	0,000	0,243	0,055
<i>От 61 года (советское)</i>								
Correlation Coefficient	0,078	–0,211	0,171	–0,147	–0,123	0,248	–0,186	–0,174
Sig. (2-tailed)	0,274	0,003	0,015	0,038	0,082	0,000	0,008	0,014

3. Обеспечение справедливых размеров выплат семьям с детьми								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Correlation Coefficient	0,397	0,159	0,388	0,121	0,178	0,389	0,220	0,151
Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,433	0,219	0,482	0,211	0,207	0,326	0,217	0,283
Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,361	0,177	0,371	0,082	0,136	0,367	0,218	0,111
Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,005	0,000	0,000	0,000	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Correlation Coefficient	0,412	–0,142	0,188	0,087	0,330	0,430	0,249	–0,011
Sig. (2-tailed)	0,000	0,045	0,008	0,219	0,000	0,000	0,000	0,882
4. Обеспечение справедливого доступа к качественному профессиональному (среднему и высшему) образованию молодёжи								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Correlation Coefficient	0,192	–0,052	0,319	–0,083	–0,085	0,259	0,080	0,138
Sig. (2-tailed)	0,000	0,024	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,358	0,092	0,336	0,010	0,090	0,338	0,274	0,250
Sig. (2-tailed)	0,000	0,030	0,000	0,882	0,035	0,000	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,127	–0,095	0,318	–0,101	–0,133	0,209	0,027	0,103
Sig. (2-tailed)	0,000	0,001	0,000	0,001	0,000	0,000	0,362	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Correlation Coefficient	0,020	–0,189	0,214	–0,216	–0,175	0,245	–0,084	–0,013
Sig. (2-tailed)	0,777	0,007	0,002	0,002	0,013	0,000	0,233	0,855

5. Справедливое обеспечение граждан доступным жильём								
Принципы справедливости	1	2	3	4	5	6	7	8
Correlation Coefficient	0,242	0,000	0,248	0,074	0,014	0,226	0,175	0,205
Sig. (2-tailed)	0,000	0,999	0,000	0,001	0,532	0,000	0,000	0,000
По каждому поколению в отдельности:								
<i>18–34 года (постсоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,334	0,177	0,384	0,153	0,107	0,338	0,242	0,287
Sig. (2-tailed)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,012	0,000	0,000	0,000
<i>35–60 лет (позднесоветское)</i>								
Correlation Coefficient	0,230	0,044	0,200	0,045	–0,023	0,186	0,163	0,209
Sig. (2-tailed)	0,000	0,132	0,000	0,128	0,425	0,000	0,000	0,000
<i>От 61 года (советское)</i>								
Correlation Coefficient	–0,006	–0,208	0,139	0,036	–0,085	0,113	0,053	–0,120
Sig. (2-tailed)	0,937	0,003	0,049	0,608	0,231	0,109	0,455	0,090

* Приводятся непараметрические корреляции Спирмена между оценками должного и реального в применении каждого принципа справедливости сначала для всей выборки, затем для каждого поколения в отдельности. Расчёты осуществлялись на полной достигнутой выборке в 1913 респондентов. Под коэффициентами корреляции приводятся двусторонние вероятности ошибок отклонения статистических гипотез об их отличиях от нулевых значений. Принципы справедливости для каждой ситуации обозначены их номерами из предыдущей табл. 2.

Источник: расчёты автора по данным исследования.

По данным табл. 3 все значения парных корреляций Спирмена связей оценок респондентами желательности и реализуемости государством всех включённых в исследование принципов справедливости оказались невысокими. Большинство коэффициентов корреляции Спирмена в табл. 3 по абсолютной величине не превышают 0,3 и только отдельные из них доходят до 0,4, максимум — до 0,472. Такие уровни корреляций Спирмена свидетельствуют о наличии слабых связей между оценками желательности и реализуемости принципов справедливости государством.

Статистическая значимость коэффициентов корреляции Спирмена, которая указана в табл. 3 под их величинами, определяет уровни вероятностей ошибок отклонений гипотез об отличиях коэффициентов корреляции Спирмена от нуля. Для большинства этих коэффициентов получились очень малые ($p < 0,01$) уровни вероятностей таких ошибок. В таких случаях коэффициенты корреляции Спирмена с высокой вероятностью следует признавать нулевыми. А как известно, нулевые значения коэффициентов корреляции Спирмена являются подтверждениями отсутствия монотонных связей между соответствующими показателями. В нашем исследовании их нулевые значения означают отсутствие монотонной зависимости в оценках граждан между должными и реализуемыми государством принципами справедливости. По этой причине очень малые ($p < 0,01$) уровни вероятностей ошибок отклонений гипотез об отличиях коэффициентов корреляции Спирмена от нуля

свидетельствуют об отсутствии в сознании респондентов понятной им зависимости реализуемого от желаемого. Ведь немонотонную зависимость балльных показателей, если она существует, непросто описать даже довольно сложными математическими инструментами. А представить её себе без необходимых математических вычислений для подавляющего большинства граждан просто нереально. Тем более что такой зависимости при близких к нулю значениях коэффициентов корреляции Спирмена может и вообще не существовать.

В некоторых случаях уровни вероятностей ошибок отклонений гипотез об отличиях коэффициентов корреляции Спирмена от нуля много больше 0,01. И по данным табл. 3 во всех таких случаях сами вычисленные значения коэффициентов корреляции Спирмена близки к нулю. Но в силу высоких вероятностей ошибок определения таких коэффициентов корреляции Спирмена, доходящих до $p < 0,937$, значения этих коэффициентов корреляции Спирмена следует признавать недостоверными. Причина вывода об их недостоверности — их значения могут с высокой вероятностью отклоняться от нуля, а значит, и от вычисленных значений, близких к нулю.

Таким образом, при малых уровнях вероятностей ошибок в табл. 3 коэффициенты корреляции Спирмена ненулевые, но небольшие по абсолютным величинам. Это подтверждает слабую статистическую связь оценок гражданами ожидаемого и реального применения государством принципов справедливости в модельных ситуациях. А при относительно редких больших уровнях значимости коэффициентов корреляции Спирмена в той же табл. 3 их вычисленным значениям не следует доверять. В табл. 3 эти значения близки к нулю по абсолютной величине. Но даже если в таких случаях их значения могли существенно отклониться от нуля по абсолютной величине, они не должны рассматриваться как свидетельства существенной статистической связи показателей. Можно сделать вывод, что по данным табл. 3 не существует ни монотонной, ни какой-то иной статистически достоверно определяемой связи оценок гражданами ожидаемого и реального применения государством принципов справедливости в модельных ситуациях.

Но даже те коэффициенты корреляции Спирмена, которые при низких уровнях вероятностей ошибок оказались статистически значимо отличными от нуля, не свидетельствуют о статистически значимых связях между оценками должных и реализуемых государством принципов справедливости по мнениям граждан. Дело в том, что возможность предсказания уровня реализации государством принципа справедливости по оценке его желательности определяется квадратом значения соответствующего коэффициента корреляции. А все коэффициенты корреляции Спирмена, которые имеют в табл. 3 низкие уровни вероятностей ошибок ($p < 0,01$), по своим величинам не превышают 0,5. Поэтому по оценкам желательности применения соответствующих принципов справедливости государством невозможно достаточно надёжно предсказать оценки того, как они реально государством применяются. Ведь квадраты таких величин не превышают 0,25, т.е. по ним можно предсказать только не более 0,25 разброса значений оценок гражданами реализации государством соответствующего принципа справедливости. Такое предсказание не может считаться более или менее определённым. Ведь более трёх четвертей разброса значений этих оценок в предсказание включены быть не могут.

По этим причинам, даже не всегда осознавая это, российские граждане не могут предсказать, насколько государство будет следовать их желаниям в реализации принципов справедливости в различных ситуациях. Кроме того, по данным предыдущей табл. 2 респонденты всех поколений в большинстве случаев отмечали существенные различия своих желаний и наблюдаемых ими в реальности применений государством принципов справедливости. Сопоставляя выводы из анализа данных табл. 2 и 3, можно сделать общий вывод, что российские граждане в большинстве своём постоянно ощущают несоответствие своих ожиданий от обеспечения государством справедливости во многих социальных ситуациях.

В дополнение к этому выводу дискуссии на фокус-группах показали, что в каждой модельной ситуации их участники из всех поколений выбрали в качестве желательных одновременно несколько принципов справедливости. Это является определённым подтверждением теории справедливости Болтански и Тевено: обоснования справедливости в конкретных ситуациях требуют использования критериев из разных миров одновременно [Болтански, Тевено, 2013. С. 209–212]. Это создаёт определённую проблему для государства: органы власти при обеспечении справедливости в различных ситуациях должны использовать системы принципов справедливости, как правило, из разных миров. При этом выборы принципов справедливости для одних и тех же ситуаций могли существенно различаться у участников каждой фокус-группы, т.е. они могли быть разными и у представителей одного поколения, и у разных поколений. Эта особенность справедливости вместе с различиями желаемых гражданами и реализуемых государством её принципов в различных ситуациях определяет существенные сложности в практическом обеспечении государством справедливости, а потому и в реализации на практике справедливого социального государства.

Заключение

Результаты исследования, описанные в этой и в предыдущей статье [Римский, 2024], подтвердили выводы предыдущих исследований о существовании проблем в обеспечении справедливости в нашем обществе и государстве [Горшков, 2023. С. 151, 154] и связанных с ними проблем развития справедливого социального государства в нашей стране [Лапин, Ильин, Морев, 2020. С. 21].

За более чем тридцатилетний период постсоветского развития социальное государство в России прошло несколько этапов своего развития [Александрова, 2022. С. 10–13], адаптируясь к задачам, которые на каждом этапе необходимо было решать. По данным исследования к настоящему периоду с позиций большинства граждан социальное государство в нашей стране пока развито недостаточно. Об этом российские граждане судят по наличию немалого числа значимых проблем, которые необходимо решить государству, чтобы они могли считать его социальным в полной мере. Такими проблемами, в частности, являются низкие уровни пенсий, пособий и других социальных выплат, высокий уровень неравенства разных социальных групп, высокий уровень бедности, существенно негативные для граждан бюрократизм и коррупция, неудовлетворительный для граждан уровень взаимодействия государства с ними и некоторые другие.

Но обеспечение справедливости — одна из важнейших характеристик социального государства. Большинство граждан уверено, что именно государство должно поддерживать своё население в сложных жизненных ситуациях, при резких и негативных изменениях жизни. Справедливое социальное государство по мнениям всех поколений должно ставить и решать задачу обеспечения общего блага, а также способствовать развитию и самореализации. Решения государством этих и других задач должны обязательно быть справедливыми.

Справедливость должно обеспечивать социальное государство. Однако наше исследование подтвердило, что по довольно широкому набору принципов справедливости в обществе не выработаны приемлемые для его большинства и даже для большинства внутри разных поколений принципы их реализации. Российские граждане разных поколений ожидают от государства применения не какого-то одного из этих принципов. Для них всегда важно, чтобы реализовывался некий комплекс принципов справедливости. Однако эти желаемые к применению комплексы принципов справедливости существенно различаются в разных ситуациях и у разных поколений. Столь существенная дифференциация

в обществе уже только ожидаемого применения государством принципов справедливости создаёт существенные проблемы развития справедливого социального государства в России.

При оценке результатов массового анкетного опроса об ожиданиях респондентов и реальности в применении государством принципов справедливости в нескольких модельных ситуациях проявилась одна и та же закономерность: существенное несовпадение ожиданий с реальностью по всем оцениваемым принципам справедливости. С помощью вычислений корреляций Спирмена по тем же парам оценок ожиданий и реальности в применении государством принципов справедливости было установлено, что статистические связи между ними весьма слабы как в целом по выборке, так и в каждом поколении респондентов. При таких условиях и гражданам, и органам государственной власти практически невозможно по известным ожиданиям граждан прогнозировать, как государство должно применять принципы справедливости, чтобы они были ими оценены как соответствующие их ожиданиям. Если к этому добавить, что поддержка принципов справедливости разная в разных поколениях и других социальных группах, то необходимо признать этот комплекс проблем весьма сложным и, одновременно, необходимым к решению для обеспечения справедливости российским государством.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Александрова О.А. (2022). Социальное государство: куда шло вчера, и что делать завтра [Alexandrova O.A. The social state: where it went yesterday, and what to do tomorrow] // *Народонаселение*. Т. 25. № 2. С. 6–18. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.1.
- Болтански Л., Тевено Л. (2013). *Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов* [Boltanski L., Teveno L. (1991) De la justification. Les économies de la grandeur]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Горшков М.К. (2023). Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики [Gorshkov M.K. (2023). Social justice and inequalities as an object of sociological diagnostics] // *Россия реформирующаяся: Ежегодник*. Вып. 21 / Отв. ред. М.К. Горшков. — М.: ФНИСЦ РАН. С. 150–172. DOI: 10.19181/ezheg.2023.
- Ковенева О.В. (2008). Французская прагматическая социология: от модели «градов» к теории «множественных режимов вовлечённости» [Koveneva O.V. (2008). French Pragmatic Sociology: from the sités model to the theory of «multiple modes of engagement»] // *Социологический журнал*. № 1. С. 5–21.
- Ларин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство. Часть 2 [Larin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. (2020). Extremal Inequalities and Social State (part 2)] // *Социологические исследования*. № 2. С. 20–30. DOI: 10.31857/S013216250008491-3.
- Наумова Е. (2014). Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлечённости» в капитализм [Naumova E. (2014). Sociology of “sités” L. Boltanski and L. Thevenot and “modes of involvement” in capitalism] [Электронный ресурс] // *Социологическое обозрение* [веб-сайт]. Т. 13. №3. С. 246–251. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2014/12/29/1103796350/1SocOboz_13_3_12_Naumova.pdf (дата обращения: 23.07.2024).
- Пузанова Ж.В., Тертышников А.Г. (2015). Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения [Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G. (2015). The vignette method in sociological research: methodological principles and methodological solutions] // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. № 4. С. 44–56.
- Римский В.Л. (2019). Факторы справедливости и несправедливости в российском обществе и государстве [Rimskiy V.L. Factors of fairness and unfairness in Russian society and the state] // *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций*. Сб. мат-лов междунар. науч. конф. (М., 28–30 ноября 2019 г.) / Отв. ред. М. К. Горшков. — М.: ФНИСЦ РАН. DOI: 10.19181/yadov_conf.2019. С. 501–506. URL: http://yadov-conf.isras.ru/wp-content/uploads/2019/11/Сборник_материалов_конференции_20191127.pdf (дата обращения: 03.07.2024).
- Римский В.Л. (2024). Справедливое социальное государство как ценность и как реальность для российских граждан (Часть I. Социальное государство) [Rimskiy V.L. (2024). A fair social state as a value and as a reality for Russian citizens (Part 1. Social state)] // *Вопросы теоретической экономики*. №4. С. 175–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_4_175_196.

Римский Владимир Львович

vlim@yandex.ru

Vladimir Rimskiy

Senior lecturer, Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia.

vlim@yandex.ru

**A FAIR SOCIAL STATE AS A VALUE AND AS A REALITY FOR RUSSIAN CITIZENS
(Part 2. Fairness Principles in a Social State)³**

Abstract. The article continues the description of a fair social state in our country research results. The research provided certain evidence that the social state development level in Russia is insufficient according to the citizens' opinions and assessments. Russian citizens judge this by the presence of a considerable number of significant problems for them that the state should solve more effectively, as well as by the problems of ensuring fairness by the state in various spheres of life. Focus groups and a mass questionnaire survey showed a significant discrepancy between respondents' assessments of the fairness principles desired and actually applied by the state for several model situations. Correlation analysis based on the mass questionnaire survey data showed very weak statistical links between respondents' assessments of their expectations and reality in the application by the state of all the principles of fairness included in the study, without any exception. Under such conditions, it is almost impossible for both citizens and public authorities, based on the well-known expectations of citizens, to predict how the state should apply the principles of fairness so that they meet the expectations of citizens. If we add to this that support for the principles of fairness varies between generations and other social groups, then it is necessary to recognize this set of problems as very complex and, at the same time, necessary to solve in order to ensure fairness by the Russian state.

Keywords: *a fair social state, characteristics of a social state, fairness, principles of fairness, social problems.*

JEL: D70, D71, D73, H10, H70.

³ The article was prepared based on the results of research project No. 123091200057-8, which was carried out in 2023–2024 at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

М.Е. Баскакова

*д.э.н., ведущий научный сотрудник,
Институт экономики РАН (Москва)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ СФЕРЕ ТРУДА — 100 ЛЕТ ИСТОРИИ (Часть 3. 1992–2024 гг.)

Аннотация. В работе на основе анализа политических документов и законодательных актов рассматривается изменение регулирования занятости женщин, а также динамика гендерной отраслевой сегрегации. Первая часть статьи была посвящена начальному советскому периоду и периоду Великой Отечественной войны (1917–1945 гг.), когда равенство женщин и мужчин подразумевало высвобождение женщин из домашнего хозяйства через их максимальное участие в экономике. Дополнительными условиями выступали привлечение женщин на работу в тех отраслях, где их труд до этого не применялся или применялся недостаточно, и ограничения на труд женщин в условиях, опасных для их здоровья. В этот период гендерная отраслевая сегрегация быстро сокращалась. Вторая часть охватывала весь послевоенный советский период (1945–1991 гг.), когда снижение рождаемости из-за «двойной нагрузки женщин» заставило государство пересмотреть формат равенства женщин и мужчин в сфере труда. Стремление к максимальной занятости женщин сначала было дополнено идеей использования их труда на относительно лёгких, но достаточно оплачиваемых работах, затем — созданием для них «благоприятных условий сочетания профессиональных и семейно-бытовых обязанностей», а завершилось призывом «вернуть женщину в семью». В это период укрепился стереотип о женщинах как о работниках, обременённых семейными обязанностями, распространилась их дискриминация, сформировался восходящий тренд уровня гендерной отраслевой сегрегации за счёт концентрации женщин в непроизводственной сфере, а мужчин — в материальном производстве. Третья часть (1992–2024 гг.) посвящена постсоветской истории государственного регулирования женской занятости, начавшегося с законодательного оформления равенства не только прав, но и возможностей мужчин и женщин, а также равенства прав и обязанностей обоих родителей в заботе и воспитании детей, но затем вернувшегося к протекционистской политике по отношению к женщинам и давно забытой практике регулирования профессионального состава занятых женщин. На данных Росстата показывается, что, несмотря на принятие гендерно нейтрального трудового законодательства, в современном российском обществе, приверженном традиционному разделению гендерных ролей, и при усилении роли женщин как матерей, усилилась поляризация гендерных отраслевых распределений по традиционно «мужским» и традиционно «женским» отраслям.

Ключевые слова: *гендерная сегрегация, женщины, мужчины, человеческий потенциал, равенство, образование, занятость, рынок труда.*

JEL: B41, J16, J21, J71, J78

УДК: 331.44

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_147_166

© М.Е. Баскакова, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Баскакова М.Е.* Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории (Часть 3. 1992–2024 гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 147–166. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_147_166.

FOR CITATION: *Baskakova M.* State Regulation of Women's Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History (Part 3. 1992–2024) // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2025. No. 1. Pp. 147–166. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_147_166.

Лихие 90-е

Переход российской экономики на рыночные условия одновременно означал отказ от гарантии на трудоустройство, закреплённой в СССР конституционно. Более того, первоначально государство фактически отказалось от воздействия на рынок труда, исходя из идеи «его саморегулируемости», оставив за собой лишь политику содействия занятости, систему защиты от безработицы, налаживание системы статистического учёта, адекватного новой экономической реальности. Уход в историю советского проекта одновременно означал и отказ от советской же концепции равенства женщин и мужчин, когда юридически закреплённое равенство их социально-экономических и гражданских прав сосуществовало с традиционным разделением труда и протекционистской политикой государства по отношению к женщинам. В новых экономических отношениях патерналистские нормы, разработанные в советский период и остававшиеся частью трудового законодательства, стали делать женщин а priori невыгодными работниками для новых работодателей. Защитная идеология по отношению к женщинам оказалась неадекватна рыночному регулированию трудовой сферы. И хотя широкое распространение получил правовой нигилизм, когда за пределами государственного сектора многие работодатели перестали выполнять нормы законодательства, в том числе предоставлять женщинам положенные льготы, но само законодательное закрепление за женщинами этих льгот снижало их шансы при трудоустройстве, повышало угрозу потери работы, расширяло распространение дискриминационных практик.

В эти годы государство стало продвигать новый формат равенства женщин и мужчин, подразумевавший не только равенство их прав, но и равенство возможностей реализации этих прав. В сфере занятости предпринимались попытки приспособить советское трудовое законодательство к новым условиям. Появлялись документы, признающие существование дискриминации женщин в сфере труда и нацеленные на искоренение проблемы, в том числе за счёт мер, разрушающих стереотипное представление о работающих женщинах как работниках, нагруженных льготами, и мер, создающих условия для выравнивания затрат времени на семейно-бытовые обязанности и воспитание детей между мужчинами и женщинами. Часть документов носила декларативный характер, не предлагала механизмов исполнения и не была реализована. Кроме того, государство на долгие годы отказалось от идеи воздействия на выбор профессии женщинами.

Важным направлением работы стала разработка и публикация в специализированном сборнике Росстата «Женщины и мужчины России» статистических показателей, соответствующих международным стандартам и характеризующих положение российских женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в сфере занятости и на рынке труда. Развитие гендерной статистики в свою очередь сделало возможной реализацию многочисленных исследовательских проектов. Только за 1993–2003 гг. было опубликовано более 1200 монографий и статей в научных журналах, раскрывающих проблемы обеспечения гендерного равенства в законодательстве и правоприменительной практике, образовании, сфере занятости и на рынке труда, включая проблемы гендерной вертикальной и горизонтальной сегрегации, гендерного разрыва в оплате труда, безработицы и т.д. Эти исследования показывали, что трансформационные процессы, проходившие в стране, привели углублению различий в положении женщин и мужчин [*Гендерные проблемы в России*, 2004].

Новый подход к гендерному равенству был реализован в официальных документах. В 1993 г. Конституция РФ в ст. 19 п. 3 установила, что «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации», а в ст. 38, что забота о детях и их воспитание — равное право и обязанность обоих родителей. В 1993 г. Указ Президента РФ¹

¹ Указ Президента РФ. «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» от 4 марта 1993 г. №337.

определил цель государственной политики в отношении женщин как обеспечение одинаковых условий для фактического равноправия женщин и мужчин во всех сферах жизни страны, объявил эту политику одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства, а одной из основных задач — поэтапную ликвидацию исторически сложившегося отставания в оплате труда в бюджетных отраслях, с преимущественной занятостью женщин.

В 1993–1995 гг. были приняты Основы законодательства РФ об охране труда², вводящие в ст. 6 запрет на применение труда женщин детородного возраста на тяжёлых работах и работах с вредными/опасными условиями труда. Это означало возрастное ограничение на охрану труда женщин и расширение области применения запретов на все тяжёлые и вредные работы. Ст. 6 не отражала интересов ни женщин, ни работодателей, а весь документ не содержал механизма её реализации. Ввести эту норму предполагалось 1 июля 1996 г., но затем дату перенесли на 1 июля 2000 г.³, а до того было запрещено принимать на такие работы женщин детородного возраста. В действие данная статья не вступила и была упразднена 24 июля 1999 г.⁴

1996 г. ознаменован принятием Концепции улучшения положения женщин в РФ⁵, впервые признавшей существование в стране дискриминации женщин на рынке труда. В ней прописаны намерения по формированию законодательства и механизмов, способных обеспечить женщинам и мужчинам равные права и равное обращение в этой сфере. В 1997 г. была одобрена Концепция законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и возможностей мужчин и женщин⁶.

В 1995 г. Россия подписала Декларацию и Платформу действий Четвёртой Всемирной конференции ООН по положению женщин (1995 г.), взяв на себя обязательства создать новую государственную структуру — Национальный механизм по улучшению положения женщин (НМ) с собственным бюджетом. НМ должен был формировать правительственную политику по вопросам улучшения положения женщин, в том числе и на рынке труда, участвовать в законотворческом процессе. Главными элементами НМ было принято считать Комиссию при Президенте РФ по делам женщин, семьи и демографии, Комиссию по вопросам положения женщин при Правительстве РФ, Отдел социально-экономического положения женщин Министерства труда и социального развития, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи в Госдуме, Комиссию по делам женщин при Председателе СФ.

В 1996 г. был утверждён Национальный план по улучшению положения женщин и повышению их роли до 2000 г.⁷, содержащий 44 мероприятия, ответственность за исполнение которых была возложена на министерства и ведомства РФ. Финансовых средств на его выполнение за счёт бюджета не выделялось.

В 1997 г. Россия ратифицировала Конвенцию МОТ «О равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин: работники с семейными обязанностями»⁸. В ней продвигались идеи гармоничного разделения семейных обязанностей между

² ФЗ РФ от 18 июля 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в КЗоТ РФ, Основы законодательства РФ об охране труда, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях и УК РСФСР» №109-ФЗ.

³ ФЗ РФ от 2 июля 1996 г. №84-ФЗ О внесении изменения в п. 1 постановления ВС РФ «О порядке введения в действие основ законодательства РФ об охране труда».

⁴ ФЗ РФ «Об основах охраны труда в РФ» от 17 июля 1999 г. №181-ФЗ.

⁵ Постановление Правительства РФ 8 января 1996 г. №6 «О концепции улучшения положения женщин в РФ».

⁶ Постановление ГД РФ 20 ноября 1997 г. №1929-II ГД «О Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин».

⁷ Постановление Правительства РФ от 29 августа 1996 г. №1032 «Об утверждении национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 года».

⁸ Конвенция МОТ №156 (1981 г.) «О равном обращении и равных возможностях для работников мужчин и женщин: работники с семейными обязанностями».

женщинами и мужчинами (лицами с семейными обязанностями), обеспечения им равенства возможностей при выполнении/желании выполнять оплачиваемую работу, не подвергаясь дискриминации и, насколько это возможно, сочетая профессиональные и семейные обязанности.

Однако закрепление в законодательстве и иных официальных документах равенство, прав и возможностей мужчин и женщин, не сказалось на реальных трудовых отношениях, в которых произошли гендерно асимметричные изменения. Это и не удивительно в тех реальных экономических условиях.

В первое десятилетие экономических реформ ситуация на рынке труда оказалась предельно сложной из-за нарушений хозяйственных связей, массовой остановки предприятий, невыплат заработных плат, массового перевода работников в режим неполной занятости или неоплачиваемые отпуска и пр. Но наиболее обсуждаемой проблемой стала безработица, официально стартовавшая 1 июля 1991 г. Сначала она была невелика — статус безработного в тот год получили 62 тыс. чел., из которых 70% были женщины. Но СМИ и эксперты, экстраполировавшие на россиянок проблемы, с которыми сталкивались женщины в экономически развитых странах, стали распространять прогнозы катастрофического роста женской безработицы в нашей стране. Эти прогнозы не противоречили и мнению большинства населения, считавшего, что женщины из-за своего предназначения быть женой и матерью особо уязвимы для безработицы [Груздева, 1995].

Однако обследование Росстата по проблемам занятости населения, стартовавшее в 1992 г., показало, что проблема феминизации безработицы в России касается лишь зарегистрированных безработных. Общая безработица, фиксируемая по методике МОТ, наоборот, оказалась асимметричной в пользу женщин. Этот результат стал возможен благодаря гибкости требований женщин к параметрам своей занятости. Они чаще мужчин ради получения работы (или её сохранения) были готовы к снижению заработной платы и/или социального статуса. При потере работы не все женщины считали нужным или возможным становиться безработными и переходили в домохозяйки [Соболева, 2000]. Поэтому за 1992–1998 гг. уровень экономической активности женщин трудоспособного возраста снизился больше, чем у мужчин (соответственно, у мужчин — на 8,5 п.п. с 81,6 до 73,1% и у женщин — на 7,6 п.п. с 86,6 до 79,0%). Кроме того, превышение уровня общей безработицы мужчин над уровнем общей безработицы женщин во многом стало результатом гендерной отраслевой сегрегации. Дело в том, что экономические трансформации неодинаково затронули отрасли экономики, что отразилось на отраслевых распределениях женщин и мужчин.

Деиндустриализация экономики привела к значительным сокращениям персонала в промышленности, причём в основном в феминизированных её отраслях (лёгкой, химической, машиностроении и др.). В результате число женщин, занятых в промышленности, уменьшилось больше (за 1990–1998 гг. — на 7,7 млн чел., или на 50%), чем число мужчин (на 3,8 млн чел., или на 30%). Соответственно, среди женщин доля занятых в отрасли упала сильнее (на 10,7 п.п. и стала составлять только 17,9%), чем у мужчин (на 5,9 п.п. и стала составлять 26,1%). Как итог — сфера промышленности из относительно гендерно нейтральной (в 1990 г. женщин среди занятых было 48%) трансформировалась в отрасль преимущественно мужского труда (в 1998 г. женщин осталось только 38%). Строительство стало второй по масштабам сокращения занятости сферой. Здесь число работавших женщин также сократилось на половину (на 1,2 млн чел.), а численность мужчин — на 40% (на 2,8 млн чел.). В результате среди мужчин доля занятых в строительстве (за 1990–1998 гг. сократилась с 17,8 до 11,6%) оказалась на третьем месте, уступив второе доле занятых в сельском хозяйстве. Среди женщин эта доля сократилась с 6,3 до 4,0% (табл. 1).

Таблица 1

Распределение занятых мужчин и женщин по отраслям экономики (1990–1998 гг., в %)

	1990		1998		Доля женщин среди занятых в отрасли	
	муж.	жен.	муж.	жен.	1990	1998
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	51	48
Промышленность	32,0	28,6	26,1	17,9	48	38
Сельское хозяйство	16,0	10,0	17,9	9,1	39	32
Лесное хозяйство	0,5	0,1	0,6	0,2	18	21
Строительство	17,8	6,3	11,6	4,0	27	24
Транспорт	9,9	3,2	8,8	3,5	25	26
Связь	0,7	1,7	1,0	1,7	71	60
Торговля	3,2	12,2	10,7	18,8	80	62
ЖКХ	4,2	4,3	5,6	5,1	52	46
Здравоохранение	2,0	9,2	2,5	11,9	83	81
Образование	3,5	12,5	3,5	15,7	79	80
Культура и искусство	0,9	2,2	1,0	2,5	71	68
Наука	3,6	3,9	2,0	2,1	53	50
Финансы	0,1	0,9	0,6	1,7	90	71
Управление	1,4	2,8	4,3	4,4	67	48
Другие отрасли	4,2	2,1	3,8	1,4	34	25

Источник: Российский статистический ежегодник — 2003г. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i010840r.htm (дата обращения: 10.12.2024).

На третьем месте по числу выбывших сотрудников оказалась наука. Отрасль, аккумулировавшая наиболее конкурентоспособную рабочую силу не только на российском, но и на международном рынке труда, но обладавшая низким уровнем финансирования, потеряла за эти годы более половины занятых (1,5 млн чел.), большинство из которых были женщины (0,8 млн чел.). И среди женщин, и среди мужчин это привело к сокращению доли занятых наукой (у женщин с 3,9 до 2,1%, у мужчин с 3,6 до 2,0%). Отрасль потеряла «женское лицо», став гендерно нейтральной.

В «женских» бюджетных отраслях — здравоохранении, образовании, культуре — с минимальным риском безработицы для персонала [Баскакова, 2023] изменения масштабов занятости и у мужчин, и у женщин были незначительны, но на фоне колоссальных сокращений, произошедших в других отраслях, доля занятых в социальном секторе выросла, причём среди женщин даже больше, чем среди мужчин.

Так в системе высшего образования снижение уровня оплаты труда, проходившее на фоне стабильности рабочих мест и возможности гибкой занятости, повлекло за собой, с одной стороны, вымывание из состава занятых мужчин молодого и среднего возраста, а с другой — приток молодых высококвалифицированных женщин. В 1995–2001 гг. практически весь прирост численности профессорско-преподавательского состава государственных ВУЗов произошёл за счёт женщин, а их доля в этой категории занятых увеличилась с 44,4 до 49,1%. Но женщины преобладали только среди преподавателей молодого и среднего возраста, а среди преподавателей предпенсионного и пенсионного возраста

мужчины оставались большинством. Это заложило основу для продолжения феминизации отрасли⁹ [Шереги, Харчева, Сериков, 1997; Баскакова, 2005].

В условиях развала реального сектора экономики важными местами сосредоточения рабочей силы стали торговля и управление. Занятость мужчин в торговле за эти годы выросла в 3 раза (эффект низкой базы), женщин в 1,2 раза. Хотя торговля и осталась отраслью «преимущественно женской занятости», но снизила свою феминизированность (доля женщин среди занятых сократилась с 80 до 62%). В 1998 г. в торговле работал каждый десятый мужчина и почти каждая пятая женщина. В результате изменений отраслевых распределений женщин и мужчин индекс Дункана продолжил свой рост с незначительными флуктуациями. За 1990–1998 гг. он увеличился ещё на 3,1 п.п. с 30,1 до 33,2%.

Постдефолтное восстановление экономики не предусматривало государственных программ по регулированию занятости женщин, но рост числа занятых, начавшийся уже в 1999 г., был гендерно асимметричным (за два года число работающих женщин увеличилось на 409 тыс. чел. или на 1,3 п.п., а мужчин — только на 106 тыс. чел. или на 0,3 п.п.). Это, вероятно, отражало различия в изменениях их статусов занятости. Для женщин оживление экономики означало облегчение перехода из домашнего хозяйства в сферу занятости, а для мужчин — возвращение к полной занятости из вынужденных неоплачиваемых отпусков. У женщин основной прирост численности пришёлся преимущественно на сельское хозяйство +214 тыс. чел., а доля занятых возросла с 9,1 до 9,6% (у мужчин сокращение на 568 тыс. чел., а доля занятых уменьшилась с 17,9 до 16,1%). Сблизились также доли занятых в ЖКХ и в строительстве среди женщин и мужчин. И это послужило основной причиной снижения уровня отраслевой сегрегации. Противоположная картина сложилась в управлении, где у мужчин значительный рост числа занятых (+171 тыс. чел.) и доли занятых (с 4,3 до 4,8%), сопровождались снижением у женщин и числа работающих (-23 тыс. чел.), и доли занятых (с 4,4 до 4,2%) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение занятых мужчин и женщин по отраслям экономики (1998–2000 гг., %)

	1998		2000		Доля женщин среди занятых в отрасли	
	муж.	жен.	муж.	жен.	1998	2000
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	48	48
Промышленность	26,1	17,9	26,9	18,0	38	38
Сельское хозяйство	17,9	9,1	16,1	9,6	32	35
Лесное хозяйство	0,6	0,2	0,6	0,2	21	21
Строительство	11,6	4,0	11,4	3,9	24	24
Транспорт	8,8	3,5	9,1	3,6	26	26
Связь	1,0	1,7	1,0	1,7	60	61
Торговля	10,7	18,8	10,8	18,8	62	62
ЖКХ	5,6	5,1	5,3	5,0	46	47
Здравоохранение	2,5	11,9	2,6	11,9	81	81

⁹ Квалифицированные кадры в России — М.: ЦИСН, 1999; Высшее образование в России 2001: Стат. сб.. — М.: ЦИСН. 2002.

	1998		2000		Доля женщин среди занятых в отрасли	
	муж.	жен.	муж.	жен.	1998	2000
Образование	3,5	15,7	3,4	15,3	80	80
Культура	1,0	2,5	1,1	2,5	68	69
Наука	2,0	2,1	1,8	1,9	50	50
Финансы	0,6	1,7	0,6	1,7	71	71
Управление	4,3	4,4	4,8	4,2	48	45
Другие отрасли	3,8	1,4	4,5	1,7	25	26

Источник: Российский статистический ежегодник — 2003г. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i010840r.htm (дата обращения: 10.12.2024).

Постдефолтная экономика кратковременно прервала многолетнюю тенденцию роста гендерной отраслевой сегрегации, отраслевые распределения работающих женщин и мужчин сблизилась, а индекс Дункана за 1998–2000 гг. снизился с 33,2 до 32,5%.

Начало нового тысячелетия

Первые годы нового тысячелетия государственная гендерная политика сохраняла направленность предыдущего десятилетия. Изменения в трудовом законодательстве и подписание международных документов продолжили формирование законодательной базы выравнивания прав и возможностей женщин и мужчин в сфере труда.

В 2000 г. РФ присоединилась к Декларации тысячелетия, принятой на 55-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, в которой «равенство прав и возможностей мужчин и женщин» называлось одной из фундаментальных ценностей, а «содействие в достижении равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин» — одной из целей развития до 2015 г.

В 2000 г. начался пересмотр ограничений использования труда женщин по профессиям с неблагоприятными условиями, которые всё чаще стали восприниматься не как охрана здоровья женщин, а как их дискриминация, ограничение конкурентоспособности, сужение возможностей работы в высокооплачиваемых отраслях и профессиях. В результате нескольких пересмотров списка таких профессий, с учётом реального улучшения условий труда по ним, список был сокращён с 456 (2000 г.) до 100 позиций (настоящее время)¹⁰.

В 2001 г. принят «Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе» (2001–2005 гг.) — последний подобный документ федерального уровня¹¹.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 162, Министерство труда и социальной защиты РФ Приказ от 18 июля 2019 г. №512н в ред. Приказа Минтруда России от 13.05.2021 №313н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и/или опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин».

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июня 2001 г. №855-Р «О Национальном плане действий по улучшению положения женщин в РФ и повышению их роли в обществе на 2001–2005 гг.».

2002 г. ознаменовался вступлением в силу нового Трудового Кодекса РФ (ТК РФ)¹². Его ст. 3 ввела запрет на дискриминацию и указывала, что каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав и не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества независимо от пола и других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами. Но уточнялось, что дискриминацией не являются ограничения прав работников, которые определяются требованиями к данному труду, установленными законом, либо обусловлены заботой государства о лицах, нуждающихся в особой защите. ТК РФ утратил отсылку к патриархатному разделению труда и стал гендерно нейтральным, поскольку его глава 41, ранее содержащая льготы для женщин, в новой редакции была адресована всем лицам с семейными обязанностями. Исключительно «женскими» остались материнские права, связанные с рождением и кормлением ребенка.

В 2003 г. в Госдуму РФ внесён проект закона «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации»¹³. Его целью было определение направления государственной политики равноправия полов и предотвращение дискриминации. Проект опирался на международные нормы и практику экономически развитых стран. Документ вышел радикальным. Так, для выравнивания возможностей женщин и мужчин в сфере труда предлагалось при массовых увольнениях соблюдать идентичность соотношений увольняемых и занятых на предприятии женщин и мужчин или возложение на работодателя бремени доказательства отсутствия умысла на дискриминацию по признаку пола и пр. Также предусматривалась гендерная экспертиза всех нормативных правовых актов и т.д. Проект был принят в первом чтении, главным аргументом против его продвижения стало дублирование/противоречие его положений положениям действующих нормативно-правовых актов. Проект вызывал многочисленные дискуссии и в 2018 г. был окончательно отклонён как устаревший. Но было объявлено о подготовке нового законопроекта по этой тематике, так как проблемы, на решение которых был направлен законопроект 2003 г., остались не решёнными¹⁴.

На этом закончился этап интенсивной трансформации российского трудового законодательства в антидискриминационное и гендерно нейтральное. Законодательство стало соответствовать международным стандартам регламентации положения женщин и мужчин в сфере труда. Однако льготы для работников с семейными обязанностями оказались мало востребованы мужчинами. По данным Росстата, в разные годы они составляли лишь 2–7% всех воспользовавшихся отпуском по уходу за ребёнком. А часть немногочисленных мужчин, взявших такой отпуск, сталкивалась с непониманием со стороны коллег или начальства. Изменения в законодательстве не стали и фактором выравнивания возможностей женщин и мужчин при приёме на работу, увольнении, продвижении по службе. Женщины по-прежнему сталкивались с дискриминацией по признаку пола на всех этапах трудовых отношений. Особо сложная ситуация сложилась в частном секторе, где острота проблем зависела от размера предприятия. На микропредприятиях, а также на предприятиях с высокой долей неформальной занятости они оказались распространены наиболее широко [Баскакова, Соболева, 2017]. В этих условиях государственный сектор экономики оставался зоной соблюдения трудового законодательства и по-прежнему являлся привлекательным для занятости у женщин.

Новации, привнесённые в ТК РФ, не дали тех практических результатов, на которые надеялись разработчики, в первую очередь потому, что в условиях широкого распро-

¹² Трудовой кодекс РФ от 30 декабря 2001 г. ФЗ № 197.

¹³ Проект ФЗ № 284965-3 «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации».

¹⁴ Государственная Дума Российской Федерации. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/284965-3#bh_histras (дата обращения: 02.12.2024).

странения в обществе традиционных гендерных стереотипов не содержали механизма ни стимулирования использования льгот (причём не только женщинами), ни защиты от дискриминации. Немалую роль в неостребованности новаций ТК сыграл и низкий уровень информированности населения, особенно мужчин, о мерах, обеспечивающих защиту от дискриминации по признаку пола, и правилах предоставления льгот и преференций для женщин и работников с семейными обязанностями и пр. [Баскакова, Соболева, Чубарова, 2018]. Поскольку законодательные изменения не оказали влияния ни на асимметрию возможностей женщин и мужчин в сфере занятости, ни на стереотипное восприятие их как работников, ни на стереотипное разделение рабочих мест как наиболее подходящих для женщин или для мужчин, то нет ничего удивительного в том, что нормализация экономической ситуации и рост уровня жизни населения вернули тенденцию роста гендерной отраслевой сегрегации.

В 2000–2004 гг. прирост численности работающих женщин (на 1 770 тыс. чел., т.е. на 5,7%) многократно превосходит такой прирост у мужчин (на 310 тыс. чел. или на 0,9%). Среди отраслей с возросшим числом занятых особо выделялась торговля. На неё пришёлся основной прирост численности работающих и мужчин, и женщин, но женщин было почти в два раза больше. Кроме того, у мужчин значительно выросла занятость на транспорте, в строительстве и управлении, в то время как у женщин — в здравоохранении, финансах и также в управлении. Рост занятости коснулся не всех отраслей (табл. 3).

Таблица 3

Распределение занятых женщин и мужчин по отраслям экономики (2000–2004 гг., %)

	2000		2004		Доля женщин среди занятых в отрасли	
	муж.	жен.	муж.	жен.	2000	2004
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	48	49
Промышленность	26,9	18,0	26,1	16,8	38	38
Сельское хозяйство	16,1	9,6	12,7	8,0	35	39
Лесное хозяйство	0,6	0,2	0,6	0,2	21	14
Строительство	11,4	3,9	11,8	3,7	24	20
Транспорт	9,1	3,6	9,6	3,6	26	21
Связь	1,0	1,7	1,1	1,7	61	63
Торговля	10,8	18,8	13,0	21,6	62	64
ЖКХ	5,3	5,0	4,9	4,6	47	50
Здравоохранение	2,6	11,9	2,6	11,7	81	80
Образование	3,4	15,3	3,4	14,7	80	81
Культура	1,1	2,5	1,1	2,7	69	69
Наука	1,8	1,9	1,7	1,8	50	46
Финансы	0,6	1,7	0,8	2,1	71	70
Управление	4,8	4,2	5,3	4,4	45	37
Другие отрасли	4,5	1,7	5,3	2,4	26	39

Источник: Российский статистический ежегодник — 2004 г. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b04_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i010970r.htm (дата обращения: 10.12.2024).

Его не было в промышленности, сельском хозяйстве, ЖКХ и науке. Причём первые три из них потеряли значительно больше работников-мужчин, чем женщин. Гендерная асимметричность приростов привела к изменениям и отраслевым распределением работающих женщин и мужчин, которые становились всё менее похожими. В 2004 г. среди женщин наиболее массовой стала занятость в торговле — 21,6% (всех работающих женщин! — М.Б.), на втором месте оказалась промышленность — 16,8%, затем следовали образование и здравоохранение (14,7 и 11,7%, соответственно). У мужчин набор отраслей наиболее массовой занятости был иной: на первом месте оставалась промышленность (26,1%), далее следовало сельское хозяйство (12,7%), торговля (13,0%), строительство (11,8%) и, наконец, транспорт (9,6%).

Индекс Дункана за четыре года увеличился, хотя и незначительно — с 32,5 до 32,6%.

Демография становится приоритетом (2004–2016 гг.)

В 2004 г. в стране стартовала административная реформа, ставшая началом ликвидации государственной гендерной политики как самостоятельного направления. В ходе реформы был фактически упразднён Национальный механизм по повышению статуса женщин в РФ: ликвидирована Комиссия по вопросам положения женщин в РФ, в государственных структурах исполнительной власти реформированы профильные подразделения. При этом Россия продолжала присоединяться к международным документам по этой тематике и выполнять, пусть даже на формальном уровне, международные обязательства, принятые на себя в предыдущие годы.

В 2009 г. была ратифицирована Европейская социальная хартия¹⁵.

В 2015 г. Россия начала интегрирование в свою политику Целей устойчивого развития (ЦУР), в том числе Цель 5 Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек¹⁶.

Снижение внимания к вопросам гендерного равенства было связано главным образом с тем, что часть социально-экономических проблем женщин, на преодолении которых настаивало международное сообщество (например, вопросы о доступности для женщин как общего, так и профессионального образования, расширение оплачиваемой занятости женщин несельскохозяйственным трудом и пр.) давно перестали быть злободневными для нашей страны, а по многим показателям, характеризующим положение россиянок в экономике (например, уровень их занятости и безработицы, уровень образования работающих женщин), рейтинг России в международных сравнениях был достаточно высок. Более того, некоторые из «женских» гендерных проблем, обсуждаемых международным сообществом, в России вообще-то были «мужскими» (например, проблемы профессионального образования) [*Гендерные проблемы современной России*, 2006]. Особость национальной ситуации потребовала даже переформулирования для нашей страны соответствующей цели развития. В адаптированном для России варианте она стала звучать как «Ликвидировать дискриминационную практику в области труда и занятости» [Мау, Овчарова, Агранович и др., 2005; Мау, Овчарова, Акимов и др., 2010].

На этом фоне острее проблемы демографии и бедности населения страны, выразившиеся в высоком уровне бедности, низкой продолжительности жизни населения (особенно мужчин), рождаемости и пр., представлялись более актуальными и тре-

¹⁵ ФЗ от 03.06.2009 г. №101-ФЗ «О ратификации Европейской социальной хартии» (пересмотренной).

¹⁶ Декларация «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятая резолюцией ГА ООН от 25 сентября 2015 г. №70/1.

бующими немедленной реакции государства. На решение этих проблем в приоритетном порядке и были направлены организационные усилия и финансовые средства. Проблемы женщин стали рассматриваться преимущественно сквозь призму проблем бедности, рождаемости и необходимости укрепления семьи. Государственная политика, проводившаяся до этого в отношении женщин, стала составной частью демографической и семейной политики, политики по сокращению бедности. Соответственно, вопросы дискриминации и отставания по уровню оплаты труда, с которыми женщины сталкивались в сфере труда, оказались на периферии социальной политики, а решение проблемы «двойного рабочего дня» женщин вернулось к парадигме «создания наиболее благоприятных условий для сочетания женщинами своих профессиональных и семейно-бытовых обязанностей».

Так в Концепции демографической политики России¹⁷ одной из основных задач стало обеспечение женщинам возможности совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью. Но предусмотренные меры (расширение гибких форм занятости, развитие системы дошкольных учреждений и пр.) касались только женщин и только имеющих малолетних детей. При этом была проигнорирована возможность активизации внутрисемейных резервов — достижения более гармоничного распределения домашних обязанностей. Проблемой Концепции было также и то, что она основывалась на представлении о традиционном разделении труда между супругами как единственно возможном, поэтому отцы не числились адресатами разработанных мер, что противоречило идее гендерного равенства, закреплённой в российском законодательстве. Так, программа по профессиональной подготовке для находящихся в отпуске по уходу за ребёнком до трёх лет изначально предназначалась исключительно женщинам. Только в 2024 г. (!) увенчались успехом многолетние попытки включения в эту программу отцов¹⁸.

2012 г. ознаменовался рядом правовых актов:

- вышел Указ Президента РФ, предусматривающий повышение заработной платы в бюджетной сфере¹⁹. Там же ставилась задача ликвидации к 2016 г. очередей в дошкольные учреждения;
- Правительство РФ утвердило Программу совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 гг. с целью выравнивания условий занятости и оплаты труда в различных видах экономической деятельности²⁰;
- внесены изменения в ТК РФ, по которым обоим родителям, а также иным лицам, осуществляющим содержание и воспитание детей, устанавливались равные гарантии при расторжении трудового договора²¹. Изменение внесено на основании Постановления КС РФ от 15 декабря 2011 г. в связи с жалобой гражданина А.Е. Остаева — отца троих детей, являющегося единственным кормильцем²².

В 2013 г. организован эксперимент по расширению возможностей для женщин в получении профессионального образования²³. На подготовительных отделениях

¹⁷ Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. №1351 «Об утверждении Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года».

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 21 февраля 2024 года №201 «Об утверждении Положения о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан».

¹⁹ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. №2190-р.

²¹ ФЗ-№188 от 12 ноября 2012 г. «О внесении изменений в статью 261 Трудового кодекса РФ».

²² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102153121&tdk=> (дата обращения: 10.01.2025).

²³ Постановление Правительства РФ от 31 августа 2013 г. №756.

51 ВУЗа было организовано бесплатное обучение женщин в возрасте до 23 лет и имеющих одного и более детей. На отцов это положение не распространялось. В том же году была решена проблема публикации в СМИ и Интернете дискриминационных объявлений о вакансиях, содержащих требования работодателя к полу, возрасту, внешности и иным особенностям соискателя. После внесения изменений в законодательство²⁴ за появление подобных объявлений к ответу стало возможным привлекать не только работодателей, но учредителей и редакции СМИ, владельцев сайтов, лиц, ответственных за размещение информации на сайтах. Виновных в дискриминации стало возможным привлекать к административной ответственности в виде штрафа, либо лишения права занимать определённые должности, либо обязательных работ, либо принудительных работ, либо лишения свободы²⁵. Публикация подобных объявлений была прекращена. Впрочем, это не исключило применение дискриминационных практик в отношении женщин на следующем этапе трудоустройства — при собеседовании. Как показали исследования [*Дискриминация в сфере труда*, 2013], дискриминационно опасные вопросы частного характера (о семейном положении, наличии детей и планах на их рождение и пр.) при приёме на работу часто задаются женщинам, особенно молодым, в то время как мужчины, как правило, избавлены от них. Не редки случаи, когда молодым женщинам при собеседовании ставились условия относительно их будущего семейного положения и желания иметь детей.

Выдвижение в государственной политике на первый план роли женщины как матери и хозяйки дома и рассмотрение её роли как работника через призму материнства, при забвении роли мужчины как отца, ускорили трансформацию распределений профессионально занятых мужчин и женщин по видам экономической деятельности в сторону традиционного разделения труда.

Период 2004–2016 гг. для экономики выдался сложным — её рост тормозился под воздействием то мирового экономического кризиса, то политических санкций. Но это не мешало традиционно «мужским» видам экономической деятельности²⁶ — добыче ископаемых, строительству и транспорту — за эти годы стать ещё более гендерно асимметричными (табл. 4). В добыче ископаемых занятость росла преимущественно за счёт мужчин, в строительстве и на транспорте — исключительно за их счёт. В результате среди мужчин доля занятых в добыче ископаемых выросла с 2,6 до 3,5%, в строительстве с 9,6 до 12,1%, а на транспорте — с 12,8 до 13,7%. В то время как среди женщин доля занятых в добыче ископаемых сократилась с 0,9 до 0,8%, в строительстве с 17,9 до 13,8%, на транспорте — с 29,8 до 25,7%.

В традиционно «женских» отраслях ситуация была зеркальная. За 2004–2016 гг. в торговле и образовании численность занятых росла только за счёт женщин, а в здравоохранении, гостиничном бизнесе и финансовой деятельности — преимущественно за счёт женщин (табл. 5). В результате среди женщин доля занятых в образовании увеличилась с 15,6 до 15,8% (среди мужчин сократилась с 3,5 до 3,2%), в торговле — с 18,7 до 19,9% (среди мужчин — с 13,2 до 12,2%) и т.д. Кроме того, в торговле и образовании усилилась феминизация персонала. Если 2004 г. среди работников торговли женщин

²⁴ ФЗ от 2 июля 2013 года № 162-ФЗ «О внесении изменений в Закон РФ «О занятости населения в РФ» и отдельные законодательные акты РФ».

²⁵ Информация Министерства труда и социальной защиты РФ от 24 июля 2013 г. «Об административной ответственности за распространение информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей ограничения дискриминационного характера» URL: <https://base.garant.ru/70422608/> (дата обращения: 25.12.2024).

²⁶ В 2003 г. Росстат для уточнения хозяйственной структуры страны заменил Общесоюзный классификатор Отрасли народного хозяйства (1976 г.) на Общероссийский классификатор видов экономической деятельности, в котором объектом классификации стал вид экономической деятельности хозяйствующих субъектов вне зависимости от их отраслевой принадлежности.

было «только» 57,9%, то в 2016 г. — уже 60,8%, а в образовании их доля увеличилась с 81,0 до 82,2% (табл. 5).

Не помогло даже повышение оплаты труда в бюджетных отраслях. Хотя, учитывая одну из распространённых в гендерных исследованиях гипотез о тесной обратной связи между уровнем оплаты труда в отрасли и долей женщин среди занятых в этой отрасли, можно было бы ожидать притока мужских кадров в бюджетную сферу. Однако, по данным Росстата, рост заработной платы в образовании и здравоохранении не привёл к увеличению занятости мужчин в них и не снизил уровень феминизации их кадрового состава.

За 2004–2016 г. индекс Дункана увеличился с 33,0 до 37,7%.

Таблица 4

Распределение занятых женщин и мужчин по видам экономической деятельности (2004–2016 гг., в %)

	Распределение занятых по полу				Доля женщин среди занятых	
	2004		2016		2004	2016
	муж.	жен.	муж.	жен.		
Всего в экономике	100,0	100,0	100,0	100,0	49,1	48,6
Сельское хозяйство	10,6	6,2	8,0	5,0	36,0	37,0
Рыболовство	0,5	0,1	0,3	0,0	14,3	11,9
Добыча ископаемых	2,6	0,9	3,5	0,8	24,1	18,6
Обрабатывающие производства	20,9	16,6	17,1	11,4	43,4	38,7
Производство электроэнергии	3,9	1,7	4,6	1,8	29,2	26,8
Строительство	9,6	2,2	12,1	2,0	17,9	13,8
Торговля	13,2	18,7	12,2	19,9	57,9	60,8
Гостиницы	0,8	3,0	1,3	3,8	77,6	73,5
Транспорт и связь	12,8	5,6	13,7	5,0	29,8	25,7
Финансы	0,9	2,1	1,4	3,1	69,6	67,7
Операции с недвиж. имуществом	7,2	5,2	8,0	5,9	41,1	41,2
Наука	1,3	1,1	0,7	0,6	44,7	42,0
Госуправление	8,8	5,6	8,6	6,1	37,8	40,2
Образование	3,5	15,6	3,2	15,8	81,0	82,2
Здравоохранение	2,7	12,2	3,4	12,9	81,0	78,2
Прочие услуги	1,9	4,4	2,6	6,2	68,8	69,2

Источник: Российский статистический ежегодник — 2017 г. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 10.12.2024).

Таблица 5

Динамика численности и распределений численности женщин и мужчин в образовании и здравоохранении в 2010–2019 гг.

	2010		2014		2019		2010–2019	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Занято в образовании (тыс. чел.)	1219	5346	1171	5405	1226	5615	7	269
Занято в здравоохранении (тыс. чел.)	1091	4394	1181	4445	1151	4542	60	148
Доля занятых в образовании среди всех занятых соответствующего пола (%)	3,5	15,6	3,2	15,5	3,3	16,0	-0,2	0,4
Доля занятых в здравоохранении среди всех занятых соответствующего пола (%)	3,1	12,9	3,2	12,7	3,1	13,0	0,0	0,1
Доля среди занятых в образовании (%)	18,7	81,3	17,8	82,2	17,9	82,1	-0,8	0,8
Доля занятых в здравоохранении (%)	19,2	80,8	20,2	79,8	20,2	79,8	1,0	-1,0

Источники: рассчитано автором по данным Российского статистического ежегодника — 2011 г. Росстат https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d1/05-08.htm Российского статистического ежегодника — 2017 г.; Росстат https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXlUFoewruL1Z4yuh8GhM7zUPzWh9UzZVHxBaIK76pWbt3FpndOGur63HccY6G3hKOpHc5717Gef8rJjZcq5zapvMAEjrrrGcQEZniFE7YhrXaLulhwWO8FX3LC-CwZnDXw7ric-XHA%3D%3D%3Fsign%3DgUX5Cr6HFM3tRZFK3UvteC_3Mp3Rfc06058iJTIO_N8%3D&name=05-10.doc&nosw=1; Российский статистический ежегодник — 2020 г. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 10.12.2024).

Новый этап гендерной политики, или «Никогда так не было и вот опять...»

В 2017 г. возродилась гендерная политика, но уже в трансформированном виде. Её первым программным документом стала «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 гг.», (НС 2017–2022)²⁷. Стратегия была направлена, как отмечено в ней, на реализацию принципа равных прав и свобод мужчины и женщины и создание равных возможностей для их реализации ... женщинами (!?) в разных сферах, в том числе и в сфере занятости. Документ содержал много несоответствий между постановкой проблем и предлагаемыми путями их решения, что затрудняет понимание того, на какой, собственно, формат равенства женщин и мужчин он был направлен.

С одной стороны, в нём признавался тот факт, что традиционное разделение труда, характерное для большинства российских семей, приводит к гипертрофированной бытовой нагрузке женщин, к сложности совмещения ими семейных и трудовых обязанностей, к распространению стереотипа о большей значимости роли женщины как домохозяйки и матери, чем как профессионального работника, и это в конечном счёте является главным

²⁷ Распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 №410-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы».

барьером для достижения фактического равноправия женщин и мужчин в социально-экономической жизни. Констатировалось, что признание общей ответственности женщин и мужчин за выполнение семейных обязанностей способствовало бы укреплению семьи и ценностей семейной жизни, а также созданию условий для успешного сочетания женщинами профессиональных и семейных обязанностей. С другой стороны, в документе полностью игнорировалась возможность введения мер, активизирующих внутрисемейные резервы снижения бытовой нагрузки женщин — поощрение работников с семейными обязанностями более гармонично распределять домашний труд и использовать льготы, приданные им в трудовом законодательстве. При этом особую актуальность гармонизации внутрисемейного разделения труда подчёркивают социологические опросы, показывающие, что у современных женщин существует чётко выраженный запрос на более справедливое перераспределение домашней работы. Правда, мужчины относятся к этой идее со значительно меньшим энтузиазмом [*Дискриминация в сфере труда*, 2013].

С одной стороны, в Стратегии признавалось, что в российской сфере занятости до сих пор остаются актуальными все традиционные проблемы, с которыми сталкивались работающие женщины в последние десятилетия: дискриминационное отношение работодателей к женщинам (правда, почему-то только к женщинам, «имеющим малолетних детей, многодетным матерям» и почему-то только «при приёме на работу»), высокий уровень гендерной отраслевой и вертикальной/должностной сегрегации, обуславливающие более низкую по сравнению с мужчинами заработную плату женщин, и др. С другой стороны, многие из предлагаемых решений упомянутых проблем, в нарушение законодательства, были адресованы исключительно женщинам с семейными обязанностями, что работает на укрепление стереотипа женщины как работника, нагруженного льготами. Советский опыт решения проблемы двойного рабочего дня профессионально занятых женщин только за счёт усилий государства и предприятий показал недостаточность такого подхода. Детские сады и гибкая занятость и т.п. способны лишь частично решить проблему баланса «семья–работа» у женщин. Введение разнообразных льгот и преференций, развитие сферы обслуживания и системы дошкольного воспитания и т.д. ни в 1920–1930 гг., ни в 1970–1980 гг. не привели к кардинальному сокращению ежедневной четырёхчасовой бытовой нагрузки женщин, а лишь видоизменили её. Сегодня, несмотря на насыщение домашних хозяйств разнообразной техникой, изобретением памперсов, развитием систем дошкольного ухода, производства детского питания и пр., средняя продолжительность домашнего труда работающих женщин составляет ... 234 минуты в день, т.е. по-прежнему 4 часа (у мужчин эта нагрузка в 1,7 раза меньше)²⁸. Кроме того, в документе нет никаких предложений по ликвидации дискриминационных практик в отношении женщин. В целом потенциал мер, предложенных в Стратегии и призванных решить проблему выравнивания возможностей женщин и мужчин в сфере занятости был ограничен, поскольку заложенные решения не предполагали нивелирования воздействия главного препятствия — традиционного разделения труда, господствующего в большинстве российских семей.

Преемницей НС 2017–1022 стала новая Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. (НС 2023–2030)²⁹. Новациями документа выступили задачи по повышению конкурентоспособности женщин на рынке труда и преодолению гендерной профессиональной и должностной сегрегации в первую очередь за счёт расширения занятости женщин в традиционно мужских секторах сферы труда. В решении этих задач основной упор предполагается сделать на развитии общего и профессионального образования женщин, в частности, приблизив «женский» профиль образования, основываю-

²⁸ Росстат. Выборочное наблюдение «Использование суточного фонда времени населением в 2019 году».

²⁹ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 №4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.».

щийся сегодня на малооплачиваемых специальностях обобществлённого репродуктивного труда, к «мужскому» профилю высокооплачиваемых специальностей, расширяя обучение женщин инженерным и техническим специальностям, информатике, естественным наукам и пр. Предлагается также продвигать «женщин-ученых», «интегрировать женщин в перспективные направления креативных индустрий»; «поддерживать проекты женщин по развитию» в наиболее перспективных секторах экономики и т.п.

Нет сомнений, что реализация образовательного блока НС 2023–2030 может быть успешной. Советский опыт развития общего и профессионального образования и современные исследования показывают, что и в былые времена, и в настоящее время обучение девушек естественнонаучным, технологическим, инженерным, математическим и прочим специальностям не имело и не имеет значимых барьеров. На закате СССР девушки составляли более трети всех студентов высших технических учебных заведений промышленности, строительства, транспорта и связи³⁰. В современной России девушки, обучающиеся по специальностям и профессиям STEM (Science, Technology, Engineering, Math) тоже не испытывают во время учёбы дискриминации по признаку пола [Савинская, Лебедева, 2020].

А вот расширение занятости женщин в «мужских» профессиях и отраслях может столкнуться с серьёзными проблемами. Исследования [Лебедева, Савинская, 2019; Григорьева, Чубарова, 2018] показывают, что барьеры у современных женщин, обладающих техническими, технологическими и т.п. профессиями, возникают именно на этапе реализации полученного образования — при трудоустройстве и продвижении по службе. Эти трудности в конечном итоге приводят к высокой доле женщин, сменивших такие профессии, а ключевым фактором её смены является стереотипное отношение к женщинам, основанное на традиционном разделении труда, выделении для женщин роли матери и хозяйки как главной, а также стереотипное представление о работах, «наиболее подходящих для мужчин» и «наиболее подходящих для женщин». Но проблемой как раз и является то, что в НС 2023–2030, как и в её предыдущем варианте, не содержится мер, способствующих преодолению стереотипного восприятия женщин как работников и ликвидации дискриминационных практик в отношении женщин.

Что касается динамики гендерной отраслевой сегрегации, то государственная статистика труда показала: реализация Стратегий не помешала её дальнейшей поляризации (табл. 6). Вновь среди мужчин доля занятых в «мужских» отраслях продолжала расти (в добыче ископаемых с 3,5 до 3,8%, в обрабатывающих производствах с 17,1 до 17,3%, на транспорте с 12,8 до 13,6%), а среди женщин либо оставалась неизменной (добыча полезных ископаемых, транспорт), либо продолжала сокращаться (обрабатывающие производства с 11,1 до 10,7%, строительство с 2,1 до 1,6%). При этом многие «женские» виды экономической деятельности, напротив, теряли мужские кадры, наращивая женские. В результате среди женщин выросла занятость в образовании (с 16,0 до 16,2%), культуре (с 2,5 до 2,7%), гостиничном бизнесе (с 3,8 до 3,9%). А среди мужчин уровень занятости этими видами деятельности мог оставаться неизменным (гостиничный бизнес), мог снижаться (образование), но мог и незначительно расти (культура). Индекс Дункана опять вырос с 38,9 до 40,6%.

Что касается гендерного состава работников разных видов экономической деятельности, то те виды деятельности, которые до 2017 г. имели преимущественно женские коллективы, к 2022 г. стали более феминизированными (исключение составила финансовая деятельность, где доля женщин среди работающих снизилась на 0,1 п.п.), а большинство имевших преимущественно мужской состав занятых — ещё больше увеличили долю мужчин среди работников.

³⁰ Женщины в СССР: Статистические материалы // Вестник статистики. 1969. №1. С. 12.

Таблица 6

Распределение женщин и мужчин по видам экономической деятельности РФ (2017–2022 гг., в %)

	2017		2022		Доля женщин среди занятых	
	муж.	жен.	муж.	жен.	2017	2022
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	48,6	48,7
Сельское хозяйство	7,7	4,0	7,7	3,9	32,9	32,4
Добыча полезных ископаемых	3,5	0,8	3,8	0,8	17,4	16,2
Обрабатывающие производства	17,1	11,1	17,3	10,7	38,0	37,1
Обеспечение электроэнергией	3,8	1,4	3,7	1,2	25,6	22,9
Водоснабжение	0,9	0,5	1,0	0,5	32,5	30,2
Строительство	12,2	2,1	11,4	1,6	13,7	11,9
Торговля	11,9	20,2	11,5	19,9	61,6	62,2
Транспорт	12,8	4,0	13,6	4,0	22,7	21,9
Гостиницы	1,3	3,8	1,3	3,9	73,5	73,7
Информация и связь	2,2	1,4	2,3	1,3	36,8	34,3
Финансы	1,4	3,2	1,4	3,1	68,6	68,5
Операции с недвиж. имуществом	1,9	1,6	1,9	1,4	45,2	41,7
Деятельность профессиональная	3,0	3,3	3,3	4,1	50,6	54,1
Деятельность административная	2,9	1,6	3,1	1,8	34,1	35,5
Государственное управление	8,3	6,0	7,8	5,8	40,6	41,4
Образование	3,3	16,0	3,2	16,2	82,0	82,6
Здравоохранение	3,2	12,9	3,1	12,7	79,3	79,6
Культура. Спорт	1,2	2,5	1,3	2,7	65,6	66,6
Прочие услуги	1,3	3,7	1,3	4,4	72,0	75,6

Источник: Российский статистический ежегодник — 2023г. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения: 10.12.2024).

Заключение

Проведённый анализ столетнего опыта государственного регулирования занятости женщин показал, что, несмотря на огромные успехи в повышении уровня общего и профессионального образования российских женщин и высокую их экономическую активность и т.д., сближение многих качественных параметров женской и мужской занятости происходит крайне медленно, а государство пока не сформировало условий, позволяющих реализовать конституционный принцип равенства прав и возможностей женщин и мужчин в сфере занятости. И этому есть несколько причин.

Сложилась традиция, по которой проблемы реализации принципа равенства прав и возможностей женщин и мужчин стали рассматривать исключительно как проблемы женщин.

Проблемы формирования условий для равенства прав и возможностей женщин и мужчин в сфере занятости находились и находятся на периферии приоритетов социальной политики государства. При обострении иных проблем, в первую очередь демографических, политика регулирования занятости женщин начинает выступать инструментом подстройки для их решения.

Государственная политика в отношении женщин всегда игнорировала и игнорирует сегодня необходимость активного продвижения идеи внутрисемейного перераспределения неоплачиваемого домашнего труда (вероятно, считая патриархатное разделение труда между супругами основой традиционной семьи, на сохранение которой направлены сегодня усилия государства и общества). Ситуация продолжает сохраняться, несмотря на то, что российское трудовое законодательство сегодня гендерно нейтрально, а необходимость более справедливого разделения домашнего труда получила официальное признание в качестве основного условия выравнивания возможностей женщин и мужчин в сфере занятости.

Современная государственная политика в отношении работающих женщин рассматривает решение проблемы сочетания ими семейных и профессиональных обязанностей главным образом через расширение для них системы льгот и преференций со стороны государства и предприятий, хотя предыдущий опыт показал несостоятельность такого подхода. Снижая остроту одной проблемы, он порождает новую — укрепляя стереотип о большей значимости роли женщины как домохозяйки и матери, чем как профессионального работника, и стереотипное отношение работодателей к профессионально занятым женщинам как работникам, нагруженным льготами.

В российском трудовом законодательстве, запрещающем дискриминацию по признаку пола, до сих пор отсутствует действенный механизм реализации этой нормы на всех этапах трудовых отношений. И его разработка пока не предусматривается.

Что касается гендерной отраслевой сегрегации и её изменений, то история показала: в условиях традиционного общества, каковым является российское общество, её сокращение в основном было следствием специальных усилий государства по переводу женщин на мужские рабочие места. При ослаблении давления такая сегрегация начинала тяготеть к традиционному разделению труда. Стабильный рост гендерной отраслевой сегрегации не может не настораживать, поскольку такая сегрегация была и остаётся важным фактором формирования гендерных различий в оплате. Однако представляется, что проблема этого влияния состоит не в том, что женщины и мужчины «неправильно распределились» по отраслям и что их опять надо куда-то перераспределить, причём перераспределить именно женщин и именно на мужские рабочие места (за пределами внимания остаётся вопрос, а что будет с женскими рабочими местами, откуда уйдут женщины, и на которые отказываются трудоустраиваться мужчины ввиду низкой для них заработной платы), а в заниженной оценке государством труда в бюджетных отраслях. Поэтому представляется целесообразным для сокращения гендерного разрыва в оплате труда в первую очередь обратить внимание не на сокращение сегрегации, а на повышение заработной платы в традиционно «женских» бюджетных отраслях (образование, здравоохранение, культура). Это будет способствовать также росту их привлекательности и престижа занятости в них, повышению качества труда, а возможно и снижению феминизации кадрового состава.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Баскакова М.Е. (2005). Мужчины и женщины в системе образования [Baskakova M.E. (2005). Men and Women in the Education System] // *Вопросы образования*. №1. С. 276–303.
- Баскакова М.Е. (2023). Гендерная профессиональная сегрегация и уровень общей безработицы мужчин и женщин [Baskakova M.E. (2023). Gender Professional Segregation and the Level of General Unemployment of Men and Women] // *Социально-трудовые исследования*. № 4(53). С. 18–27.
- Баскакова М.Е., Соболева И.В. (2017). Малый бизнес: качество занятости и соблюдение трудовых прав [Baskakova M.E., Soboleva I.V. (2017). Employment Quality and Observance of Labour Rights in The Sphere of Small Business] // *Россия и современный мир*. № 2(95). С. 57–74.
- Баскакова М.Е., Соболева И.В., Чубарова Т.В. (2018). Социально-экономическая защищённость женщин в сфере труда [Baskakova M.E., Soboleva I.V., Chubarova T.V. (2018). Social and Economic Protection of Women in the Sphere of Labor] // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 2. С. 85–100.
- Гендерные проблемы в России (по национальным публикациям 1993–2003 гг.). (2004). [Gender profile of the Russian Federation (based on domestic publications 1993–2003) (2004)]. — М.: Алекс.
- Гендерные проблемы современной России (по данным официальной статистики) (2006). [Gender Issues in Modern Russia Based on Formal Statistics (2006)]. — М.: Алекс.
- Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. (2018). Уйти нельзя остаться: формирование жизненных стратегий женщин, сменивших STEM-профессии [Grigorieva N.S., Chubarova T.V. (2018). To Leave Impossible To Stay: Life Strategies of Women Who Left STEM-Professions.] // *Женщина в российском обществе*. № 4. С. 71–84.
- Груздева Е.Б. (1995). Женская безработица в России (1991–1994 гг.) [Gruzdeva E.B. (1995). Female unemployment in Russia (1991–1994)]. — М.: ИМЭМО РАН.
- Дискриминация в сфере труда по гендерному признаку (2013). [Discrimination in the sphere of work based on gender (2013)]. — М.: Уполномоченный по правам человека города Москвы.
- Лебедева Н.В., Савинская О.Б. (2019). Биографический анализ карьерного пути женщин в STEM: проявление дискриминации [Lebedeva N.V., Savinskaya O.B. (2019). Biographical analysis of the career path of women in STEM: the manifestation of discrimination] // *Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика: Мат-лы. междунар. науч. конф.* — Иваново: Ивановский государственный университет. С. 135–141.
- Мау В.А., Овчарова Л.Н., Агранович М.Л. и др. (2005). Россия в 2015 году: цели и приоритеты развития: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2005 [Mau V.A., Ovcharova L.N., Agranovich M.L. et al. (2005). Russia in 2015: Development Goals and Policy Priorities: Human Development Report 2005. Russian Federation]. — М.: ПРООН.
- Мау В.А., Овчарова Л.Н., Акимов А.В. и др. (2010). Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2010 [Mau V.A., Ovcharova L.N., Akimov A.V. et al. (2010). Millennium Development Goals in Russia: Looking into the Future: National Human Development Report in the Russian Federation 2010]. — М.: ПРООН.
- Савинская О.Б., Лебедева Н.В. (2020). Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов [Savinskaya O.B., Lebedeva N.V. (2020). Why Women Leave STEM: The Role of Stereotypes] // *Женщина в российском обществе*. № 2. С. 62–75.
- Соболева И.В. (2000). Оценка конкурентоспособности женщин на российском рынке труда [Soboleva I.V. (2000). Assessment of women's competitiveness in the Russian labor market] // *Вопросы социально-экономической политики России в гендерном аспекте*. — М.: ПРООН. С. 43–55.
- Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. (1997). Социология образования: прикладной аспект [Sheregi F.E., Kharcheva V.G., Serikov V.V. (1997). Sociology of Education: an Applied Aspect]. — М.: Юрист.

Баскакова Марина Евгеньевна

baskakovame@mail.ru

Marina E. Baskakova

Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics RAS, Moscow

baskakovame@mail.ru

**STATE REGULATION OF WOMEN'S EMPLOYMENT AND OCCUPATIONAL SEGREGATION
IN THE RUSSIAN LABOUR SPHERE — 100 YEARS OF HISTORY (Part 3. 1992–2024)**

Abstract. This paper analyzes changes in the regulation of women's employment conditions and regimes, as well as the dynamics of gender-based industrial segregation, based on a comprehensive review of policy documents and legislative acts. The first part of the article focuses on the early Soviet period and the Great Patriotic War (1917–1945), when the principle of equality between women and men emphasized the liberation of women from domestic duties through their full participation in the workforce. This was accompanied by efforts to integrate women into industries where their labor had previously been underutilized or excluded, alongside measures to restrict women's employment in hazardous conditions. During this period, gender-based industrial segregation decreased significantly. The second part examines the post-war Soviet era (1945–1991). A declining birth rate, attributed to the “double burden” of work and family responsibilities borne by women, prompted the state to rethink its approach to gender equality in the workplace. Initially, the focus on maximizing women's employment was supplemented by efforts to place women in relatively light yet well-paid jobs. Later, policies aimed to create “favorable conditions for women to balance professional and family responsibilities” and eventually called for women to “return to the family.” This period saw the entrenchment of stereotypes depicting women as workers encumbered by family duties, an increase in workplace discrimination, and the emergence of an upward trend in gender-based industrial segregation. This was characterized by the concentration of women in non-manufacturing sectors and men in material production. The third part (1992–2024) explores the post-Soviet history of state regulation of women's employment. This era began with the legislative establishment of equality not only in rights but also in opportunities for men and women, as well as equal parental responsibilities in child-rearing. However, the focus gradually shifted back toward protectionist policies for women, including the revival of practices regulating the professional composition of employed women. According to Rosstat data, despite the adoption of gender-neutral labor legislation, modern Russian society — steeped in traditional gender roles and emphasizing women's role as mothers — has seen an increase in the polarization of gender distributions across traditionally “male” and “female” industries.

Keywords: *gender segregation, women, men, human potential, equality, education, employment, labor market.*

JEL: B41, J16, J21, J71, J78.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

А.Г. Баранов

к.э.н., ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Е.П. Гармашова

к.э.н., ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Т.А. Лопатина

ассистент, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Д.В. Пунга

ассистент, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; аспирант, Институт экономики РАН

ЭКОНОМИКА СЕВАСТОПОЛЯ В 1920-е гг.: ОТ ПОЛИТИКИ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» К НЭПУ¹

Аннотация. Статья посвящена исследованию экономической истории города Севастополя в 20-х гг. XX в. Целью статьи является характеристика изменений экономики Севастополя при переходе от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике. Для достижения данной цели в статье был проанализирован процесс создания Совнархоза и его реструктуризация, изучено кооперативное движения в первые годы нэпа, проанализированы региональные особенности продразвёрстки и продналога, а также обеспечения населения продовольствием в период «военного коммунизма» и нэпа. В процессе изучения деятельности СевСНХ было выявлено, что создание совнархоза в 1920 г. привело к национализации всех предприятий города. После введения нэпа и реструктуризации СевСНХ в 1921 г. часть предприятий была передана в аренду частным лицам или кооперативным организациям, однако наиболее крупные, рентабельные и стратегически важные предприятия остались в подчинении СевСНХ. Анализ кооперативного движения в Севастополе в период нэпа позволил выявить постепенное увеличение объёмов производственной продукции в рамках кустарно-промысловой и рыболовецкой кооперации, а также рост товарооборота в рамках потребительской кооперации к середине 1920-х гг. Изучение продразвёрстки позволило выявить, что осенью 1920 — весной 1921 гг. в Севастополе не удалось аккумулировать необходимый объём продовольственных товаров для обеспечения населения и базировавшихся в Севастополе военных частей. В результате первым мероприятием при переходе к нэпу стало введение продналога — твёрдо фиксированного натурального налога с крестьянских хозяйств, который послужил стимулом для их развития в Севастополе, поскольку его размер был практически в два раза меньше продразвёрстки. Анализ обеспечения населения продовольствием выявил снижение количества выдаваемых в Севастополе пайков в 1920-1921 гг. Обеспечение пайками в существовавших нормах в период «военного коммунизма» (ноябрь 1920 г. — май 1921 г.) было затруднительно в связи со сложностью сбора продовольствия. Переход к нэпу избавил руководство города от обязанности снабжать население государственными пайками, и количество пайков за лето 1921 г. снизилось почти в 10 раз.

Ключевые слова: *экономическая история, Севастополь, «военный коммунизм», НЭП, промысловая кооперация, потребительская кооперация, продразвёрстка, продналог.*

JEL: N94, R58

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_167_184

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00148 «Экономическая история Севастополя: исследование региональных особенностей, закономерностей и опыта хозяйственной жизни в конце XVIII — начале XXI веков».

© А.Г. Баранов, Е.П. Гармашова, Т.А. Лопатина, Д.В. Пунга, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Лопатина Т.А., Пунга Д.В. Экономика Севастополя в 1920-е гг.: от политики «военного коммунизма» к нэпу // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 167–184. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_167_184.

FOR CITATION: Baranov A.G., Garmashova E.P., Lopatina T.A., Punga D.V. Sevastopol's Economy in the 1920s: from the Policy of «War Communism» to a New Economic Policy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 167–184. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_167_184.

Введение

В ноябре 1920 г. в результате Перекопско-Чонгарской операции, проводимой частями Южного фронта Рабоче-крестьянской Красной армии (далее — РККА), было нанесено поражение армии барона П.Н.Врангеля в Севастополе, о чём М.В. Фрунзе доложил В.И.Ленину². Последующий приказ №00105/пш РККА от 17 ноября 1920 г. положил начало полномасштабной интеграции Севастополя в систему будущего Советского государства³.

Севастополь был последней территорией базирования белогвардейского сопротивления, после падения которого была закончена активная фаза гражданской войны. Партизанская активность остатков белого движения на территории Крыма обусловила сохранение значительного военного контингента в Севастополе, что требовало, в свою очередь, от Севастопольского Революционного комитета (далее — СевРевком) обеспечения продовольствием не только гражданского, но и военного населения. Позднее присоединение данной территории к РСФСР и базирование военных частей в Севастополе отразились на экономике региона.

В это время в РСФСР осуществлялась политика «военного коммунизма», которая заключалась в централизации управления экономикой, национализации всех промышленных предприятий, замене торговли прямым распределением как сельскохозяйственной, так и промышленной продукции, централизованном снабжении населения, использовании всеобщей трудовой повинности и т.д. В результате в течение пяти месяцев (ноябрь 1920 — март 1921 гг.) эта политика распространилась и на Севастополь. Тяжёлое послевоенное положение города усугубилось ухудшением материально-технического снабжения.

Проведённый в марте 1921 г. X съезд РКП(б) рассмотрел и одобрил ряд социально-экономических мероприятий, получивших название «новой экономической политики» (нэп). Переход экономики Севастополя в условиях послевоенного восстановления к нэпу имел определённые особенности, которые рассматриваются в настоящей работе. Это потребовало представить историческую характеристику специфики следующих процессов:

- ▶ создания Совнархоза и его реструктуризации;
- ▶ кооперативного движения в первые годы нэпа;
- ▶ региональных особенностей реализации продразвёрстки и продналога;
- ▶ обеспечения населения продовольствием в период военного коммунизма и при переходе к нэпу.

Отдельным аспектам экономики города Севастополя 1920-х гг. посвящены следующие работы [Алтабаева, 2008; Алтабаева, 2021] [Баранов, 2021] [Ибраимов, 1926] [Иванова, 1955] [Кузьмина, 2014], [Тархов, 1998], [Терещук, 2011], [Шамко, 1958] [Юрченко, 2015; Юрченко, 2016]. Однако в данных работах отсутствует комплексная характеристика развития экономики города после окончания Гражданской войны в период перехода от «военного коммунизма» к нэпу.

² Доклад №0093/пш от 15 ноября 1920 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 101. Оп. 1. Д. 56. Л. 79.

³ РГВА. Ф. 6. Оп.12. Д.132. Л. 274.

Изучение экономической истории Севастополя в годы «военного коммунизма» и в первые годы нэпа происходило по линии рассмотрения отдельных её аспектов. В результате отсутствуют исследования обобщающего характера, которые комплексно, с использованием широкого круга источников и достижений отечественной и зарубежной исторической науки, осуществляли бы анализ экономической истории Севастополя в первые годы Советской власти.

Авторы опираются на статистические данные, базы нормативных актов советского периода и другие документы, размещённые в Архиве города Севастополя, Российском государственном военном архиве, Государственном архиве Республики Крым.

Создание Совнархоза и его реструктуризация

Главным экономическим событием после ухода из Крыма войск П.Н. Врангеля было создание Севастопольского уездного Совета народного хозяйства (далее — СевСНХ) с последующей централизацией управления. СевСНХ действовал на основании «Положения о районных (областных) и местных советах народного хозяйства», утверждённого 23 декабря 1917 г. Высшим СНХ⁴. СевСНХ был создан 20 ноября 1920 г. по приказу Севревкома. Прямое управление СевСНХ проводилось Коллегией в составе трёх членов: председателя, заместителя председателя и члена Коллегии. Председателем СевСНХ в начале декабря 1920 г. был назначен М.И. Иванов. С момента формирования СевСНХ осуществлял свою деятельность под общим контролем Севревкома, но с 1 июля 1921 г. перешёл под контроль вновь сформированного Севастопольского Совета рабочих, красноармейских и военморских депутатов, первое заседание которого прошло 1 июля 1921 г. в составе 390 человек, представляющих 41 729 избирателей⁵.

Первоначально назначенная Севревкомом Коллегия положила в основу организации СевСНХ следующие принципы:

- 1) Коллегия на месте должна проявлять в большей степени самостоятельность;
- 2) Коллегия является ответственной перед Крымским СНХ как за выполнение общей программы деятельности, так и за все промышленные предприятия в Севастополе, подведомственные СевСНХ;
- 3) СевСНХ должен иметь тесную связь с местным ревкомом.

Все предприятия СевСНХ управляются Коллегией при помощи, во-первых, поставленных во главе каждого предприятия Управляющего, во-вторых, при помощи производственно-промышленного отдела и, в-третьих, объединённой центральной бухгалтерией⁶. В соответствии с этим в начале декабря 1920 г. СевСНХ сформировал следующую отраслевую структуру, которая состояла из отделов: транспортно-материальный, металлов, пищево-вещевой, химический, рыбный, топливно-лесной, мельничный, кожевенный, текстильный, управления делами, сметно-финансовый, учётно-статистический, полиграфический, тяжёлой индустрии и бухгалтерия⁷.

Однако в дальнейшем эти принципы не соблюдались в полной мере. В частности, СевСНХ в соответствии с требованиями Крымского СНХ был позже разделён на 16 отделов вместо 15. Кроме того, в состав каждого отдела стали входить отдельные административные органы (заведующий, особый уполномоченный, инструктор, бухгалтерия и т.д.).

⁴ Сборник узаконений, постановлений и распоряжений по продовольственному делу (общего характера), вышедших в период времени с 1 августа 1917 года по 15 июля 1918 года. — М.: Типография Московского Совета рабочих депутатов. 1918. — 242 с. С. 185–187.

⁵ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–10.

⁶ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

⁷ АГС. Ф.Р-244. Оп. 1. Д.14. Л. 73.

Первой задачей СевСНХ было национализировать предприятия города и взять на учёт имущество, которые было оставлено белогвардейцами и частными предпринимателями. Эта работа была выполнена в кратчайшие сроки. Национализация предприятий и учёт имущества были проведены приказами Севревкома на основании протоколов заседания Коллегии СевСНХ⁸.

После учёта имущества в распоряжении СевСНХ оказались огромные объёмы различного рода активов, которые были распределены по отделам СНХ. На отчётном выступлении на заседании исполнительного комитета Севастопольского Совета рабочих, красноармейских и военморских депутатов (далее — исполкома) 14 июля 1921 г. председатель СевСНХ отмечал, что: «Всё имущество было настолько ценным и настолько крупным, что оно играло роль даже в снабжении всей республики. Здесь создан крупнейший запас различных материалов, сейчас же трофейная комиссия явилась для учёта. Появление трофейной комиссии впоследствии очень тяжело отразилось на тех ресурсах, которые могли быть оказаны, при правильном учёте, поддержку республике»⁹. Несмотря на возражения СевСНХ о том, что Севастополь является крупным промышленным центром и нецелесообразно выводить отсюда имущество, прибывшая трофейная комиссия наложила бронь на национализированное в Севастополе имущество. Наркомат путей сообщения вывез 50% имущества, на Донбасс было отправлено 30% имущества и осталось всего 20%, и то под бронью Чрезвычайного уполномоченного Совета Обороны¹⁰.

На 1 апреля 1921 г. СевСНХ состоял из следующих 15 отделов «по отраслям хозяйственной жизни»: общий отдел, кустпром (отдел кустарной промышленности), мельнично-пищевой, трамот (транспортно-материальный отдел), райлеском, отдел топлива, автобаза, одежда, отдел металлов, химический отдел, губкожа, полиграфический отдел, горный отдел, комгоссор (комитет государственных сооружений), бешуйские копи. В табл. 1 представлены данные на 1 июля 1921 г. о численности сотрудников СевСНХ в разрезе отделов перед реструктуризацией, а также абсолютное и относительное изменение в сравнении с соответствующей численностью на 1 апреля 1921 г.

В 1921 г. в связи с введением нэпа произошли серьёзные изменения в структуре СевСНХ. Денационализация и значительное уменьшение количества государственных предприятий в июле 1921 г. привело к сокращению отделов. После реструктуризации в СевСНХ осталось четыре отдела: организационно-административный, производственно-технический, отдел снабжения и финансово-счётная часть. Таким образом, произошёл переход от отраслевой структуры к функциональной, что снизило численность работников предприятий, находящихся в подчинении СевСНХ с 8 000 человек до 300¹¹. Однако в СевСНХ считали, что это сокращение не коснётся интересов рабочих, потому что большинство из них будет задействовано в кустарном производстве.

В докладной записке Председателя СевСНХ, составленной по результатам реструктуризации, было отмечено, что:

1. Во главе СевСНХ стоит Коллегия из трёх членов, кандидатуры которых выдвигаются исполкомом, парткомом и уездным профбюро.
2. Коллегия отвечает перед Крымским СНХ за выполнение утверждённой им производственной программы по Севастополю.
3. Коллегия ответственна за все севастопольские промышленные предприятия, находящиеся в ведении СевСНХ.

⁸ Государственный архив Республики Крым Ф.Р-1176. Оп. 1. Д. 3. Л. 61–62.

⁹ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 28.

¹⁰ Там же.

¹¹ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 28–31.

4. СевСНХ входит деятельным членом в местное экономическое совещание при исполкоме.

5. Коллегия поддерживает связь с Коллегией Крымского СНХ, ставит последнюю в своевременное осведомление.

6. Каждое промышленное предприятие СевСНХ обслуживается минимальным административным органом, в нем ведётся лишь материальное и приходо-расходное счетоводство. Технически все предприятия объединяются производственно-техническим отделом, где прежние отделы представлены ныне каждый одним человеком. Весь штат производственно-технического отдела составляет 18 человек.

7. В СевСНХ имеется всего одна канцелярия при Коллегии.

8. При Коллегии имеется одна центральная бухгалтерия.

9. Каждое предприятие имеет свой расходный материальный склад, за который ответственным является заведующий данного предприятия¹².

На единый производственно-технический отдел СевСНХ возлагалась «теснейшая связь с предприятиями, всякая техническая консультация, наблюдение и контроль за

Таблица 1

Динамика численности сотрудников СевСНХ (без учета рабочих и служащих предприятий) до реструктуризации в июле 1921 г.

№	Наименование отдела	Численность сотрудников, чел.		Изменение	
		на 1.04.1921 г.	на 1.07.1921 г.	чел.	%
1	Общий отдел	47	97	50	106,4
2	Кустпром (отдел кустарной промышленности)	17	19	2	11,8
3	Мельнично-пищевой отдел	11	14	3	27,3
4	Трамот (транспортно-материальный отдел)	175	44	-131	-74,9
5	Райлеском	300	271	-29	-9,7
6	Отдел топлива	65	65	0	0
7	Автобаза	41	27	-14	-34,1
8	Отдел одежды	5	10	5	100
9	Отдел металлов	95	83	-12	-12,6
10	Химический отдел	34	34	0	0,0
11	Губкожа	15	23	8	53,3
12	Полиграфический отдел	23	26	3	13
13	Горный отдел	4	6	2	50
14	Комгоссор (комитет государственных сооружений)	20	25	5	25
15	Бешуйские копи	0	10	10	н/д
	ИТОГО	852	754	-98	-11,5

Источник: систематизировано и рассчитано авторами (использовались данные АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д.10. Л. 7).

¹² АГС Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

деятельностью, улучшение постановки производства и поднятие производительности, наблюдение за предприятиями, сданными в аренду, регулирование даваемых им заказов, составление договоров и условий, приём заказанных материалов и предметов, обследование требований на материалы, составление производственных смет, программ и прочее по отдельным предприятиям и в целом для СевСНХ, расценка материалов»¹³.

В подчинении СевСНХ должны были остаться стратегические или наиболее рентабельные предприятия с исправным технологическим оборудованием и имеющие относительно устойчивый сбыт. Например, типографии, мельницы, портовый лесопильный завод, военно-обмундировочная мастерская, консервная фабрика, обувная фабрика, шорно-сидельная мастерская, завод «Черномор», завод по выработке дельфиньего жира и другие. Остальные предприятия руководство города совместно с СевСНХ планировали передать в аренду частным лицам, кооперативным организациям и трестам. В табл. 2 представлены данные о предприятиях и численности их персонала, закреплённых за СевСНХ после реструктуризации.

С момента реструктуризации СевСНХ для решения оперативных экономических задач города при исполкоме начало функционировать постоянно действующее экономическое совещание, которое возглавил Председатель исполкома Семён Николаевич Крылов. В заседаниях экономического совещания участвовали представители городских хозяйственных органов управления, в том числе и Председатель СевСНХ, которые обсуждали важные неотложные вопросы, в первую очередь обусловленные фактическим отсутствием хозяйственного законодательства. Например, в протоколе одного из первых заседаний экономического совещания от 6 июля 1921 г. рассмотрено два вопроса: о признании Севастопольского уезда рыбным «промысловым или непромысловым» районом и о введении местных налогов и определении характера их взимания (денежный или натуральный)¹⁴.

Таким образом, создание СевСНХ в 1920 г. привело к полной национализации всех предприятий города, а также к установлению государственного регулирования и фондирования ресурсами. После введения нэпа и реструктуризации Совнархоза в 1921 г. часть предприятий была передана в аренду частным лицам или кооперативным организациям, однако наиболее крупные, рентабельные и стратегически важные предприятия остались в подчинении СевСНХ.

Активизация кооперативного движения

В 1921 г. стало очевидно, что централизация промышленности не способствует восстановлению предприятий и снижению цен. При переходе к нэпу были восстановлены отдельные элементы рыночной экономики, но основную роль в экономике продолжал играть государственный сектор, в рамках которого остались наиболее крупные и эффективные предприятия (табл. 2). Самый крупный в Севастополе завод — Портовый завод (Морзавод) остался в государственной собственности, поскольку на него возлагалась задача восстановления Черноморского флота. Так, на общем собрании Севастопольской портовой коммунистической ячейки 14 июля 1921 г. докладывалось, что «положение Портового завода находится в весьма благоприятных условиях в смысле сырья, материалов и топлива, а также смазочных средств, запасы которых обеспечены на три месяца... для завода отпускаются из центра все необходимые принадлежности технического приспособления в довольно большом размере»¹⁵.

¹³ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

¹⁴ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

¹⁵ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

Таблица 2

Численность рабочих и служащих на предприятиях, закреплённых за СевСНХ на 10 июля 1921 г.

№	Название предприятия	Численность, чел.		
		рабочих	служащих	всего
1	Механический и чугунолитейный завод «Черномор»	32	5	37
2	Электро-сила (учреждение)	30	5	35
3	Спиртоочистительный завод	15	5	20
4	Ледоделательный завод	5	2	7
5	Завод по выработке дельфиньего жира	7	3	10
6	1-ая Советская мельница	42	11	53
7	2-ая Советская мельница			
8	3-ая Советская мельница			
9	Портовый лесопильный завод	14	3	17
10	Военно-обмундировочная мастерская	115	10	125
11	Ремонтный артиллерийский завод (завод «КРАЗ»)	192	34	226
12	Механический и чугунолитейный завод (завод Ророга)	59	11	70
13	Автобаза	50	22	72
14	Базсклад	25	5	30
15	1-й Кожевенный завод (завод Неофита)	57	8	65
16	2-й Кожевенный завод (завод Экслера)	12	3	15
17	Обувная фабрика (фабрика Евдокимова)	115	10	125
18	Шорно-седельная мастерская	28	7	35
19	1-я Типография	69	11	191
20	2-я Типография	38		
21	3-я Типография	22		
22	4-я Типография	21		
23	5-я Типография	5		
24	Литография	2		
25	Переплётная	13		
26	Ремонтная мастерская при типографиях	8		
27	Мастерская по изготовлению лент и копировальной бумаги	2		
28	Бельбекская консервная фабрика (фабрика Смирнова по выработке повидла и других консервов)	10	1	11
	ИТОГО	988	156	1144

Источник: Составлено авторами (использовались данные АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 10. Л. 10; Севастополь: Хроника революций и гражданской войны 1917–1920 гг. / Под ред. В.В. Крестьянникова — Симферополь: Государственный комитет архивов Украины. Государственный архив города Севастополя. 2005.; Ежегодные всеподданнейшие отчеты севастопольских градоначальников: 1874–1915 гг.: Сб. док. Вып. 3. Ведомости к обзорам Севастопольского Градоначальства / Сост. А.В. Ефимов. — М.: Институт Наследия. 2022; Севастополю 200 лет. 1783–1983. Сб. док. и материалов / Сост. Г.И. Ванеев И.П. Кондратов. М.А. Коротков. НН Фомина — Киев: Наукова думка. 1983).

7 июля 2021 г. был принят Декрет «О промысловой кооперации», который предоставил право трудящимся кустарных и иных промыслов образовывать промысловые кооперативные товарищества или артели для организации труда своих членов, снабжения их требующимися основными и оборотными средствами с целью увеличения количества и улучшения качества производимых ими продуктов¹⁶. В июле 1921 г. в Севастополе было зарегистрировано до 130 артелей¹⁷.

Активизации кооперирования способствовали меры государственной поддержки, которые предполагали выдачу заказов «кооперативным объединениям преимущественно перед частными лицами»; авансирование кооперативных организаций «для выполнения ими государственных заказов и ... заданий принадлежащим государству сырьём и денежными средствами» и оказание кооперативным организациям преимущества перед отдельными лицами при поиске «необходимых им помещений, при приобретении инструментов и при заготовке необходимого им сырья»¹⁸.

Промысловая кооперация в Севастополе была организована в союзы: рыбаков — рыбацкая кооперация, кустарей — кустарно-промысловая кооперация.

Рыбацкая кооперация с середины 1920-х гг. начала активно развиваться. Количество рыбаков, объединённых в союз, составляло в 1926 г. 340, а в 1927 г. — 353 человек. Оборот по улову рыбы также возрос за этот период с 31 396 руб. до 101 853 руб. При этом прибыль рыбацкой кооперации в 1927 г. составила 6 992 руб., в том числе за счёт организованного снабжения рыбаков снастями и кредитными ресурсами¹⁹.

Развитию кустарно-промысловой кооперации способствовал союз кустарей-одиночек, который являлся не столько кооперативной, сколько правовой организацией. Также в городе функционировал «Трудбанк», который способствовал обеспечению кустарей ресурсами (табл. 3). Значительная часть кустарей вследствие этого состояла членами обеих организаций: «Союза кустарей одиночек» и «Трудбанка»²⁰.

Таблица 3
Показатели работы «Трудбанка»

	1924	1926	1927
Число членов «Трудбанка», чел.	282	1 162	1 270
Кредитование кустарно-промысловой кооперации через «Трудбанк», руб.	78 829	215 493	259 164

Источник: Отчёт севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VI созыва о работе за время с I/IV по I/X 1927 г. // АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 28–29.

Объём производства Севастопольской кустарной промышленности за период 1 июля 1926 — 1 июля 1927 гг. (финансовый год начинался с 1 июля) был равен 2,5 млн руб., кроме хлебопечения, производимого на сумму 1,3 млн руб. «Цифры эти с полной очевидностью свидетельствуют о громадном значении кустарной промышленности в общей сети

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. — Москва: Б. и. 1944. С. 583–585.

¹⁷ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

¹⁸ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. — Москва: Б. и. 1944. С. 583–585.

¹⁹ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 28.

²⁰ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 28–29.

городского хозяйства», — говорится в отчёте Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов за 1927 г.²¹

Помимо промышленности, процессы кооперирования происходили и в торговой сфере. Кооперация в торговле получила название потребительской. В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 7 апреля 1921 г. «О потребительской кооперации» потребительским обществам предоставлялось «право обмена и скупки излишков сельскохозяйственного производства, а равно кустарных и ремесленных изделий и сбыта их». На потребительские общества государством возлагались следующие обязанности: во-первых, «выполнение обязательных заданий продовольственных органов в области заготовок и обмена изделий фабрично-заводской и кустарной промышленности на продукты сельского хозяйства»; во-вторых, «распределение в стране всех предметов продовольствия и широкого потребления, заготовленных государством и полученных с национализированных фабрик и заводов, концессионных предприятий и вывезенных из-за границы»²².

Приказом Крымского Революционного комитета (далее — Крымревком) от 19 июля 1921 г. №436 крымской кооперации предоставлялись все права и льготы, указанные в декрете Совета Народных Комиссаров от 7 апреля 1921 г.²³ В Севастополе потребительская кооперация координировалась деятельностью следующих организаций: Центральным союзом потребительских обществ, Крымским союзом рабоче-крестьянских потребительских обществ и Единым потребительским обществом, которое в 1923 г. было переименовано в Центральный рабочий кооператив (далее — ЦРК) и считалось главной кооперативной торговой организацией города²⁴.

В 1920-х гг. деятельность ЦРК постепенно расширялась, увеличивалось количество пайщиков. Так, на 1 октября 1924 г. число пайщиков составляло 8 275, а на 1 октября 1927 г. — уже 16 700 человек. При этом общая сумма паевого капитала за данный период выросла с 27 532 руб. до 72 000 руб.

Государственная торговля в Севастополе также имела важное значение. Она осуществлялась через местные отделения торговых организаций: Экспортхлеба, Сахаротреста, Нефтесиндиката, Крымрыбы, Лесбела, Крымгостопа, Камвольсбыта, Крымиздата, Госиздата, Хлебопродукта, Центроспирта и т.д. Частная торговля также всё ещё занимала значительное место в городском торговом обороте²⁵. Участие в розничном и оптовом торговом обороте государственного, кооперативного и частного секторов в 1926–1927 гг. представлено в табл. 4.

Если рассмотреть суммарное участие в розничном и оптовом торговом обороте государственного, кооперативного и частного секторов в 1926–1927 гг., то наглядно видно, что в оптовой торговле Севастополя доминировал государственный сектор, а в розничной — частный. Кооперативный сектор составлял около $\frac{1}{3}$ как в розничной, так и в оптовой торговле города. При этом за период с 1925 по 1927 гг. наблюдалось увеличение доли кооперативной розничной торговли на 9,4% и почти пропорциональное уменьшение доли государственной (–6,52%) и частной розничной торговли (–2,88%) (рис. 1).

Таким образом, внедрение кооперации в промышленности и торговле способствовало оживлению деловой активности в городе: увеличению объёмов кустарного производства, розничного и оптового товарооборота.

²¹ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 29.

²² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. — Москва: Б. и. 1944. С. 248–250.

²³ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

²⁴ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 27.

²⁵ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 29.

Таблица 4

Участие в торговом обороте государственного, кооперативного и частного секторов в 1926–1927 гг.

Показатель	Оборот, руб.	Доля, %
Розничный оборот		
1. Государственная торговля	5 063 108	17,55
2. Потребительская кооперация	6 241 288	21,64
3. Транспортно-потребительская кооперация	250 000	0,87
4. Сельскохозяйственная кооперация	539 508	1,87
5. Кустарно-промысловая и рыбацкая кооперация	1 068 408	3,7
6. Жилищной кооперация	552 321	1,91
7. Частная торговля	15 122 070	52,42
Итого розничный товарооборот	28 846 703	100
Оптовый оборот		
1. Государственная торговля	4 434 060	46,73
2. Потребительская кооперация	1 259 496	13,27
3. Сельскохозяйственная кооперация	1 075 017	11,33
4. Кустарно-промысловая и рыбацкая кооперация	826 876	8,71
5. Частная торговля	1 893 292	19,95
Итого оптовый товарооборот	9 488 741	100

Источник: Отчёт Севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VI созыва о работе за время с 1/IV по 1/X 1927 года // АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 29.

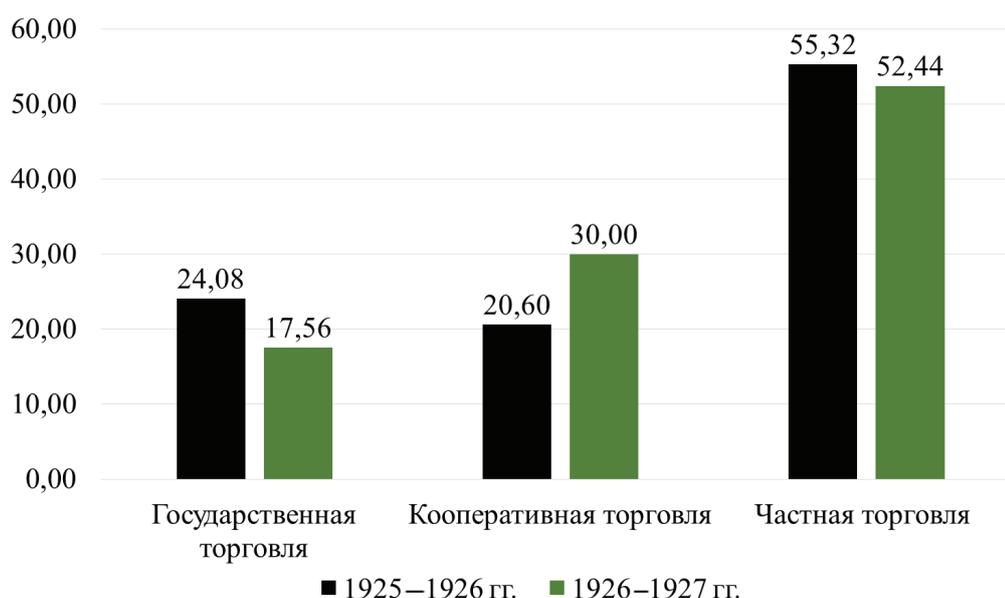

Рис. 1. Доля в розничном торговом обороте государственного, кооперативного и частного секторов в 1925–1927 гг., %

Источник: Отчёт севастопольского городского совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов VI созыва о работе за время с 1/IV по 1/X 1927 г. // АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 155. Л. 29.

Региональные особенности реализации продразвёрстки и продналога

Основой реализации политики «военного коммунизма» на этапе его зарождения послужило введение продовольственной развёрстки (далее — продразвёрстка). Утвержденная Декретом Совета Народных Комиссаров «О развёрстке зерновых хлебов и фуража, подлежащих отчуждению в распоряжение государства, между производящими губерниями» от 11 января 1919 г., продразвёрстка предписывала отчуждение у населения хлеба и фуража в количестве, «необходимом для удовлетворения государственных потребностей». Более того, 70% всего причитающегося на каждую губернию объёма поставок в рамках продразвёрстки должно было быть поставлено не позднее 1 марта 1919 г.²⁶

В Севастополе продразвёрстка была введена 19 ноября 1920 г. после установления Советской власти на территории Крымского полуострова и формирования Продовольственного комитета [Колонтаев, 2008. С. 17].

Отчуждаемые в ходе продразвёрстки продукция и сырьё направлялись не только на обеспечение нужд государства (в частности, снабжение частей Красной армии), но и на «нужды местного, как городского, так и крестьянского населения, не имеющего в потребной норме своего хлеба»²⁷. Всё это увеличивало количество продовольствия, изымаемого у населения. Начавшись со сбора хлеба и фуражного зерна, позднее продразвёрстка охватила картофель, мясо, а к концу 1920 г. — почти все продукты сельскохозяйственного сектора [Дмитренко, 1975].

Уже в декабре 1920 г. Севревком направил Крымревкому телеграмму, в которой отмечал бедственное положение города, связанное с высокой потребностью в продуктах и отсутствием источников снабжения. Ситуация в городе была названа «настоящим кризисом продовольствия». Помимо дефицита хлебов отмечалось полное отсутствие картофеля, овощей, мяса, рыбы, консервов. Кроме того, к началу 1921 г. ожидалось прибытие большого количества частей морского ведомства, что в перспективе только ухудшало продовольственное положение города²⁸. Начавшись зимой, продразвёрстка в Севастополе не могла обеспечить население продовольствием. Часть запасов использовалась для снабжения располагавшихся тогда в Крыму армий. Нерациональное распределение продуктовых запасов, а также недостижимые показатели сбора продразвёрстки привели к голоду. О нерациональном распределении продовольствия свидетельствует также протокол заседания Пленума Крымского Революционного комитета от 1 августа 1921 г.: «В связи с отсутствием транспорта, а также распоряжениями Предуревкомов (председателей уездного революционного комитета) и Предисполкомов (председателей исполнительных комитетов), отменяющими установленные Облпродкомом (областной продовольственный комитет) порядок и нормы довольствия, в силу чего произведён значительный перерасход продовольствия — продовольственное положение Крыма тяжёлое, происходит перебой в выдаче довольствия...»²⁹. Негативно отразилась на жизни города и результатах сбора продразвёрстки засуха и нашествие саранчи в 1921 г., что привело к гибели более 40% всех посевов и 70% голов рогатого скота, а сохранившиеся посевы зерновых были малоурожайны (10 пудов зерна с десятины) [Колонтаев, 2008. С. 19].

В Крыму и Севастополе принципы продразвёрстки распространялись на «излишки» непродовольственных товаров. Согласно протоколу заседания Пленумов горсовета III созыва,

²⁶ Сборник декретов и постановлений Советской власти по народному хозяйству. Сб. декретов и постановлений по народному хозяйству / Под ред. Юридического отдела В.С.Н.Х. Вып. 2 / Р.С.Ф.С.Р. Высший совет народного хозяйства. Отдел редакционно-издательский. — М.: ВСНХ. 1920. С. 628–629.

²⁷ Там же.

²⁸ *Ревкомы Крыма*: Сб. док. и материалов / Л.Д. Солодовник (отв. ред.). — Симферополь: Крым. 1968. С. 125.

²⁹ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

было постановлено: «...принять меры к ликвидации находящейся в ведении Местхоза мебели...; ...мебель, числящаяся за государственными учреждениями, закрепить за последними, изъяв излишки для продажи трудовому населению; ...мебель, находящуюся в пользовании у трудового населения, предложить купить последнему, предоставив льготные условия; ...мебель, находящуюся у нетрудового населения и числящуюся за местхозом немедленно изъять...»³⁰.

Негативно повлиял на экономическую ситуацию в городе также запрет частной торговли, имевший большое значение для севастопольского крестьянства: «При существовавшей политике в области товарооборота и государственного регулирования рынка продукты производства Крыма не находили себе сбыта... ввиду запрещения частной торговли»³¹. Торговый запрет затрагивал также рыбный промысел, где теперь изымали весь улов, оставляя лишь 10% для передачи в созданный кооператив рыбаков [Алтабаева, 2008. С. 27].

С.Н. Крылов, описывая ситуацию с продразвёрсткой, утверждал, что: «В области продовольствия здесь в Севастополе мы находились и находимся, и будем находиться в весьма трудных условиях. Мы не имели своей территории, на которой могли бы вести свои заготовки. Мы были только бывшим градоначальством, ограниченные крепостной стеной. А вы знаете, что при системе продразвёрстки мы не имели права никаких заготовительных функций и должны были распределять только то, что получали из центра»³². Для решения этой проблемы, то есть для обеспечения потребности Севастополя в продовольствии, к городу был присоединён «уезд из Балаклавского и Бахчисарайского района» (территории Ялтинского и Симферопольского уездов), но там продовольствия не оказалось³³.

Основополагающим мероприятием нэпа стала реформа в сфере налогообложения производителей сельскохозяйственной продукции, которая состояла в отмене продразвёрстки и введении натурального продовольственного налога (далее — продналог). В соответствии с п. 3 Декрета Всероссийского Центрального исполнительного комитета (далее — ВЦИК) от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом» продналог планировали собирать «в виде процентного или долевого отчисления от произведённых в хозяйстве продуктов, исходя из учёта урожая, числа едоков в хозяйстве и наличия скота в нём»³⁴. Величина продналога была практически вдвое меньше продразвёрстки, что позволяло крестьянам свободно распоряжаться оставшимися у них излишками.

Продразвёрстка на территории полуострова сохранялась до 1 июня 1921 г. Днём ранее, 31 мая 1921 г., Крымревком в соответствии с решениями X съезда Российской коммунистической партии (большевиков) (далее — РКП(б)) постановил развёрстку на предметы продовольствия и сырьё отменить [Ишин, 2022. С. 44].

Ставки продналога по различным видам сельскохозяйственной продукции были определены дополнительно отдельными декретами: Декрет Совета народных комиссаров (далее — СНК) от 21 апреля 1921 г. «О натуральном налоге на хлеб, картофель, масличные семена»³⁵, Декрет СНК от 21 апреля 1921 г. «О натуральном налоге на молочные продукты»³⁶, Декрет СНК от 21 апреля 1921 г. «О натуральном налоге на яйца»³⁷, Декрет

³⁰ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 119. Л. 7.

³¹ Годовой отчёт Крымской чрезвычайной комиссии за 1921 год. — Симферополь: Издание Крымской чрезвычайной комиссии. 1922. С. 42.

³² АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

³³ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

³⁴ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. — М.: Б. и. 1944. С. 245–246.

³⁵ Там же. С. 327–329.

³⁶ Там же. С. 315–317.

³⁷ Там же. С. 329–330.

СНК от 10 мая 1921 г. «О натуральном налоге на шерсть»³⁸, Декрет СНК от 10 мая 1921 г. «О натуральном налоге на льняное и пеньковое волокно»³⁹, Декрет СНК от 11 мая 1921 г. «О натуральном налоге на табак»⁴⁰, Декрет СНК от 17 мая 1921 г. «О натуральном налоге на сено»⁴¹, Декрет СНК от 31 мая 1921 г. «О натуральном налоге на продукты огородничества и бахчеводства»⁴², Постановление Совета Труда и Оборона от 3 июня 1921 г. «О натуральном налоге на продукты пчеловодства»⁴³, Декрет СНК от 14 июня 1921 г. «О натуральном мясном налоге»⁴⁴, Декрет СНК от 09 августа 1921 г. «О натуральном кожевенно-сырьевом налоге»⁴⁵, Декрет ВЦИК и СНК от 15 сентября 1921 г. «Об обязательной поставке домашней птицы в порядке натурального налога на 1921 г.»⁴⁶. В каждом из перечисленных документов указан Крым как регион, в котором будет организован сбор продналога.

Как только был введён продналог, севастопольский исполком начал широкую информационную разъяснительную работу среди заинтересованных слоёв населения и соответствующих органов власти. Так, руководствуясь Декретом СНК от 15 июля 1921 г. «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене»⁴⁷, Председатель исполкома С.Н. Крылов отправил руководящее письмо в Рабоче-крестьянскую инспекцию о важности сбора продналога⁴⁸. Как отмечает в своём докладе Областной продовольственный комиссар П.С. Бортников на Пленуме Крымревкома 15 августа 1921 г. (протокол № 77): «Для успешного проведения сбора продналога необходимо организовать продовольственные совещания, как в Симферополе, так и в уездных городах Крыма, выделить из состава Крымревкома пять человек для проведения кампании по сбору продналога...»⁴⁹.

Поскольку взимание продналога могло сопровождаться также скупкой продуктов питания сверх размера налога, Крымревком поручил Крымфинотделу выдать ответственным лицам сумму в размере 1 600 000 000 руб., а «в случае отсутствия в кассе финотдела продать на вольном рынке до 1 000 пудов фруктов и до 20 000 пудов рыбы»⁵⁰.

Через три месяца после выхода Декрета СНК от 21 апреля 1921 г. «О натуральном налоге на хлеб, картофель, масличные семена»⁵¹ севастопольский исполком Приказом от 11 августа 1921 г. №277 определил разряд урожайности по продналогу на зерно. В приказе значится: «Настоящим Севастопольский уездный исполком объявляет всему уезду что ... для Севастопольского и Бахчисарайского районов урожайность определена по четвёртому разряду шкалы взимания продналога на зернопродукты»⁵². Четвёртый разряд урожайности подразумевал сбор от 35 до 40 пудов зерна с десятины. Ставка налога зависела, помимо прочего, от числа едоков в домохозяйстве и от объёма пашни. В результате, согласно присвоенному Севастополю разряду, ставка налога варьировалась от 10 фунтов до 8 пудов зерна с десятины земли.

³⁸ Там же. С. 469–471.

³⁹ Там же. С. 542–543.

⁴⁰ Там же. С. 492–493.

⁴¹ Там же. С. 474–475.

⁴² Там же. С. 506–508.

⁴³ Там же. С. 517–519.

⁴⁴ Там же. С. 529–532.

⁴⁵ Там же. С. 715–717.

⁴⁶ Там же. С. 792–793.

⁴⁷ Там же. С. 620–621.

⁴⁸ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

⁴⁹ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1921 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. — Москва: Б. и., 1944. С. 327–329.

⁵² АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 6. Л. 69.

Большинство принятых декретов, которые были перечислены выше, требовало ещё более глубокой детализации на местах с учётом региональных особенностей, что проявилось, например, в налоге на пчеловодство: ставка повышалась в зависимости от количества ульев. Введению продналога на молоко в Севастопольском уезде предшествовала обязательная регистрация коров. Соответствующий приказ севастопольского исполкома по Севастопольскому продовольственному комитету от 11 июля 1921 г. №255 гласил: «В целях введения продналога на молоко и возможного снабжения молочного скота кормами предлагается ... в течение трёх дней со дня опубликования настоящего приказа всем владельцам коров города Севастополя и окрестностей, в том числе хуторов новой земли, зарегистрировать в упродкоме (уездном продовольственном комитете), Нахимовский проспект № 38, второй этаж, Отдел заготовок. Под страхом строгой ответственности предлагается Предкварткомам, по истечении трёхдневного срока, проверить у всех владельцев коров их района и наличие карточек о регистрации коров. Начальнику милиции вменяется в обязанность провести на местах проверку правильности регистрации. В случае обнаружения незарегистрированных коров, таковые подлежат конфискации, а владельцы преданию суду»⁵³.

Работа севастопольского упродкома по сбору продналога началась в октябре 1921 г. Следует отметить, что в 1921 г. в Крымской области продналог на зерно был отменён по причине гибели значительного количества посевов в результате жаркой и сухой погоды. О результатах сбора продналога можно судить на основании доклада уездного продовольственного комиссара П.И. Зубиетова на заседании Севастопольского горсовета 30 ноября 1921 г. П.И. Зубиетов отмечает: «На 20-е ноября поступило в счёт налога: хлеба — 6 000 пудов, овощей — 13 000 пудов, рыбы — 914 пудов, фруктов — 360 пудов. Теперь вследствие отмены продналога на хлеб в виду поражения нашего уезда недородом, остаётся выполнить налог главным образом на мясо, жиры и рыбу. В целом же работа по сбору продналога должна быть закончена к 1 декабря сего года»⁵⁴.

Таким образом, продразвёрстка в Крыму и Севастополе осенью 1920 — весной 1921 гг. не позволила аккумулировать необходимый объём товаров первой необходимости для обеспечения населения и базировавшихся в Севастополе военных частей. Как уже указывалось, для выполнения плана продразвёрстки в начале 1921 г. Севастополю были переданы территории Ялтинского и Симферопольского уездов. Несмотря на это, итогом продразвёрстки в Севастополе стало значительно ухудшение социально-экономического положения населения. Первым мероприятием при переходе к нэпу стало введение продналога — твёрдо фиксированного натурального налога с крестьянских хозяйств, который послужил стимулом для их развития в Севастополе, поскольку его размер был практически в два раза меньше продразвёрстки.

Нормированное распределение продовольствия

Мероприятия продовольственной политики, осуществляемой большевиками в период «военного коммунизма» можно обозначить термином «продовольственная диктатура», то есть система чрезвычайных мер, направленных на снабжение продовольствием городских жителей и РККА. Регулярное проявление «продовольственной диктатуры» началось после декретов ВЦИК от 9 мая 1918 г.⁵⁵ и 11 июня 1918 г.⁵⁶ Данные декреты были направлены на борьбу с расслоением населения, а также со спекуляцией хлебными запасами в деревнях.

⁵³ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

⁵⁴ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 38.

⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. — М: Б.и. 1942. С. 488–490.

⁵⁶ Там же. С. 582–584.

Система выдачи пайков была организована в Севастополе сразу с приходом Советской власти в ноябре 1920 г. На получение пайков (по различным нормам) имели право:

- рабочие физического труда, занятые в советских предприятиях и учреждениях;
- лица, занятые умственным и конторским трудом в советских учреждениях и предприятиях;
- лица, занятые в частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах (ремесленники, кустари), не эксплуатирующие чужого труда;
- лица, освобождённые от труда вследствие инвалидности;
- лица, занятые в семье трудящихся уходом за детьми до 12-летнего возраста, а также ведущие необходимое хозяйство в семье трудящихся, состоящей не менее чем из 3-х лиц;
- дети в возрасте до 16 лет и учащиеся старше 16 лет;
- женщины в период беременности, начиная с 5-го месяца;
- безработные, имеющие право на пособие по безработице⁵⁷.

В июле 1921 г. председатель Севревкома С.Н. Крылов говорил, что в первые месяцы Советской власти в связи с наличием запасов, получением достаточного количества хлеба в ходе продрозверстки, поставками хлеба с Украины, количество пайков равнялось 100 000. Такое большое количество пайков требовалось в течение 3–4 месяцев для обеспечения всего населения, поскольку почти всю «живую силу, которая имела в Севастопольском уезде», приходилось задействовать для выполнения «срочных работ»⁵⁸. С.Н. Крылов также отмечал, что «...Врангель оставил в Севастополе продовольствия только на три месяца, топлива только на месяц»⁵⁹.

В последующие месяцы началось сокращение числа пайков. «Дело в том, что мы в продовольственном отношении зависим от снабжающего нас облпродкома (областного продовольственного комитета). Сокращение было проведено в мае (1921 г.) до 78 000, в июне до 60 000. Затем у нас начала проводиться новая экономическая политика; мы старались “отделаться” от мелких предприятий, поставить их в положение свободного труда и тем избавиться от обязанности снабжать их государственным пайком. Одновременно Крымпродком (Крымский продовольственный комитет) уменьшал количество хлеба до 60 000 пайков в июне месяце (1921 г.), с этим количеством мы перешли на июль, но в первых числах поступила телеграмма о том, что Севастополю отпускается всего 30 000 пайков. 18 числа (18 июля 1921 г.) опять телеграмма Крымпродкома о том, что сокращено количество до 18 870 пайков»⁶⁰.

В Докладе о деятельности Севревкома I уездному съезду Советов №151 от 12 сентября 1921 г. говорится: «Товарищи, если бросить взгляд на 10 месяцев работы Советской власти в Севастопольском уезде, нам сразу бросится в глаза, что эта работа резко делится на две части, на два этапа: первый этап, охватывающий 6–7 мес., этап первичного зарождения учреждений Советской власти до новой экономической политики и второй этап — развитие Советской власти уже после и во время проведения в жизнь начал новой экономической политики»⁶¹. Там же упоминается, что в первый этап в Севастополе получали 100 000 пайков ежемесячно. Эта цифра отражает количество человек, находившихся на государственном иждивении. Второй период стал активно проявляться в связи с новыми условиями продовольственной политики, когда местный ревком принял решение сокра-

⁵⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1920 г. — М.: Б.и. 1943. С. 237–238.

⁵⁸ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–24.

⁵⁹ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

⁶⁰ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 23–24.

⁶¹ *Ревкомы Крыма: Сб. док. и материалов* / Л.Д. Солодовник (отв. ред.). — Симферополь: Крым. 1968. С. 205.

тить количество предприятий находящихся в его ведении со 150 до 15, что повлекло резкое уменьшение количества пайков⁶².

Количество пайков, планируемых к выдаче работникам предприятий и учреждений Севастополя, в сентябре 1921 г. составляло около 10 тыс. Обычные нормы довольствия населения были относительно невысокими и включали около 8 кг муки, всего 100 гр. мяса рыбы и около 9 кг овощей. Усиленная норма была немного выше, особенно в отношении мяса рыбы, которого выдавалось около 3,4 кг. Государство также брало на себя обязательство обеспечения больных и детей по усиленным нормам. В Севастополе в июле 1921 г. числилось 580 больных по Здраводелу (из них 395 больных в городе и 185 — по уезду). Что касается детей, то их численность составляла 2 657 человек.

Возникающие сложности со снабжением в течение всего 1921 г. заставляли руководство Севастополя «выбивать» у центральных органов власти любые продукты (или деньги на закупку) и в дальнейшем стараться их обменивать на продукты, которые входят в продовольственный паёк. Однако ряд продуктов нельзя было обменивать на внутреннем рынке, только на внешнем. Председатель Севастопольского исполкома С.Н. Крылов в докладе на первом заседании Горсовета отмечает: «...Нам был отпущен товарный фонд деньгами или товаром, солью, например, для того, чтобы эту соль мы могли обменять на продукты. Это ходатайство было проведено энергично, и мы получили месяц назад наряд на 130 000 пудов соли, но в момент, когда мы этот наряд получили, вышел декрет о том, что соль является продуктом монополизированным, что только Наркомпрод может распоряжаться им»⁶³.

Таким образом, в 1920–1921 гг. в Севастополе наблюдалось снижение количества выдаваемых пайков. В период «военного коммунизма» в ноябре 1920 — мае 1921 гг. обеспечение пайками в существовавших нормах было затруднительно в связи со сложностью сбора продовольствия. Принятие нэпа сопровождалось частичной денационализацией, а уменьшение количества государственных предприятий привело к снижению количества пайков почти в 10 раз за лето 1921 г.

Заключение

В работе представлены основные особенности трансформации экономики Севастополя при переходе от политики «военного коммунизма» к нэпу.

1. Создание СевСНХ в 1920 г. привело к национализации всех предприятий города, а также к установлению государственного регулирования и фондирования ресурсами. После введения нэпа и реструктуризации Совнархоза в 1921 г. часть предприятий была передана в аренду частным лицам или кооперативным организациям, однако наиболее крупные, рентабельные и стратегически важные предприятия остались в подчинении СевСНХ.

2. Анализ кооперативного движения в Севастополе в период нэпа позволил выявить постепенное увеличение объёмов производственной продукции в рамках кустарно-промысловой и рыболовецкой кооперации, а также рост товарооборота в рамках потребительской кооперации к середине 1920-х гг.

3. Продразвёрстка в Крыму и Севастополе осенью 1920 — весной 1921 гг. не позволила аккумулировать необходимый объём товаров первой необходимости для обеспечения населения и базировавшихся в Севастополе военных частей. Для этого в начале 1921 г. для выполнения плана продразвёрстки Севастополю были переданы территории Ялтинского и Симферопольского уездов. Несмотря на это, итогом продразвёрстки в Севастополе стало значительно ухудшение социально-экономического положения населения. Первым мероприятием при переходе к нэпу стало введение продналога — твёрдо фиксированного нату-

⁶² Там же. С. 206.

⁶³ АГС. Ф.Р-79. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

рального налога с крестьянских хозяйств, который послужил стимулом для их развития в Севастополе, поскольку его размер был практически в два раза меньше продрозвёрстки.

4. Анализ обеспечения населения продовольствием выявил снижение количества выдаваемых в Севастополе пайков в 1920–1921 гг. Обеспечение пайками в существовавших нормах в период «военного коммунизма» (ноябрь 1920 — май 1921 гг.) было затруднительно в связи со сложностью сбора продовольствия. Переход к нэпу избавил руководство города от обязанности снабжать население государственными пайками, и количество пайков за лето 1921 г. снизилось почти в 10 раз.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Алтабаева Е.Б. (2008). *Марш энтузиастов: Севастополь в 1920-1930 годах* [Altabaeva E.B. (2008). *March of enthusiasts: Sevastopol in 1920–1930*]. — Севастополь: Телескоп.
- Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Дмитриева В.В., Митус А.А. (2021). Состояние и структура экономики г. Севастополь перед началом Великой Отечественной войны [Baranov A.G., Garmashova E.P., Dmitrieva V.V., Mitus A.A. (2021). *The state and the structure of Sevastopol economy before the great patriotic war*] // *Московский экономический журнал*. № 5. С. 113–133.
- Баранов А.Г., Гармашова Е.П., Лопатина Т.А., Пунга Д.В. (2024). Хозяйственная жизнь города Севастополя на рубеже XVIII–XIX веков [Baranov A.G., Garmashova E.P., Lopatina T.A., Punga D.V. (2024). *The Economic Life of Sevastopol During the Late 18th and Early 19th Centuries*] // *Экономическая политика*. № 5 (19). С. 186–211. DOI: org/10.18288/1994-5124-2024-5-186-211.
- Дмитриенко В.П. (1975). Проздрозвёрстка [Dmitrienko V.P. (1975). *Prodravzverstka*] // *Большая советская энциклопедия*. Т. 21. С. 35.
- Ибраимов В. (1926). Пять лет Советской власти в Крыму [Ibraimov V. (1926). *Five years of Soviet rule in Crimea*] // *Весь Крым. 1920–1925: юбилейный сб.*. С. I–XIX. (ред.)
- Иванова З.Н. (1955). *Севастополь в восстановительный период (1921–1925 гг.)*: Дис. канд. ист. наук [Ivanova Z.N. (1955). *Sevastopol during the reconstruction period (1921–1925)*]. — Симферополь: Академия наук УССР. Институт истории.
- История Севастополя*: В 3 т. Т. 3. *Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг.* (2021). [The History of Sevastopol: In 3 Vols. Vol. 3. *Sevastopol in the Soviet and Post-Soviet Periods. 1917–2014*. (2021)]. / Под. ред. Е.Б. Алтабаевой, Ю.А. Петрова. — Севастополь: Альбатрос.
- Ишин А.В. (2022). *Социально-политические процессы в Крыму в первой половине 1920-х годов: к 100-летию образования Крымской АССР*. [Ishin A.V. (2022). *Socio-Political Processes in Crimea in the First Half of the 1920s: to the 100th Anniversary of the Formation of the Crimean ASSR*]. — Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
- Колонтаев К.В. (2008). *Создание и деятельность органов государственной власти в Крыму и Севастополе и образование Крымской АССР в ноябре 1920–1921 гг.* [Kolontaev K.V. (2008). *The creation and activity of state authorities in Crimea and Sevastopol and the formation of the Crimean ASSR in November 1920–1921*]. — Симферополь: [б.и.]
- Кузьмина А.В. (2014). *Промышленные предприятия г. Севастополя (1930–1990-е годы)*: Дис. канд. ист. наук [Kuzmina A.V. (2014). *Industrial enterprises of Sevastopol (1930–1990s)*]. — Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Мелвин М. (2020). *История Крыма и Севастополя: от Потёмкина до наших дней*. [Melvin M. (2020). *The history of Crimea and Sevastopol: from Potemkin to the present day*]. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус.
- Тархов С.А. (1998). *Первый в Крыму: История трамвая и троллейбуса в Севастополе*. [Tarkhov S.A. (1998). *The First in Crimea: The history of the tram and trolleybus in Sevastopol*]. — **Севастополь**.
- Терещук Н.М. (2011). Деятельность учётно-контрольных органов Севастополя после исхода русской армии [Tereshchuk N.M. (2011). *The activities of the accounting and control bodies of Sevastopol after the exodus of the Russian army*] // *Прошлое Севастополя в архивн. док.: научн. ст. собр. Государственного архива г. Севастополя*. — Севастополь: Гос. архив. С. 144–147.
- Шамко Е.Н., Волошинов Л.И. (1958). *История города-героя Севастополя. 1917–1957. 2 т.* / Отв. редактор С.Ф. Найда [Shamko E.N., Voloshinov L.I. (1958). *The history of the hero city of Sevastopol. 1917–1957. 2 vol.* / S.F. Najda (ed.)]. — Киев: Изд-во Акад. наук УССР.
- Юрченко В.С. (2016). Структура, функции и деятельность органов советской власти Севастополя в 1921–1925 гг. [Yurchenko V.S. (2016). *Structure, functions and activity of Sevastopol soviet institutions in 1921–1925*] // *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 8. №6–2. С. 87–90.
- Юрченко В.С. (2015). Севастопольские предприятия местного значения в первой половине 1920-х годов [Yurchenko V.S. (2015). *Sevastopol enterprises of local importance in the first half of the 1920s*] // *Тюменский исторический сборник*. № 17. С. 249–265.

Баранов Алексей Геннадиевич

agbaranov@mail.sevsu.ru

Aleksey G. Baranov

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University

agbaranov@mail.sevsu.ru

Гармашова Елена Петровна

epgarmashova@mail.sevsu.ru

Elena P. Garmashova

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University

epgarmashova@mail.sevsu.ru

Лопатина Таисия Анатольевна

talopatina@mail.sevsu.ru

Taisiya A. Lopatina

Assistant Professor, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University

talopatina@mail.sevsu.ru

Пунга Дарья Владимировна

dvpunga@mail.sevsu.ru

Darya V. Punga

Assistant Professor, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University, Postgraduate student at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

dvpunga@mail.sevsu.ru

SEVASTOPOL'S ECONOMY IN THE 1920S: FROM THE POLICY OF «WAR COMMUNISM» TO A NEW ECONOMIC POLICY

Abstract. The article is devoted to the economic history of Sevastopol city in the 20s of the XX century. The purpose of the article is to study the peculiarities of the transformation of the Sevastopol economy in the context of the transition from the policy of «war communism» to a new economic policy. To achieve this goal, the process of creating the Council of People's Commissars and its restructuring was analyzed, the cooperative movement in the early years of the NEP was studied, the regional features of prodrazverstka (surplus appropriation system), and prodnalog (food tax) was investigated, as well as providing food to the population during the period of war communism and during the transition to the NEP.

It was revealed that the creation of the Council of People's Commissars in 1920 led to the nationalization of all enterprises in the city. After the introduction of the NEP and the restructuring of the Council of People's Commissars in 1921, some enterprises were leased to private individuals or cooperative organizations. The largest and the most profitable and strategically important enterprises remained subordinate to the Council of People's Commissars. An analysis of the cooperative movement in Sevastopol during the NEP period revealed a gradual increase in production volumes within the framework of handicraft and fishing cooperation, as well as an increase in trade turnover within the framework of consumer cooperation by the mid-1920s. The study of the prodrazverstka (surplus appropriation system) revealed that from the autumn of 1920 to the spring of 1921 in Sevastopol it was not possible to accumulate the necessary amount of food products to provide the population and military units based in Sevastopol. As a result, the first step of the NEP was the introduction of a prodnalog (food tax) — a firmly fixed in-kind tax on peasant farms, which was an incentive for their development in Sevastopol, since its size was almost two times less than the prodrazverstka. A study of the food provision to the population revealed a decrease in the number of rations issued in Sevastopol in 1920–1921. The provision of food rations in the existing norms during the period of «war communism» (from November 1920 to May 1921) was difficult due to the complexity of collecting food. The adoption of the NEP relieved the city's leadership of the obligation to supply the population with state food rations and the number of rations decreased almost 10 times in the summer of 1921.

Keywords: *economic history, Sevastopol, «war communism», NEP, industrial cooperation, consumers' cooperation, prodrazverstka (surplus appropriation system), prodnalog (food tax).*

JEL: N94, R58.

С.С. Винокуров

к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ ПО ЭКОНОМИКЕ 2024 г. И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Нобелевская премия 2024 г. была присуждена Д. Аджемоглу, С. Джонсону и Дж. Робинсону и стала первой премией с 1993 г., которая содержит упоминание институтов в своем обосновании. В статье обсуждаются развитие исследования связи институтов и экономического развития за прошедшие десятилетия, вклад лауреатов, связь с разработанной Аджемоглу теорией направленных технологических изменений, проблемы и дальнейшие перспективы институциональной теории экономического развития. Основной прогресс был связан с применением теории игр к анализу институтов, а также использованием эконометрических и других методов для тестирования теоретических гипотез. В результате произошли существенные изменения в направлении большей формализации и строгости институционального анализа. Аджемоглу, Джонсон и Робинсон стали одними из символов этих изменений, и ряд их работ можно назвать классическими в этом отношении. Среди прочего, они предложили теоретико-игровую модель формирования и изменения политических институтов и использовали метод инструментальных переменных для демонстрации того, что институты выступают причиной развития, а не наоборот. Аджемоглу и соавторов нередко обвиняют в пренебрежении культурой, идеологией, процессом создания и распространения изобретений и в стремлении представить институты единственным фактором, определяющим все аспекты экономического развития. Хотя анализ их работ рисует более сложную картину, нельзя сказать, что эта критика лишена оснований. В работе показано, что теория направленных технологических изменений ведёт к выводу, что прогресс можно и нужно направлять в выгодное обществу русло. А значит, только от политических институтов зависит, можно ли это сделать. Причина такого взгляда лежит в общей установке институциональной теории развития на процессы макроуровня и длительную перспективу. В преодолении этой установки и поиске микрооснований институциональной динамики и её связи с техническим прогрессом состоит основной вызов, стоящий перед этим направлением исследований.

Ключевые слова: *институты, экономическое развитие, политические режимы, направленные технологические изменения, Аджемоглу, нобелевская премия.*

JEL: B15, D02, O43

УДК: 330.83

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_185_196

© С.С. Винокуров, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Винокуров С.С. Нобелевская премия по экономике 2024 г. и перспективы институциональной экономики // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 185–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_185_196.*

FOR CITATION: *Vinokurov S. Nobel Prize in Economics 2024 and Prospects for Institutional Economics // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 185–196. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_185_196.*

Введение

Премия памяти Альфреда Нобеля по экономическим наукам в 2024 г. получили Д. Аджемоглу, С. Джонсон и Дж. Робинсон за «изучение того, как создаются институты и как они влияют на благосостояние»¹. Это первая премия с 1993 г., — когда ее получили Д. Норт и Р. Фогель, — которая в своём обосновании содержит упоминание институтов². Это хороший повод для того, чтобы попытаться оценить, какой путь прошло исследование связи институтов и благосостояния за последние тридцать лет, и какие перспективы открываются перед институционализмом.

В 1990-х годах В. Леонтьев сетовал на то, что в институциональном направлении нет крупных прорывов, в особенности отсутствуют исследования влияния новых технологий на институты [Самуэльсон, 2016]. Можно ли сказать, что за десятилетия исследователями институтов был сделан прорыв в понимании того, как работает экономика? Или же мы ограничиваемся прежней констатацией, что институты имеют значение и что «хорошие» институты позволяют экономике развиваться более динамично, а обществу — приблизиться к эгалитарному распределению плодов прогресса?

На мой взгляд, основной прогресс был достигнут в направлении формализации и большей строгости институционального анализа, и работы нынешних лауреатов можно назвать в этом отношении классическими. Во-первых, институциональное равновесие стали представлять в виде игры в явном виде, с привлечением к анализу всего соответствующего инструментария. Во-вторых, стали широко применяться эконометрические методы для тестирования гипотез. Выводы стали менее интуитивными, а конкурирующие гипотезы — регулярно проверяемыми. Институциональная экономика стала гораздо более «продвинутой» и смогла перейти от интерпретации экономической истории к анализу современных политико-экономических процессов.

Привело ли это к более глубокому пониманию связи институтов и экономики? С одной стороны, несомненно, да. Мы более чётко понимаем круг и диапазон параметров, при которых те или иные институты оказываются устойчивыми, можем не только утверждать, что институты имеют значение, но и судить, насколько большое значение они имеют, и, что особенно важно, отделять корреляции от причинно-следственных связей. С другой — сами эти параметры складываются на более фундаментальном уровне, о котором у нас нет достаточных представлений, чтобы строить прогнозы или давать рекомендации, что особенно остро проявляется при попытках оценить последствия распространения цифровых технологий. Симптоматично, что Аджемоглу и коллеги получили премию за изучение институтов, а не за теорию направленных технологических изменений — ещё одно важное теоретическое достижение.

В этой статье я попытаюсь охарактеризовать развитие исследований, объясняющих формирование институтов и их влияние на экономику, которое произошло со времени присуждения Нобелевской премии Норту и Фогелю. Затем я опишу два фундаментальных вклада Аджемоглу, Джонсона и Робинсона в эту теорию. Наконец, я намечу связь их подхода с теорией направленных технологических изменений и охарактеризую проблемы, с которыми институциональная теория развития сталкивается на современном этапе.

¹ The Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2024 // Nobel Foundation. October 14, 2024. Retrieved. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2024/prize-announcement/> (access date: 01.11.2024).

² Разумеется, с институционализмом неразрывно связан О. Уильямсон, получивший премию в 2009 г., как и многие другие нобелиаты, рассматривавшие институты тем или иным образом (например, премия за теорию контрактов 2016 г.).

Институты и экономическое развитие: теоретические достижения за последние тридцать лет

В этом параграфе я попытаюсь охарактеризовать основные достижения в исследовании связи экономического развития и институтов, которые происходили параллельно с творчеством Аджемоглу, Джонсона и Робинсона. Конечно, нельзя надеяться охватить все значимые результаты в рамках одного параграфа, но можно попытаться воссоздать контекст, в котором работали лауреаты.

Хорошей отправной точкой для этой цели представляется книга Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста «Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества», опубликованная в 2009 г. [North et al., 2009]. Она написана позже классических статей Аджемоглу, Джонсона и Робинсона, но наследует методологическому подходу предыдущего поколения, состоящему, главным образом, в классификации и сопоставлении [Bates, 2010; Мальцев, Розинская, 2021]. В книге можно обнаружить все основные сюжеты, характерные для исследований последних десятилетий: институциональные системы разделены на «хорошие» и «плохие» (социальные порядки открытого и закрытого доступа, соответственно), а движение между ними связано с выбором элит, которым нужно стимулировать развитие для ослабления внешней и внутренней конкуренции за контроль над территорией, и в то же время желательно сохранить ренту, извлекаемую из своего положения, которая неизбежно размывается при повышении динамизма экономики и общества. Этот выбор конституирует институциональное равновесие, которое в конечном счёте предопределяет, будут ли страны богаты или бедны в долгосрочной перспективе. Яркая особенность этой работы состоит в том, что Норт и соавторы не пытаются моделировать равновесие в теоретико-игровом смысле, в связи с чем остаётся неясным, кто выступает действующими лицами, из какого множества стратегий и как осуществляется выбор. Читателю остаётся довольствоваться межстрановыми сопоставлениями и специально подобранными историческими примерами.

Большим прогрессом в осмыслении институтов как равновесий стала программа А. Грейфа. Он противопоставляет «гоббсианское» видение институтов, как правил, которое разделял Норт, представлению их в виде теоретико-игровых равновесий [Greif, Kingston, 2011]. Для того, чтобы элита выбирала устройство институциональной системы, исходя только из оптимизационных соображений, она должна была бы обладать безграничным потенциалом к принуждению. Ведь если её решения не означают равновесия, которое могло бы возникнуть при определённых обстоятельствах, каждый находил бы отклонение от предписаний выгодным для себя и вероятным — со стороны других, так что только насилие удержало бы людей от нарушения предписаний. Следовательно, хотя преимущества в осуществлении насилия на стороне элиты могут повлиять на выбор равновесия, само по себе равновесие не может держаться на этом. Так же как и институциональные изменения не могут основываться просто на политической воле, но представляют собой следствие изменения фундаментальных параметров игры [Greif, Laitin, 2004].

Эмпирическая часть работы Грейфа, нашедшая воплощение в знаменитой книге «Институты и путь к современной экономике: Уроки средневековой торговли» [Greif, 2006]³, остаётся написанной во многом в духе Норта, предлагая лишь рефлексию над некоторыми историческими событиями (это не относится к ряду последних работ Грейфа). Однако стремительный прогресс в эмпирических исследованиях институтов стал ещё одной характерной чертой последних десятилетий. Он был связан как с накоплением

³ Русское издание: Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики. — Прим. ред.

и обобщением статистических данных, так и с развитием эконометрических, экспериментальных и квази-экспериментальных методов анализа.

Суммируя, можно говорить о следующих достижениях.

1) Многочисленные аргументы в пользу реальной зависимости от пути развития: отдалённые события прошлого влияют на институциональные характеристики современных обществ. Важно не обнаружение эффекта как таковое — его наличие несложно наблюдать практически «невооружённым глазом», — но понимание того, насколько он силён. Так, например, Н. Нанн и соавторы показали, что современные различия в уровне доверия в африканских странах на 12-20% (в зависимости от того, о доверии к чему идёт речь) определяется тем, насколько их население было затронуто трансатлантической работорговлей в прошлом [Nunn, Wantchekon, 2011], а использование предками плуга примерно на 10% объясняют межстрановые различия в участии женщин в рабочей силе [Alesina et al., 2013]. Это не настолько велико, чтобы считать, что страны находятся в ловушке собственной истории, но и не настолько мало, чтобы пренебрегать такими долгосрочными эффектами, тем более, что преодоление их последствий может требовать особых мер.

2) Сбор исторических данных и опора на эконометрические методы, позволившие непосредственно тестировать гипотезы, а не опираться на описания тех или иных исторических событий. Так, например, А. Грейфу и соавторам удалось показать, что начало промышленной революции связано с достижением плотности, с которой крупные города расположены на территории страны, определённого порога [Desmet, Greif, Parente, 2020]. Близость крупных городов приводит к тому, что цеховые ограничения перестают быть равновесием, в результате чего повышается конкуренция, а внедрение новых технологий сталкивается с меньшим числом ограничений.

3) Появление рядов данных, характеризующих политические режимы, что позволило изучать различия между президентскими и парламентскими республиками или электоральными системами в связи с государственными расходами, социальным страхованием, размерами бюрократии, подверженностью переворотам и т.д. [Persson, Tabellini, 2004].

4) Наконец, развитие экспериментальных и квази-экспериментальных методов позволило изучать эффекты конкретных норм, — от связи между легализацией абортов и преступностью [Donohue, Levitt, 2020] до изменений в направлении инвестиций в местную инфраструктуру вследствие введения женщин в деревенские советы [Chattopadhyay, Duflo, 2004].

Даже столь поверхностного обзора достаточно, чтобы видеть — изучение связи институтов и экономического развития с тех пор, как Д. Норт и Р. Фогель получили свою нобелевскую премию, претерпело колоссальные изменения. Оно стало более детализированным, опирающимся на математические модели, с развитым аппаратом эмпирических исследований и приобрело некоторое прикладное значение. Поток исследований в этой области огромен, но именно Аджемоглу, Джонсону и Робинсону удалось стать его символами, чему способствовали как невероятная плодовитость Аджемоглу, так и ряд книг, принесших им широкую популярность, выходящую за рамки профессионального сообщества. Прежде всего это бестселлер «Почему одни страны богатые, а другие бедные» [Аджемоглу, Робинсон, 2015].

Вклад лауреатов

Если попытаться выделить наиболее фундаментальные работы Аджемоглу, Джонсона и Робинсона среди их обширной библиографии, это опубликованные в 2001 г. «A Theory of Political Transition» [Acemoglu, Robinson, 2001], лёгшая в основу книги «Экономические истоки демократии и диктатуры» [Аджемоглу, Робинсон, 2015], и «The Colonial Origins of

Comparative Development: An Empirical Investigation» [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001]. Благодаря этим работам, авторы оказались практически у истоков тенденций, описанных в предыдущем параграфе. Ниже я охарактеризую вкратце основные положения этих работ и некоторых, написанных в их развитие.

Политический режим как равновесие

В простейшем случае, как, например, в выборе лево- или правостороннего движения, анализ норм как равновесия прост и понятен интуитивно: если все будут двигаться по правой стороне, попытка ехать по левой вряд ли будет успешной, и то же самое верно при выборе правостороннего движения. В случае политических институтов анализ будет более сложным. Во-первых, политические институты действуют длительное время, в течение которого происходят разного рода изменения, которые делают положение тех или иных слоёв населения в рамках действующих институтов более или менее благоприятным. Во-вторых, нужно найти объяснение, почему изменение политических институтов может быть равновесной стратегией: ведь слои населения, находящиеся в относительном выигрыше в условиях действующих институтов, «элиты», всегда могут идти на материальные уступки, одновременно угрожая репрессиями, так что менее благополучным слоям, «народу», будет разумнее отказаться от попыток навязать «элите» выгодные себе институты. Более того, при низком потенциале репрессий уступки могут быть настолько велики, что исход с точки зрения «народа» будет близок к оптимальному даже в отсутствие демократизации, что объясняет успешность и устойчивость тех автократий, в которых неравенство низко. И наоборот, когда народовластие под угрозой, «народ» может делать уступки «элите», так что она откажется от захвата власти.

Идея Аджемоглу и Робинсона состоит в том, что, поскольку условия, в которых взаимодействуют «элита» и «народ» постоянно меняются, их уступки будут не слишком надёжны и со временем их можно будет отыграть назад. Для того, чтобы повысить надёжность, нужно создание соответствующих политических институтов.

Аджемоглу и Робинсон рассматривают последовательную игру, на каждом шаге которой «делают ход» либо «элита», либо «народ», выбирающие какое-то политическое действие, либо «природа», вносящая случайные изменения в параметры игры. В простейшем случае речь идёт о перераспределении путём сбора налога и распределения собранной суммы поровну. «Элите» перераспределение невыгодно, в то время как «народ» предпочитает некоторую ставку (τ_p) (заметим, что эта ставка, скорее всего, не будет равна 1, если перераспределение связано с издержками, поскольку доход медианного избирателя, вероятно, будет близок к среднему).

Сценарий игры выглядит следующим образом.

1) Первой ходит «элита», которая выбирает правило принятия решения: демократическое или недемократическое.

2) Вторым ходит «народ» и либо соглашается с предложенным правилом, либо свергает «элиту». Если «элиту» свергают, то «элита» и «народ» остаются с выигрышами $V_E(R, \mu)$, $V_p(R, \mu)$, соответственно, где R — «революция», μ — коэффициент, определяющий, какая доля богатства сохранится в результате революции и может быть разделена обществом. Чем больше μ , тем больше $V_E(R, \mu)$, $V_p(R, \mu)$. Если «народ» соглашается на предложенное правило принятия решения, то в случае демократического правила происходит голосование, в результате которого назначается налог, за который проголосовало большинство, в этом случае выигрыши «элиты» и «народа» $V_E(D)$, $V_p(D)$, соответственно. В случае недемократического правила налог назначает «элита». «Элита» не обязательно назначит $\tau = 0$, поскольку иначе «народ», вероятно, предпочтёт революцию. Допустим, назначается ставка τ .

3) Свой ход делает «природа». С вероятностью p ничего не происходит и выигрыши «элиты» и «народа» равны $V_E(\tau)$, $V_p(\tau)$, соответственно. С вероятностью $(1 - p)$ у «элиты»

появляется возможность изменить ставку налога, не опасаясь революции. В этом случае выигрыши «элиты» и «народа» равны $V_E(N)$, $V_p(N)$, соответственно.

В такого рода играх следует искать равновесие Нэша, совершённое на «подыграх». Имеется в виду, что на каждом шаге стратегии игроков («элиты» и «народа») должны быть лучшими ответами друг на друга. Такие равновесия находятся рассуждением «с конца». Зная, что в результате хода «природы» «элита» пересмотрит свое решение, «народ» согласится на недемократическое правило принятия решения, если $V_p(R, \mu) < pV_p(\tau) + (1-p)V_p(N)$. Он согласится на демократическое правило, если $V_p(R, \mu) < V_p(D)$. Если в этих неравенствах знак поменяется на противоположный, то революция неизбежна, чтобы ни предприняла «элита» на первом шаге. Если $pV_p(\tau) + (1-p)V_p(N) < V_p(R, \mu) < V_p(D)$, «элите» будет выгодно пойти на демократизацию, если, конечно, $V_E(R, \mu) < V_E(D)$. Наконец, если $V_p(R, \mu) < pV_p(\tau) + (1-p)V_p(N)$ и $V_E(D) < pV_E(\tau) + (1-p)V_E(N)$, «элите» выгодно предлагать недемократическое правило принятия решения.

«Элита» может делать налог сколь угодно большим, дабы избежать и демократизации и революции. Чем выше μ , тем скорее «элита» предпочтёт демократизацию (это произойдёт тогда, когда налог, который следует назначить при недемократическом сценарии, превысит тот, за который, как ожидается, проголосует большинство). Но какой бы налог ни обещала «элита» при недемократическом сценарии, это не спасёт её от революции, если p достаточно близко к нулю, иными словами, если решения «элиты» не заслуживают доверия, поскольку она почти всегда сможет их изменить.

В случае, если установлено демократическое правило принятия решения, стороны меняются местами: «народ» предлагает уступки, в то время как «элита» угрожает переворотом.

Эту модель несложно распространить на бесконечное число шагов, на каждом из которых разыгрывается описанный сценарий, на большее число игроков (к примеру, введя в неё «средний класс»), а также учесть дополнительные мотивы, связанные с разного рода принципами (от защиты прав и свобод до маргинализации определённых групп населения). Однако ключевые выводы можно сделать уже сейчас. Равновесные политические институты оказываются тесно связаны с неравенством, причём эта связь нелинейна. Если неравенство низко, революция не принесет «народу» особых выгод, и недемократические институты могут сохраняться сколь угодно долго. Если неравенство высоко, то демократизация означает для «элиты» слишком большие потери, а уступки, необходимые для сохранения своего положения, слишком значительны. Такие режимы удерживаются путём жёстких репрессий. Демократические институты могут быть равновесными при умеренном неравенстве. При некотором диапазоне параметров (достаточно высоком неравенстве и низком потенциале репрессий) элита может пойти на демократизацию с последующим повторным захватом власти, — в таком случае страна будет колебаться между демократией и диктатурой. Важную роль во всём этом играет способность делать вызывающие доверие уступки, что зависит как от стабильности положения «народа» и «элит», так и от их состава, структуры экономики и господствующей идеологии. К примеру, убеждение в справедливости неравенства может быть гарантией низкого перераспределения в условиях демократии, снижая стимулы к перевороту, а идеология равенства — поддерживать недемократический режим.

Именно неспособность делать вызывающие доверие уступки, а не характер политических институтов сам по себе — основное препятствие для экономического развития. Развитие экономики позволило бы «элите» легче идти на уступки и убеждало бы «народ» в их исполнимости. Но если «элита» уже утратила доверие и не готова на демократизацию, ей остаётся полагаться на репрессии, а в этих условиях накопление богатств за пределами «элиты» представляет дополнительную угрозу, вследствие чего свободное развитие экономики будет подавляться [Acemoglu, Robinson, 2000].

Эмпирическое тестирование гипотез

Ключевая проблема в анализе влияния институтов на экономическое развитие состоит в распутывании причинно-следственных связей. То, что экономическое развитие коррелирует с определённым типом институтов, не доказывает, что экономика развилась в силу того, что были установлены подходящие институты. Возможно, напротив, в развитой экономике «хорошие» институты имели шанс сформироваться и обрести прочность. Или же хорошие институты требуются на определённом уровне развития экономики. На институты и экономическое развитие также могут одновременно влиять третьи факторы — географические или культурные.

Можно привести теоретические аргументы и даже некоторые кейсы в подкрепление любого из этих вариантов. Для выяснения действительного положения дел требуется проведение эмпирического исследования, однозначно указывающего на причинно-следственную связь. Один из важных приёмов — метод инструментальных переменных, состоящий в поиске таких факторов, которые влияли бы на институты, но не затрагивали бы современные показатели развития.

Аджемоглу и соавторы находят такую переменную в колониальном прошлом. Наиболее разительные отличия в политике в отношении колонизированных стран и территорий определялись тем, насколько привлекательными колонии были для проживания в них европейцев, что зависело от климата, прежде всего, наличия болезней, к которым у европейцев не было иммунитета. Те страны, которые были подходящими для проживания, заселялись выходцами из метрополии, те же страны, которые подходящими не были, контролировались за счёт военной силы, в то время как гражданское население не стремилось туда мигрировать. В результате в одни места европейцы привозили вслед за собой такие институты, как защита прав собственности, а в других местах разрушали их или укрепляли те экстрактивные институты, которые сложились до их прихода.

Наличие на колонизируемой территории опасных для жизни колонизаторов заболеваний выступает фактором, который определил черты институтов, создаваемых в колонии и унаследованных при обретении независимости, и в то же время этот фактор не имеет прямого воздействия на современный уровень развития бывших колоний. Аджемоглу, Джонсон и Робинсон оценивают регрессию современных рисков экспроприации собственности на смертность среди поселенцев, а затем, на втором шаге, используют прогнозные значения риска экспроприации собственности как зависимую переменную в регрессии для современного ВВП на душу населения. Как оказалось, современные значения ВВП на душу населения стран, некогда бывших европейскими колониями, может быть довольно хорошо предсказаны на основе риска экспроприации, рассчитанного исходя из смертности колонизаторов. Таким образом, институты оказали влияние на развитие стран, а не наоборот.

Эмпирическая стратегия Аджемоглу, Джонсона и Робинсона оставляет возможность того, что в дело могли вмешаться прочие факторы. Например, европейцы могли вести себя более грабительским образом на уже развитых территориях, а их развитие, в свою очередь, могло коррелировать с наличием опасных для европейцев болезней по каким-то географическим причинам. В другой статье авторы показывают, что если это и имело место, то должно было усилить результат. Действительно, наблюдается положительная корреляция между такими показателями развития территорий, как урбанизация и плотность населения и экстрактивностью колониальных институтов. Но тогда в результате установления экстрактивных институтов страны не просто не развились, но деградировали, в то время как страны с хорошими институтами не просто развивались лучше, но смогли выбраться из отсталости [Acemoglu, Johnson., Robinson, 2002]. Попутно это опровергает географическую гипотезу в объяснении различий между странами. Более того, авторы опровергают и гипотезу, согласно которой экономическое отставание бывших колоний связано с накоплением человеческого капитала — включение институтов в соответствующие регрессии показывает

крайне ограниченное значение этого фактора [Acemoglu, Gallego, Robinson, 2014]. Наконец, можно показать, что именно защита прав собственности оказывается решающим фактором, а не, например, защита контрактов (по-видимому, в силу их адаптивности) [Acemoglu, Johnson, 2005].

Что касается политических институтов, то эмпирические свидетельства подтверждают то, что важна их устойчивость, позволяющая защитить собственность от экспроприации, а не демократичность сама по себе. Включение в регрессию фиксированных эффектов для стран и периодов времени приводит к исчезновению корреляции между среднедушевым доходом и демократичностью институтов; к этому же эффекту приводит включение в регрессию смертности среди европейских поселенцев в колониальную эпоху [Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2008]. Одно из исследований, выполненное в развитие рассматриваемой идеи, показало, впрочем, что, если включить в выборку страны, которые не были колониями, то связь между среднедушевым доходом и демократией возвращается, причём с положительным знаком для не-колоний и отрицательным (!) для бывших колоний [Cervellati et al., 2014]. Однако Аджемоглу с соавторами удалось показать, что если неуспешный политический режим (что проявляется в длительной экономической стагнации) сменяется демократическим, это обеспечивает рост в последующие десятилетия, в то время, как если демократизации не происходит, значимого влияния на развитие это не оказывает [Acemoglu et al., 2019]. Демократический режим оказывается устойчив, если он успешен [Acemoglu et al., 2024], что может объяснить отрицательную связь развития и демократизации в бывших колониях.

Панинституционализм, теория направленных технологических изменений и вызовы институциональной экономики

Аджемоглу и соавторов нередко обвиняют в панинституционализме — стремлении представить всё так, как если бы всё определялось исключительно институтами, характер которых зависит от соотношения сил «народа» и «элиты» [Капелюшников, 2019а; Шаститко, 2019; Бузгалин, Колганов, 2019]. Нужно признать, что они дают к этому повод — особенно в своих популярных книгах. Однако дело не в том, что из вида упущены какие-то важные факторы. Скорее, проблема в том, что исследование связи институтов и экономического развития сконцентрировано на макроуровне, причём в достаточно долгой перспективе. «Элита» и «народ» представлены как макросектора, а как они образованы, что обеспечивает их единство и отношение сил, не детализируется, как не детализируются отдельные институциональные элементы, складывающиеся рутины и т.д. Но более важно то, что сами возможности прогресса при таком подходе формируются на ином уровне, так что «элита» и «народ» заняты лишь дележом его выгод, и если они не смогут осуществить делёж без репрессий и революций, то не смогут воспользоваться его плодами в полной мере. Поэтому важная составная часть мировоззрения Аджемоглу и соавторов в том, как они представляют экономический рост.

Значительное достижение Аджемоглу в теории экономического роста — теория направленных технологических изменений. Он отказывается от стандартного предположения, что технический прогресс трудоориентирован (что никогда не было теоретически обосновано, а лишь хорошо объясняло данные) и заменяет производственную функцию Кобба–Дугласа CES-функцией в общем виде. Основной вывод состоит в том, что разработчикам технологий выгодно развивать технологии, направленные на повышение производительности того фактора производства, который находится в избытке, которым с некоторого момента должен стать капитал [Acemoglu, 1998; Acemoglu, 2002].

Даже в условиях трудоориентированных технологий плоды прогресса могут не доставаться работникам, поскольку они могут быть принуждаемы к труду. Но в условиях капиталоориентированного прогресса они и вовсе начинают вытесняться из производства. Хотя это будет вести к тому, что новые задачи будет выгодно поручать подешевевшему труду, нет никакой гарантии, что этот эффект окажется сильнее [Acemoglu, Restrepo, 2018]. Но раз технологии направляются стимулами к их разработке, эти стимулы можно создать искусственно, принуждать разрабатывать только трудоориентированные технологии или требовать, чтобы всякая автоматизация сопровождалась достаточным количеством новых задач для труда. Да и новые технологии можно использовать по-разному. Как следствие, сам прогресс становится вопросом своего рода дележа!

И вновь мы видим ту же проблему. Задаётся макросектор, разрабатывающий технологии в том или ином направлении, их появление и включение в производство считается данностью. Если такой подход допустим для объяснения некоторых макроэкономических эффектов, то вряд ли он может служить достаточным объяснением самого прогресса. Более того, как показывает нынешний виток цифровизации, мы даже не знаем до конца, какие плоды он может принести. Возможно, сама эта неопределённость создаёт политическую нестабильность в современном мире, поскольку подрывает надёжность сделанных ранее уступок. Но почему тогда правительства ему не противодействуют?

Исходя из сказанного, можно наметить несколько вызовов, стоящих перед исследованием связи институтов и экономического развития. Первый и самый главный состоит в том, чтобы сделать шаг в сторону микроуровня и более краткосрочной перспективы. Существует много исследований,двигающихся в этом направлении, сам Аджемоглу проводит интересный анализ устойчивости властной коалиции в условиях недемократических институтов с иллюстрацией на примере сталинского Политбюро [Acemoglu, Egorov, Sonin⁴, 2008], но пока сложно говорить о том, что связь институтов и развития получила удовлетворительное микрооснование.

Второй вывод состоит в необходимости формализации связи институтов и процесса изобретения и инноваций. Эта тема не нова, но до сих пор лишена хороших тестируемых моделей. Только понимание более фундаментальных процессов может изменить наш взгляд. Без этого рекомендации, вытекающие из институционального анализа, остаются крайне неопределёнными. Сами Аджемоглу с соавторами делают противоречивые утверждения. В книге «Власть и прогресс» проводится мысль, что цифровизация уничтожает рабочие места и потому требует большего государственного вмешательства [Acemoglu, Johnson, 2023], в то время как их эмпирические работы, как минимум, неоднозначны: прямое воздействие автоматизации, несомненно, отрицательно для низкоквалифицированного труда [Acemoglu, Restrepo, 2022], однако влияние инвестиций в ИТ будет положительным [Acemoglu, Restrepo, 2020], а проникновение искусственного интеллекта не оказывает определённого влияния на занятость и заработные платы [Acemoglu et al., 2022].

В-третьих, многие исследователи в качестве недостатка работ Аджемоглу, Джонсона и Робинсона отмечают отсутствие в них роли идей [Капелюшников, 2019а, Капелюшников, 2019б; Бакеев, 2020; Заостровцев, 2022; McCloskey, 2023]. Проблема в том, что остановка на макроуровне не позволит получить нетривиальные выводы, выходящие за рамки утверждений, что идеи могут заставить «народ» и «элику» отклониться от непосредственных стимулов (в частности, в ожидании благ прогресса) или служить дополнительной гарантией уступок. Сами Аджемоглу и Робинсон пытаются инициировать исследовательскую программу, согласно которой культурные атрибуты, в том числе идеи, приобретают то или иное звучание в зависимости от политических институтов, а не наоборот [Acemoglu, Robinson, 2021, Acemoglu, Robinson, 2022]. Однако хорошая модель «рынка идей», которая позволила бы получать прозрачные и тестируемые выводы, исходя из микроуровня, отсутствует.

⁴ Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Наконец, остановка анализа на макроуровне и длительной перспективе препятствует изучению процесса перехода из одного институционального равновесия в другое. Такое изучение было бы желательным, поскольку анализ Аджемоглу, Джонсона и Робинсона в конечном счёте упирается в успешность политического режима, на которую может влиять процесс его образования. Однако и здесь отсутствие хорошей теории определения траектории институциональных преобразований ведёт лишь к констатации, что «элиты», проводя преобразования, ориентируются на доминирующие идеологические установки [Полтерович, 2017; Волинский, 2020], а шансы на успех реформ равносильны вероятности случайного попадания в крайне «узкий коридор».

Заключение

Присуждение Нобелевской премии Аджемоглу и его многолетним соавторам Джонсону и Робинсону, пожалуй, самое ожидаемое решение нобелевского комитета за последние годы. Огромное количество работ в ведущих мировых научных журналах и многолетнее нахождение среди самых цитируемых экономистов мира, известность среди широкой публики и удачное время их вхождения в предметное поле, когда многие идеи институциональных экономистов и историков экономики предыдущего поколения ожидали своей формализации и тестирования, сделали их награждение вопросом времени.

Тем не менее чтение их работ рождает искушение упрощённой трактовки связи институтов и развития: будто бы лишь относительные силы «народа» и «элит» определяют, будет ли развитие устойчивым, а процветание всеобщим. Разумеется, анализ их академических работ рисует более сложную картину. Критика лауреатов за панинституционализм не лишена оснований, однако причина состоит не в пренебрежении важными факторами развития, а ориентации институционального анализа развития на макроуровень и долгосрочную перспективу. Преодоление этой ориентации и поиск надёжных микрооснований представляет, на мой взгляд, основной вызов для институциональной теории на современном этапе.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты* [Robinson J.A., Acemoglu D. (2015). *Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty*]. — М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). *Экономические истоки диктатуры и демократии* [Acemoglu D., Robinson J.A. (2015). *Economic origins of dictatorship and democracy*]. — М.: Изд-во НИУ ВШЭ.
- Бакеев М.Б. (2020). Институциональное и культурное направления в экономике развития: предпосылки относительно мотивации агентов как источник разногласий [Bakeev M. (2020). Institutional and cultural research directions in development economics: Assumptions on agent motivation as a source of disagreement] // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2. С. 139–156. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-7.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2019). Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода [Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2019). Economic development as a change of qualitatively different systems of social and economic relations: To a critique of “pan-institutionalism” and “ideational” approach] // *Вопросы экономики*. №10. С. 99–114. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-10-99-114.
- Волинский А.И. (2020). Панинституционализм и институциональная теория реформ [Volynskii A. (2020). Pan-Institutionalism and Economic Reforms] // *Вопросы теоретической экономики*. №. 1. С. 21–30. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10102.
- Заостровцев А.П. (2022). В поисках «оков для Левиафана» (о книге Дарина Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Узкий коридор») [Zaostrovtssev A. (2022). In Search of «Shackles for Leviathan» (About the Book by Daron Acemoglu and James Robinson «Narrow Corridor»)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 186–193. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_186_193.
- Капелюшников Р.И. (2019а). Contra панинституционализм. Часть I. [Kapeliushnikov, R. I. (2019a). Contra pan-institutionalism. Part I] // *Вопросы экономики*. № 7. С. 119–146. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-119-146.

- Капелюшников Р.И. (2019б) Contra панинституционализм. Часть II. [Kapeliushnikov R. I. (2019b). Contra pan-institutionalism. Part II] // *Вопросы экономики*. № 8. С. 98–126. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-8-98-126.
- Мальцев А.А., Розинская Н.А. (2021). Теория без измерений, или Некоторые штрихи к творческому портрету Дугласа Норта [Maltsev A.A., Rozinskaya N.A. (2021). Theory without measurement or some finishing touches on the creative portrait of Douglass North] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 13. No. 4. С. 71–90. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.071-090.
- Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии [Polterovich V.M. (2017). Designing the strategies for socio-economic development: science vs. ideology] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 55–65.
- Самуэльсон П. (2016). О чем думают экономисты: Беседы с нобелевскими лауреатами / Под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта [Samuelson P.A., Barnett W.A. (2007). Inside the economist's mind: conversations with eminent economists]. — М.: Альпина Бизнес Букс.
- Шаститко А.Е. (2019). «Институты имеют значение» vs. «только (формальные) институты имеют значение» [Shastitko A.E. (2019). «Institutions do matter» vs. «only (formal) institutions matter»] // *Вопросы экономики*. № 12. С. 90–110. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-12-90-110.
- Acemoglu D. (1998). Why do new technologies complement skills? Directed technical change and wage inequality // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 113. Iss. 4. Pp. 1055–1089. DOI: 10.1162/003355398555838.
- Acemoglu D. (2002). Directed technical change // *The Review of Economic Studies*. Vol. 69. Iss. 4. Pp. 781–809. DOI: 10.1111/1467-937X.00226.
- Acemoglu D., Ajzenman N., Aksoy C.G., Fiszbein M., Molina C. (2024). (Successful) democracies breed their own support // *The Review of Economic Studies*. rdae051. DOI: 10.1093/restud/rdae051.
- Acemoglu D., Autor D., Hazell J., Restrepo P. (2022). Artificial intelligence and jobs: Evidence from online vacancies // *Journal of Labor Economics*. Vol. 40. Iss. 1. Pp. 293–340. DOI: 10.1086/718327.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K.⁵ (2008). Coalition formation in non-democracies // *The Review of Economic Studies*. Vol. 75. Iss.4. Pp. 987–1009. DOI: 10.1111/j.1467-937X.2008.00503.x.
- Acemoglu D., Gallego F.A., Robinson J.A. (2014). Institutions, human capital, and development // *Annual Review of Economics*. Vol. 6. Iss. 1. Pp. 875–912. DOI: 10.1146/annurev-economics-080213-041119.
- Acemoglu D., Johnson S. (2005). Unbundling institutions // *Journal of Political Economy*. Vol. 113. Iss. 5. Pp. 949–995. DOI: 10.1086/432166.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and progress: Our thousand-year struggle over technology and prosperity*. — London: Hachette UK.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. (2001). The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // *American Economic Review*. Vol. 91. Iss. 5. Pp. 1369–1401. DOI: 10.1257/aer.91.5.1369.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. (2002). Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 117. Iss. 4. Pp. 1231–1294. DOI: 10.1162/003355302320935025.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. (2008). Income and democracy // *American Economic Review*. Vol. 98. Iss. 3. Pp. 808–842. DOI: 10.1257/aer.98.3.808.
- Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J.A. (2019). Democracy does cause growth // *Journal of Political Economy*. Vol. 127. Iss. 1. Pp. 47–100. DOI: 10.1086/700936.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2018). The race between man and machine: Implications of technology for growth, factor shares, and employment // *American Economic Review*. Vol. 108. Iss. 6. Pp. 1488–1542. DOI: 10.1257/aer.20160696.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2020). Robots and jobs: Evidence from US labor markets // *Journal of Political Economy*. Vol. 128. Iss. 6. Pp. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.
- Acemoglu D., Restrepo P. (2022). Tasks, automation, and the rise in US wage inequality // *Econometrica*. Vol. 90. Iss. 5. Pp. 1973–2016. DOI: 10.3982/ECTA19815.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2000). Political losers as a barrier to economic development // *American Economic Review*. Vol. 90. Iss. 2. Pp. 126–130. DOI: 10.1257/aer.90.2.126.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2001). A theory of political transitions // *American Economic Review*. Vol. 91. Iss. 4. Pp. 938–963. DOI: 10.1257/aer.91.4.938.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2021). Culture, institutions and social equilibria: A framework // *National Bureau of Economic Research*. No. W28832. DOI: 10.3386/w28832.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2022). Non-modernization: Power–culture trajectories and the dynamics of political institutions // *Annual Review of Political Science*. Vol. 25. Iss. 1. Pp. 323–339. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051120-103913.
- Alesina A., Giuliano P., Nunn N. (2013). On the origins of gender roles: Women and the plough // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 128. Iss. 2. Pp 469–530. DOI: 10.1093/qje/qjt005.

⁵ Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

- Bates R. (2010). A Review of Douglass C. North, John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast's *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* // *Journal of Economic Literature*. Vol. 48. No. 3 (September). Pp. 752–756. DOI: 10.1257/jel.48.3.752.
- Chattopadhyay R., Duflo E. (2004). Women as policy makers: Evidence from a randomized policy experiment in India // *Econometrica*. Vol. 72. Iss. 5. Pp. 1409–1443. DOI: 10.1111/j.1468-0262.2004.00539.x.
- Cervellati M., Jung F., Sunde U., Vischer T. (2014). Income and Democracy: Comment // *American Economic Review*. Vol. 104. Iss. 2. Pp. 707–719. DOI: 10.1257/aer.104.2.707.
- Desmet K., Greif A., Parente S. (2020). Spatial competition, innovation and institutions: the Industrial Revolution and the Great Divergence // *Journal of Economic Growth*. Vol. 25. Pp. 1–35. DOI: 10.3386/w24727.
- Donohue J., Levitt S. (2020). The impact of legalized abortion on crime over the last two decades // *American Law and Economics Review*. Vol. 22. Iss. 2. Pp. 241–302. DOI: 10.1093/aler/ahaa008.
- Greif A. (2006). *Institutions and the path to the modern economy: lessons from medieval trade*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Greif A., Kingston C. (2011). Institutions: rules or equilibria? // *Political Economy of Institutions, Democracy and Voting*. — Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg. Pp. 13–43. DOI: 10.1007/978-3-642-19519-8_2.
- Greif A., Laitin D. (2004). A theory of endogenous institutional change // *American Political Science Review*. Vol. 98. Iss. 4. Pp. 633–652. DOI: 10.1017/S0003055404041395.
- McCloskey D. (2023). The statist neo-institutionalism of Acemoglu and Robinson // *Journal of Public Finance and Public Choice*. Vol. 38. Iss. 2. Pp. 175–204. DOI: 10.1332/251569121X16197097662211.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Nunn N., Wantchekon L. (2011). The slave trade and the origins of mistrust in Africa // *American Economic Review*. Vol. 101. Iss. 7. Pp. 3221–3252. DOI: 10.1257/aer.101.7.3221.
- Persson T., Tabellini G. (2004). Constitutions and economic policy // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 75–98. DOI: 10.1257/089533004773563449.

Винокуров Степан Степанович

stepan_vinokurov@mail.ru

Stepan Vinokurov

Cand. Econ. Sci., St.-Petersburg State University of Economics

stepan_vinokurov@mail.ru

NOBEL PRIZE IN ECONOMICS 2024 AND PROSPECTS FOR INSTITUTIONAL ECONOMICS

Abstract. The 2024 Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel was awarded to D. Acemoglu, S. Johnson and J. Robinson, and was the first prize since 1993 to include a mention of institutions in its rationale. The article discusses the development of research on the relationship between institutions and economic development over the past decades, the contributions of the laureates, the connection with Acemoglu's theory of directed technological change, and the problems and further prospects of the institutional theory of economic development. The main progress has been related to the application of game theory to the analysis of institutions, as well as the use of econometric and other methods to test theoretical hypotheses. As a result, significant changes have occurred in the direction of greater formalization and rigor of institutional analysis. Acemoglu, Johnson, and Robinson have become emblematic of these changes, and a number of their works can be called classic in this regard. Among other things, they proposed a game-theoretic model of the formation and change of political institutions and used the instrumental variables method to demonstrate that institutions cause development, and not vice versa. Acemoglu and his co-authors are often accused of neglecting culture, ideology, the process of creating and disseminating inventions, and of trying to present institutions as the only factor determining all aspects of economic development. Although an analysis of their work paints a more complex picture, this criticism is not unfounded. I show that the theory of directed technological change leads to the conclusion that progress can and should be directed in a direction that is beneficial to society. This means that it depends only on political institutions whether this can be done. The reason for this view lies in the general orientation of institutional development theory to macro-level processes and the long-term perspective. The main challenge facing this line of research is to overcome this attitude and to search for the microfoundations of institutional dynamics and their connection with technological progress.

Keywords: *institutions, economic development, political regimes, directed technological change, Acemoglu, Nobel Prize.*

JEL: B15, D02, O43.